

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Улитин Илья Николаевич

**ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель: доктор
юридических наук, профессор
Прохорова М.Л.

Краснодар – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: философские и уголовно-правовые аспекты.....	16
1.1 Философское понимание факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья.....	16
1.2 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: понятие, классификация и уголовно-правовое значение	31
2 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: компаративистские аспекты.....	46
2.1 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в истории российского законодательства	46
2.2 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в современном зарубежном законодательстве	65
2.2.1 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в законодательстве стран ближнего зарубежья	65
2.2.2 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в законодательстве стран дальнего зарубежья	91
3 Законодательные подходы к использованию факультативных признаков субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья	108
3.1 Признак «мотив» в составах преступлений против жизни и здоровья	108
3.2 Признак «цель» в составах преступлений против жизни и здоровья	136
3.3 Признак «эмоциональное состояние» в составах преступлений против жизни и здоровья.....	152
Заключение.....	177
Список использованных источников	185
Приложения	217

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Построение правового государства требует рационального установления приоритетов правовой охраны. Жизнь и здоровье, бесспорно, должны занимать центральное место в уголовно-правовой политике как объект защиты от преступных посягательств. Исходя из конституционных положений, право на жизнь и здоровье принадлежит человеку с момента рождения и является естественным. Поэтому охрана жизни и здоровья выступает первостепенной задачей уголовно-правовой политики. Умышленное лишение жизни и причинение вреда здоровью являются одними из наиболее общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом.

Согласно статистическим данным, представленным МВД РФ, в 2017 г. зарегистрировано 295212 преступлений против личности, из которых 9738 убийств и покушений на них, 24552 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. В 2018 г. названные показатели выглядели соответственно следующим образом: 283595, 8574, 23224; в 2019 г. – 270292, 7948, 21465, а в 2020 г. – 256503, 7695, 20019¹. Аналогичным и показателями располагает и Генеральная прокуратура РФ².

Представленные данные демонстрируют тенденцию незначительного ежегодного сокращения числа преступлений против жизни и здоровья. Вместе с тем показатели насильственной преступности по-прежнему свидетельствуют о ее масштабности.

Предусмотренные уголовным законом преступления против жизни и здоровья являются группой общественно опасных деяний, направленных против основополагающих личных прав человека. В науке существует традиционная классификация посягательств на жизнь и здоровье граждан, предусмотренных в гл. 16 УК РФ, которая содержит в себе 24 статьи, устанавливающие ответственность за названные преступные деяния.

¹ Статистика и аналитика МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 14.02.2020 г.).

² Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 14.02.2020 г.).

Указанная группа посягательств относится к числу преступлений, при квалификации которых встречаются определенные трудности, являющиеся следствием разнообразия, усложненности и оценочности признаков, отраженных в соответствующих нормах УК РФ, которые необходимо учитывать в процессе уголовно-правовой оценки содеянного. Следует отметить, что при осуществлении этой деятельности особое значение имеет установление содержания субъективной стороны преступления, в том числе признаков, входящих в число так называемых факультативных. Именно они во многих ситуациях позволяют выявить наличие состава соответствующего преступления, разграничить сходные деяния и применить должную правовую норму.

Целесообразность дополнительного научного исследования факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья обусловлена динамическими изменениями уголовно-правовых предписаний и политико-правовых отношений, наличием проблем при квалификации названных посягательств, обусловленных в том числе трудностями в оценке субъективных обстоятельств, отсутствием современных исследований по указанной проблематике.

Кроме того, в науке существуют споры о месте и роли мотивов, целей и эмоций в составах указанных преступлений, о значении факультативных признаков субъективной стороны при совершении и оценке преступного деяния. В последнее время в рамках зарубежных уголовно-правовых школ произошла «революция» в изучении самосознательных эмоций и их влияния на поведение человека, процессов образования мотивов и целей преступного деяния. Однако современное отечественное законодательство не уделяет достаточного внимания регламентации факультативных по своей природе, но выполняющих различные уголовно-правовые роли признаков субъективной стороны.

Таким образом, количество совершаемых преступлений против жизни и здоровья, потребности правоприменительной практики и дальнейшего совершенствования законодательства обуславливают необходимость более глубокого изучения психологического состояния «современного» преступника во всем многообразии его проявлений.

Эмоциональное состояние, мотив и цель являются обязательными элементами любой поведенческой деятельности индивида, в том числе и преступника. Выступая в виде переживаний, осмысления и переосмысления, они отражают субъективное отношение человека к тем или иным явлениям окружающего мира. Значение эмоции, мотива и цели, независимо от их юридического содержания, определяются тем, что в любом случае они выступают ядром психической деятельности лица во время совершения преступного деяния и одновременно ее оценки правоприменителем. Понимание названных обстоятельств, отразившихся на процессе осуществления посягательства, дает возможность объективно оценить особенности преступного намерения и его реализации, а также позволяет предупредить новые преступления.

Существует прочная синергетическая связь при рассмотрении специфики факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, что с неизбежностью влечет за собой возникновение спорных вопросов в их правовой регламентации и толковании в практической деятельности.

Эффективность применения уголовного законодательства требует четкости содержащихся в нем формулировок, исключающих неоднозначное их толкование. Современную регламентацию факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья вряд ли можно признать безупречной и завершённой. Как представляется, требуется ряд уточнений в их закреплении; корректировка некоторых терминов и формулировок; нуждаются в дальнейшем решении вопросы дифференциации ответственности с учетом указанных обстоятельств.

Изложенное указывает на необходимость дальнейшего научного осмысления факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, вопросов их конструирования и применения.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, касающиеся юридической оценки мотивов, целей и эмоций, всегда привлекали внимание ученых. Однако в уголовном праве не сложилось единого мнения о факультативных признаках субъективной стороны в составах преступлений, в том числе

направленных против жизни и здоровья, их содержании, взаимосвязи и взаимозависимости, а также их значении при квалификации преступного деяния.

Теоретические основы понимания факультативных признаков субъективной стороны состава преступления нашли отражение в трудах таких авторов, как А.В. Бриллиантов, Н.И. Ветров, П.С. Дагель, А.В. Иванчин, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров, В.П. Коняхин, Д.П. Котов, Ю.И. Ляпунов, А.П. Музюкин, А.В. Наумов, Н.П. Печников, Э. Ф. Побегайло, М.Л. Прохорова, А.И. Рарог, С.В. Скляр, Г.Ф. Цельникер, Р.Д. Шарапов, М.Д. Шаргородский и некоторых иных.

Отдельные вопросы, касающиеся определения содержания и значения факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, затронуты в работах таких исследователей, как М.М. Антоненко, Н.А. Бабий, Б.С. Волков, Е.И. Думанская, Н.Е. Канадина, О.С. Капинус, А.Л. Карасова, Е.Р. Кейдунова, Н.А. Колчина, А.Н. Красиков, Н.А. Лопашенко, С.А. Манойлова, Е.В. Маслова, М.А. Махмудова, А.Ф. Миникаева, А.В. Наумов, С.Х. Нафиев, С.В. Павлуцкая, Е.В. Пуляева, В.В. Рудяк, Б.В. Сидоров, В.А. Смирнов, К.К. Станкевич, Т.А. Фабрика, Р.В. Черепенников, Н.А. Чернова, А.А. Чугунов, и ряда других.

Следует отметить, что весомый вклад в развитие учений о эмоциях, мотивации и целенаправленности деятельности личности внесли такие теоретики в области психологии, как М.И. Еникеев, Е.В. Казаков, А.Н. Леонтьев, А.Г. Маклаков, С.Д. Максименко, В.В. Романов, С.Л. Рубинштейн и др.

Отмечая значимость всех ранее осуществленных авторами исследований, отметим, тем не менее, что в них комплексно и детально не рассматривались проблемы факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья с учетом их современной регламентации. Кроме того, остаются дискуссионными, не получившими однозначного решения отдельные вопросы, касающиеся определения природы, роли и содержания тех или иных признаков субъективной стороны названных посягательств. Указанные обстоятельства предопределяют целесообразность осуществления дополнительного рассмотрения избранной тематики.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формирование комплекса новых доктринальных положений о факультативных признаках субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, а также разработка на этой основе и на базе системного компаративистского анализа нормативного материала, изучения правоприменительной практики предложений по совершенствованию их законодательной регламентации.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- определить философское понимание факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья;
- рассмотреть уголовно-правовое содержание, значение и классификацию факультативных признаков субъективной стороны применительно к составам преступлений против жизни и здоровья;
- изучить закономерности и особенности конструирования факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в российском законодательстве разных исторических периодов;
- провести компаративистский анализ факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в современном законодательстве стран ближнего и дальнего зарубежья;
- определить законодательные подходы к использованию факультативных признаков субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья;
- изучить положения уголовно-правовой доктрины, философии и психологии в соответствующей их части;
- рассмотреть судебную практику применения уголовного закона с учетом эмоционального состояния лица во время совершения преступления, мотива и цели содеянного.

Методология и методика исследования. Для объективного и достоверного исследования необходима выверенная методологическая база. В процессе выполнения диссертационной работы использован комплекс общенаучных и частно-научных методов, позволяющих обеспечить объективность исследова-

ния и выступающих основой для всестороннего изучения избранной темы. В основу исследования положен всеобщий диалектический метод познания, позволяющий изучить объективно существующие закономерности, сущность и содержание факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья. Единство индукции и дедукции способствовало исследованию предмета в направлении от единичного (особенного) к общему. Использование принципа детерминизма сделало возможным определение закономерной универсальной взаимосвязи и взаимообусловленности мотивов, эмоций и целей преступлений против жизни и здоровья в объективной действительности.

Кроме того, были использованы такие общенаучные и частно-научные методы, как анализ и синтез, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-догматический, формально-юридический, методы классификации, герменевтики, моделирования и т.д.

Нормативную основу исследования составляют Конституция РФ, международно-правовые акты, посвященные вопросам охраны жизни и здоровья личности, российское уголовное законодательство (как действующее, так и его исторические аналоги), ряд иных нормативных правовых актов (Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека»; Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; некоторые ведомственные приказы и др.), современное уголовное законодательство стран ближнего (Азербайджанской Республики; Кыргызской Республики; Латвийской Республики; Литовской Республики; Республики Армения; Республики Беларусь; Республики Грузия; Республики Казахстан; Республики Молдова; Республики Таджикистан; Республики Туркменистан; Республики Узбекистан; Украины; Эстонской Республики) и дальнего (Франции, Англии, США, Германии, Японии, Китая) зарубежья.

Эмпирическая основа исследования состоит из статистических данных, подготовленных Главным информационно-аналитическим центром МВД РФ, Генеральной прокуратурой РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ; постановлений Пленума Верховного Суда РФ (от 27.01.1999 г. № 1

«О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»; от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»; от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»); материалов судебной практики по применению статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья (всего изучено 257 уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции различных регионов РФ), материалов судебной практики зарубежных стран, а также обобщенных результатов проведенного автором анкетирования практических работников – 58 следователей и 42 судей – по тем или иным аспектам исследуемой темы.

Научная новизна исследования. В диссертационной работе впервые предпринята попытка комплексного и системного исследования эмоций, мотивов и целей в составах преступлений против жизни и здоровья, а также их взаимосвязи и взаимообусловленности. Кроме того, новизна исследования состоит в постановке и рассмотрении проблемы определения современного содержания факультативных признаков субъективной стороны названных посягательств, в изучении подходов к их использованию законодателем в действующем УК РФ.

На основе осуществленного исторического анализа отечественного законодательства представлена авторская этапитизация становления и развития факультативных признаков субъективной стороны применительно к составам преступлений против жизни и здоровья. Изучение уголовного права зарубежных стран позволило выявить положения, которые могут представлять интерес в ракурсе дальнейшего совершенствования отечественного закона в соответствующей его части.

В диссертации в результате детального изучения каждого из факультативных признаков субъективной стороны, используемых в составах преступлений против жизни и здоровья, установлена их особенность и индивидуальность. Исследование их уголовно-правового значения позволило сделать вывод, что они

могут быть учтены непосредственно в законе, а могут присутствовать фактически, влияя на обеспечение принципа справедливости при назначении наказания.

Полученные результаты исследования позволили автору обосновать комплекс предложений по совершенствованию правовой регламентации факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, выработать унифицированные подходы к определению и толкованию целого ряда категорий, с ними связанных. Разработаны дефиниции понятий «аффектированное состояние», «психотравмирующая ситуация», «иные противоправные или аморальные действия». Осуществленный системный анализ позволил обосновать целесообразность нового подхода к регламентации убийства, совершенного по мотиву сострадания (с разработкой редакции статьи, предусматривающей за него ответственность, которой предложено дополнить УК РФ); общественно опасных деяний, совершенных в аффектированном состоянии; преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистскому мотиву; преступного деяния в виде пыток; преступлений, совершаемых из благих намерений, и т.д.

Изучение законодательных и научных подходов к использованию факультативных признаков субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья послужило основой для разработки новых направлений совершенствования уголовно-правовой регламентации мотивов, целей и эмоций применительно к названным посягательствам.

Научная новизна диссертационной работы проявляется и в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Философский анализ позволил установить связь между эмоциями, мотивами и целями преступлений против жизни и здоровья, в качестве которой выступает причинность. Эмоциональное состояние лица является первопричиной возникновения цели и мотива совершения преступления, а цель и мотив в свою очередь выполняют роль первопричины возникновения эмоционального состояния, формирующегося во время совершения преступления. Таким образом, рассматриваемые категории выступают первопричинами по отношению друг к другу, оказывая существенное, а порой определяющее влияние на про-

цесс формирования и реализации преступного намерения. Пусковым условием (поводом) совершения преступного деяния выступает субъективная сторона преступления, которая впоследствии (в совокупности с иными элементами) порождает образование состава преступления.

2. Предлагается авторская этапизация развития факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в отечественном уголовном законодательстве:

- этап зарождения института вины и зачатков формирования системы преступлений против жизни и здоровья (X в. – XVII в.);

- этап, знаменующий начало процесса учета объективных и субъективных обстоятельств при назначении наказания; указания эмоций, мотивов и целей преступлений в нормах права; более чёткая систематизация преступлений против жизни и здоровья (XVIII в. – XIX в.);

- этап непосредственного закрепления факультативных признаков субъективной стороны в качестве самостоятельных признаков основных, квалифицированных или привилегированных составов преступлений (XX в. – XXI в.).

3. Сравнительно-правовой анализ норм уголовного права дальнего и ближнего зарубежья, регламентирующих ответственность за преступления против жизни и здоровья, а также актов интерпретационного характера, позволил установить сходства и различия в конструировании факультативных признаков субъективной стороны, а также выявить положительный опыт регламентации ответственности за данную группу посягательств, который может быть учтен при реформировании российского законодательства. Заслуживает позитивной оценки наличие официального судебного толкования содержания убийства, учиненного с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения; понятия аффективного состояния; вопросов квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта, и преступлений, осуществленных с превышением мер необходимой обороны (Республика Казахстан). Установлено, что зарубежные законы предусматривают виды убийства, отсутствующие в УК РФ, в частности, совершенное из сострадания по настойчивой или серьезной просьбе потерпевшего (УК ФРГ). Видится вполне обоснованной имплементация подоб-

ной нормы в УК РФ путем его дополнения ст. 105¹ в разработанной автором редакции.

4. Эмоции лежат в основе формирования мотивации и конечной цели. Вместе с тем они могут видоизменяться в процессе реализации последних. Формула психического процесса, сопровождающего преступную деятельность, может быть представлена следующим образом: осознание потребности → эмоции → мотив + эмоции → цель + эмоции → процесс реализации цели (т.е. процесс совершения общественно опасного деяния) + эмоции → достижение цели (как правило, наступление преступных последствий) + эмоции.

Для уголовного права интерес вызывают именно те эмоции, которые сопровождают процесс совершения преступления, они могут совпадать с теми, что лежали в основе формирования мотива и цели, а могут и отличаться.

5. Изучение понятий «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» позволяет констатировать, что они отличаются по своему содержанию и их использование в качестве синонимов недопустимо. Для унификации уголовного законодательства и правильного понимания состояния, указанного в ст. 107 и 113 УК РФ, предлагается использовать термин «аффектированное состояние», под которым понимается состояние, оказывающее определяющее влияние на сознание и волю лица, совершившего преступное деяние, не исключаящее вменяемости, вызванное насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо его иными противоправными или аморальными действиями, а равно обусловленной ими длительной психотравмирующей ситуацией. Предложено закрепить соответствующую дефиницию в примечании к ст. 107 УК РФ, скорректировав названия и диспозиции ст. 107 и 113 УК РФ.

6. Анализ использования признаков «мотив» и «цель» при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья показал, что при их формулировании законодатель использует как единственное, так и множественное число. В рамках гл. 16 УК РФ предложено указание на мотив и цель сформулировать единообразно в единственном числе.

7. При изучении мотивов преступлений против жизни и здоровья уста-

новлено, что в УК РФ отсутствует единообразие в использовании терминов. Закон оперирует категориями «мотив» и «побуждение». Представляется, что термин «побуждение» необходимо заменить на «мотив», так как побуждение выступает в качестве компонента мотива и не может признаваться его синонимом.

8. Под убийством, совершенным по корыстному мотиву, следует понимать умышленное причинение смерти, осуществленное *для удовлетворения потребности* в получении материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или для избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

9. Формулировку мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, указанного п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ч. 2 ст. 119 УК РФ, предлагается заменить на «экстремистский мотив», чтобы избежать излишней казуистичности уголовного закона, одновременно представив содержание названного мотива в полном объеме в примечании к ст. 105 УК РФ.

10. Для «чистоты» вменения такого квалифицирующего признака преступного деяния, как «использование органов или тканей потерпевшего», целесообразно п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120 УК РФ дополнить указанием на все компоненты, названные в ст. 68 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», изложив указанный признак в следующей редакции: «в целях использования тела, органов или тканей потерпевшего». Кроме того, видится целесообразным закрепление перечня наиболее часто встречающихся форм использования тела, органов и тканей потерпевшего в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

11. В целях совершенствования отечественного законодательства, обеспечения его соответствия требованиям международного права и с учетом позитивного опыта зарубежных стран целесообразно выделить пытки в качестве

самостоятельного состава преступления путем дополнения УК РФ ст. 117¹ («Пытки»). При этом необходимо отметить, что цель для пыток является обязательным признаком.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты исследования могут быть положены в основу формирования новых подходов к осмыслению проблем использования и определения роли факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, а также могут быть полезны в процессе дальнейших доктринальных разработок в названной области.

Предложенные и обоснованные в диссертации направления корректирования регламентации признаков субъективной стороны применительно к составам преступлений против жизни и здоровья могут быть использованы в правотворческой деятельности в процессе дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации.

Обоснованные в диссертации выводы и рекомендации, касающиеся квалификации соответствующих деяний и понимания ряда категорий, использованных в законе, могут быть учтены Верховным Судом РФ при подготовке разъяснений по вопросам применения норм, предусматривающих ответственность за названные преступления, в деятельности судебно-следственных органов при их квалификации.

Положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе при преподавании уголовно-правовых дисциплин.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечена использованием надлежащей методологической основы, законодательства, как отечественного (разных исторических периодов), так и зарубежного, изучением значительного числа научных трудов в области уголовного права, психологии, философии и некоторых иных наук, а равно необходимой эмпирической базы.

Диссертационная работа подготовлена и обсуждена на кафедре уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета.

Основные положения диссертации нашли отражение в 12 научных статьях автора, 5 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Результаты осуществленного исследования докладывались на 3 международных и 3 всероссийских конференциях: 4-й Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, соискателей и магистрантов «Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики» (Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, 23.11.2018 г.); VIII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов» (Кубанский социально-экономический институт, г. Краснодар, 18.04.2019 г.); IV Международном научно-практическом форуме магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы» (Саратовская государственная юридическая академия; Саратов, 22.03.2019); III Всероссийской молодёжной научно-практической конференции «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития» (Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, 25.11.2019 г.); Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (до 35 лет), аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов «Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики» (Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, 29.11.2019 г.); V Международном научно-практическом форуме магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы» (Саратовская государственная юридическая академия; Саратов, 20.03.2020 г.).

Теоретические и практические рекомендации, высказанные автором в диссертационном исследовании, внедрены в учебный процесс и в правоприменительную деятельность, что подтверждается актами внедрения.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, три главы, объединяющие семь параграфов, заключение, список использованных источников и приложение.

1 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: философские и уголовно-правовые аспекты

1.1 Философское понимание факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья

В общем представлении философия дает возможность познать наиболее общие характеристики бытия. Именно философия является одной из форм духовной деятельности, которая направлена на постановку, анализ и решение коренных мировоззренческих вопросов, связанных с выработкой целостного взгляда на мир и человека в нем¹.

Философия есть поиск и нахождение человеком ответов на главные вопросы своего бытия², которое в свою очередь выступает объективной реальностью, которую можно постичь только с помощью разума.

Д.А. Леонтьев указывал, что философия стремится изучить жизненные цели, смыслы и идеалы, не сводимые к однозначным предписаниям и задающие не только общую направленность деятельности, но и ее конкретные примеры³.

Таким образом, философский анализ позволит установить первоначало бытия факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья, а также определить их единичное, особенное и общее. Следует отметить, что развитие наук, трансформация общества в направлении цивилизованных форм его организации невозможна без утверждения первоначал. В связи с этим сегодня гуманитарные науки, в том числе и правовые, оказались в центре обсуждения всех социально значимых проблем, что привело к междисциплинарным исследованиям.

Указанное обстоятельство обуславливает насущную потребность в глубо-

¹ См.: Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 11.

² См.: Канке В.А. Основы философии. М., 2008. С. 5.

³ Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 21.

ком проникновении в сущность всего права на основе его философского осмысления¹.

Философии неизвестны такие узкие термины, как «состав преступления»; «факультативные признаки субъективной стороны преступления»; «преступления против жизни и здоровья». Вместе с тем философская наука использует некоторые категории (высшие родовые понятия)², такие как преступление, жизнь и здоровье, эмоции, цели и мотивы.

Всеобщее (общее) представляется как объективное, внутреннее бытие той или иной закономерности развития, как бесконечная зависимость тех или иных явлений, событий, фактов друг от друга. Исходя из этого, единичное необходимо определять как объективную, качественно определенную реальность. Категорию единичного следует раскрывать не как нечто абсолютно неповторимое, однократное, а как такое единичное, которое выражает свой собственный общий тип. Категориально единичное раскрывается со стороны его конкретной всеобщности, в диалектическом единстве с ней, как необходимая форма существования всеобщности в действительности. Категории всеобщего (общего) и единичного рассматриваются как одна из форм раздвоения единого процесса на противоположные определения, условием познания которых выступает исследование их единства – особенного. В категории особенного фиксируется момент именно этого единства, и оно выступает как такой член отношения, в котором снимается односторонность каждого из них³.

В свете сказанного преступление как таковое выступает всеобщим (общим), преступление против жизни и здоровья – единичным, а особенным (в нашем случае) являются признаки субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья.

Всеобщее воплощает в себе все богатство индивидуального, отдельного;

¹ См.: Мустафаев Ф.М. Некоторые философские проблемы уголовного права // Системные технологии. 2014. № 1 (10). С. 148–154.

² См.: Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации / под ред. Е.С. Ивашкиной, В.Г. Детковой. М., 2004. С. 32–33.

³ Иванов С.Ю. Всеобщее, особенное и единичное как категории диалектической логики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 10 (104). С. 19–22.

единичное не существует без всеобщего, а последнее без единичного¹. Единство всеобщего и единичного позволяет выявить особенное, а особенное выражает связь всеобщего и единичного. Таким образом, данные философские категории позволяют установить связь всех факультативных признаков субъективной стороны в указанных преступлениях в процессе их познания и осмысления.

Сущность факультативных признаков преступления может быть исследована через сущность преступления сквозь категорию отношения, включающую в себя причину (причинность) и взаимодействие², поскольку предмет философии преступления составляют не эмпирическая личность преступника, не социальные и естественные причины преступлений, а их первопричины или причины причин³.

Таким образом, для философского осмысления факультативных признаков субъективной стороны названных посягательств необходимо понять, что подразумевается под преступлением, жизнью и здоровьем с точки зрения философии.

Сначала рассмотрим определения преступления, жизни и здоровья в разных науках, чтобы выявить дуализм и расхождение в данных терминах. Так, с юридической точки зрения, под преступлением понимается противоправное деяние, выраженное в действии или бездействии, относительно которого в уголовном законодательстве содержится прямой запрет на его совершение.

В социологии под преступлением понимается социально обусловленное следствие неспособности человека найти цивилизованные формы разрешения жизненно важных для него общественных и личных противоречий⁴.

С точки зрения психологии, это вид деятельности, определенной социальной активности человека, проявляющейся в специфических формах противоправного поведения, в коем выражаются отношение субъекта к социальным ценностям, особенности его психики, индивидуально-психологические свой-

¹ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 134–135.

² Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. М., 2005. С. 80.

³ Бачинин В.А. Философия преступления: конспект лекций. СПб., 2000. С. 5.

⁴ Философия: учебник для вузов / под ред. В.Н. Лавриненко. М., 2002. С. 255.

ства, мотивационная сфера личности, психическое состояние¹.

С позиций этики, преступление – это зло, исходящее от человека и направленное против человека².

Рассмотрев некоторые определения преступления в свете разных наук, за исключением философии, раскроем определения жизни и здоровья без философского понимания.

Так, в свете уголовного права жизнь представляет собой определённый физиологический процесс, имеющий начало и окончание. Вопрос о моменте начала жизни не имеет однозначного ответа, и суть дискуссии сводится к тому, что считать таковым – зачатие или рождение³. В медицине также нет четкости в определении момента, когда возникает жизнь и право на жизнь.

При обилии споров относительно указанного вопроса начальным моментом жизни традиционно принято считать начало физиологических родов⁴.

С точки зрения психологии, жизнь человека – непрерывная череда разнообразных психических состояний, которая происходит в момент рождения человека и завершается в момент смерти⁵.

С позиции физики, жизнь – это единая система, для которой характерна память, способность к направленной подвижности, самовоспроизведению, обмену веществ, регулируемому потоку энергии и к размножению⁶.

Вопрос смерти менее дискуссионный. Признано бесспорным утверждение, что наступление смерти следует констатировать с момента органических изменений в головном мозге и центральной нервной системе⁷. О наступлении

¹ Романов В.В. Юридическая психология: краткий курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 91.

² Зеленкова И.Л. Основы этики: учебное пособие. М., 2001. С. 285.

³ Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под. ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 77.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Еникеев М.И. Общая и социальная психология: учебник для вузов. М., 1999. С. 158.

⁶ Иваницкий Г.Р. XXI век: что такое жизнь с точки зрения физики // Успехи физических наук. 2010. № 4. С. 337–369.

⁷ Авдеев М.И. Курс судебной медицины. М., 1959. С. 522–523; Громов А.Л. Курс лекций по судебной медицине. М., 1970. С. 145; Райский М.И. Судебная медицина. М., 1953. С. 33–37; Мулюков Ф.Б. Вопросы установления объективных и субъективных признаков преступлений против жизни и здоровья // Казанская наука. 2014. № 7. С. 140–142; Преступления против личности: учебник для вузов / И.А. Подройкина [и др.]; под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серегинной. М., 2021. С. 31.

смерти человека свидетельствует только биологическая смерть, то есть состояние необратимой гибели организма как некоего целого.

Прекращение функционирования головного мозга означает окончание жизни человека (ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180–1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»¹, приказ Минздравсоцразвития РФ и РАМН от 25 мая 2007 г. № 357/40 «Об утверждении Перечня органов и (или) тканей человека – объектов трансплантации, Перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих трансплантацию органов и (или) тканей человека и Перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор и заготовку органов и (или) тканей человека»²).

Переходя к вопросу понимания здоровья, заметим: в юриспруденции³ принято считать, что здоровье – это состояние полного физиологического, психологического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физиологических дефектов.

С позиции психологии, здоровье – это одновременно состояние и сложный динамический процесс, включающий созревание и рост физиологических структур, работу организма, развитие и функционирование психической сферы, становление, самоопределение и позиционирование личности⁴.

В медицине⁵ здоровье интерпретируется как естественное состояние организма, характеризующееся его полной уравновешенностью с биосферой и отсутствием каких-либо выраженных болезненных состояний.

¹ О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180–I (ред. от 08.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/ (дата обращения: 19.03.2021 г.).

² Приказ Минздрава России № 305н, РАМН № 2 от 04.06.2015 г. «О признании утратившим силу приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Российской академии медицинских наук от 25 мая 2007 г. № 357/40 «Об утверждении Перечня органов и (или) тканей человека – объектов трансплантации, Перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих трансплантацию органов и (или) тканей человека, и Перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор и заготовку органов и (или) тканей человека» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2015 № 37703) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181442/ (дата обращения: 24.08.2020 г.).

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323–ФЗ (ред. от 29.05.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 24.08.2020 г.).

⁴ Шувалов А.В. Психологическое здоровье человека // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4 (15). С. 87–101.

⁵ Басырова В.Ш. Понимание здоровья с точки зрения различных научных подходов // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2011. № 1 (44). С. 91–94.

При изучении понятий «жизнь» и «здоровье» можно увидеть, что эти термины разграничиваются по социальному и биологическому критериям.

Все представленные определения позволяют установить закономерность расхождений в их понимании. В этой связи и возникает проблема недостаточности познавательных средств, которыми располагают частные дисциплины, и обнаруживается потребность в интегративном философском подходе¹ к изучению факультативных признаков субъективной стороны в рассматриваемых преступлениях².

Поведение людей динамично, постоянно находится в развитии. В целях его регулирования разум человека вырабатывает категории этики: нравственность; мораль; добро и зло; стыд, совесть, долг. Таким образом, поведение людей постоянно находится и изменяется в пространстве и времени.

Поведение человека входит в принцип вменения. Принцип вменения в своем первоначальном смысле связывает между собой два акта человеческого поведения: поведение одного человека с поведением другого. Так, например, в моральном законе этот принцип награду связывает с заслугой, а в правовом – наказание с преступлением³. Все это указывает на то, что в настоящее время человечество не может жить без преступлений и наказаний вследствие своего поведения и развития, что порождает необходимость постижения истины с целью предотвращения и снижения преступности.

По Гегелю, сущностью преступления является его ничтожность с точки зрения незыблемости права как абсолютной ценности. Такой вывод вытекает из следующего тезиса: «Посредством преступления нечто изменяется, и предмет существует в этом изменении, но это существование есть противоположность себя самого и, тем самым, в себе ничтожно; ничтожность состоит в том, что право снято как право. Именно право, как абсолютное, не может быть снято, следовательно, проявление преступления ничтожно в себе, и эта ничтожность

¹ Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 13.

² Маслова Е.В. Указ. соч. С. 52.

³ Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб., 2015. С. 131.

есть сущность преступного действия»¹. Таким образом, преступлением является нарушением законов бытия. Само преступное деяние представляет собой взаимодействие человека со средой и, прежде всего, негативное воздействие субъекта, наделенного сознанием и волей, на определенный объект².

Следует заметить, что моральность и есть воля в той мере, в какой она бесконечна не только в себе, но и для себя. Эта рефлексия «в себе» и «ее для себя» – сущее тождество в противоположении к в-себе–бытию и непосредственности и развивающимся в ней определенностям – идентифицирует лицо как субъекта³. Сказанное свидетельствует, что именно субъект определяет границу свободу воли и решает, какие действия он будет совершать, то есть сам выстраивает отношения. Отношение как философская категория, основанная на логических суждениях⁴, определяется связью между некоторой сущностью и тем, что с ней соотносено⁵.

Все это свидетельствует о том, что эмоции, мотивы и цели могут продемонстрировать их объективную связь между собой, а также с их влиянием на преступления против жизни и здоровья. Рассмотрим все возможные связи применительно к факультативным признакам субъективной стороны в названных деяниях с тем, чтобы раскрыть соотношение эмоционального состояния, мотива и цели преступления.

Эмоциональное состояние, мотив и цель преступления являются индивидуальными психическими характеристиками субъекта, то есть они могут быть рассмотрены в одних категориях философии.

Такие категории философии, как пространство и время, иллюстрируют одну из разновидностей принципа достаточного основания, а именно закон основания существования, то есть существования их частей относительно друг

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 145.

² Дружинин Р.А. К вопросу о понятии субъективных признаков состава преступления: историко-правовой и философский аспекты // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. С. 720.

³ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. М., 1990. С. 154.

⁴ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 2001. С. 63–64.

⁵ Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том 10. Н–О. М., 2005. С. 242.

друга. Изменения в пространстве и времени происходят по закону основания становления, то есть причинности, а если это внутренние изменения, то по закону мотивации, или основания действия.

Познание соотношения различных представлений происходит по закону основания познания, причем предельным основанием истинности абстрактных представлений оказывается их укорененность в созерцаниях¹.

Сопоставление в пространстве и времени эмоций, мотива и цели преступления позволяет установить их объем, протяженность и длительность.

Одной из важнейших форм взаимосвязи явлений бытия выступает причинность. Именно она обуславливает изменения одного явления или объекта на другое². Причина – источник новых явлений и изменений³. Проблема причинности – онтологический, а не логический вопрос, так как предполагается, что она относится к чертам действительности и, стало быть, не может быть решена априорно, чисто логическими средствами; она может быть проанализирована с помощью логики, но не может быть сведена к логическим терминам⁴.

Так, в доктрине уголовного права под причиной преступлений понимается стремление лица удовлетворить противоправным способом свои эмоции, интересы, цели⁵. По утверждению Е.В. Масловой, причинность является связью между эмоциями, мотивами и целями преступлениями⁶.

Можно согласиться с указанной позицией, так как причинность применительно к преступлению охватывает собой все факультативные признаки субъективной стороны посягательств, в том числе и рассматриваемых. Именно она выступает необходимой связью между эмоциями, мотивами и целями, позволяющей выявить соотношение всех признаков субъективной стороны преступления.

¹ История философии: учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М., 2005. С. 319.

² Бунге Марио Причинность: Место принципа причинности в современной науке. Пер. с англ. / общ. ред. и закл. ст. Г. С. Васецкого. Изд. 2-е. М., 2010. С. 16.

³ Суденко В.Е. Теория причинности в уголовном праве // Сервис plus. 2010. № 4. С. 27–36.

⁴ Суслин Э.В., Малинин В.Б. Философские основы причинной связи в уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4 (21). С. 72–75.

⁵ Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2001. С. 499.

⁶ Маслова Е.В. Философско-логический аспект факультативных признаков субъективной стороны состава преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 94–100.

С точки зрения криминологии, из совокупности взаимосвязанных причин преступления выделяются наиболее значимые внутренние элементы, а именно: мотивация преступного поведения; условия, способствующие достижению преступного результата; эмоциональное состояние лица¹.

Таким образом, эмоции, мотив и цель посягательства являются не только признаками его субъективной стороны, но и входят в систему причинности преступления.

В связи с тем, что причинность самого преступления – удовлетворить эмоции, интересы и цели, именно эмоциональное состояние лица выступает первопричиной возникновения цели и мотива, а цель и мотив являются первопричиной возникновения эмоционального состояния. Таким образом, рассматриваемые элементы выступают первопричинами по отношению друг к другу, что свидетельствует о их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Никакой социальный порядок, заперты в правовых нормах не могут устранить склонности или интересы человека, как и эмоции, мотивы и цели, побуждающие его к действию или бездействию². Именно поэтому факультативные признаки субъективной стороны преступления имеют крепкую связь между собой, в рамках которой каждый из таких признаков попеременно выступает то причиной, то следствием³.

Причина и следствие – парные философские категории, совместно выражающие один из моментов всеобщего взаимодействия, генетическую связь явлений, то есть обозначающие специфическую обусловленность некоторого обоснованного взаимодействия⁴. Причина реализуется через многообразие каузальных условий – факторов, от которых зависит возникновение, существование, исчезновение той или иной вещи. Вместе с тем сами по себе они ее не про-

¹ Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 99.

² Ганс Кельзен. Указ. соч. С. 81.

³ Есаков Г.А. Привходящие действия третьих лиц и причинная связь // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26-27 января 2012 г.). М., 2012. С. 192-198.

⁴ Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии. Екатеринбург, 2003. С. 108.

дуцируют¹. Таким образом, пусковым условием (поводом) будет выступать субъективная сторона, которая впоследствии (в совокупности с иными элементами) порождает образование состава преступления.

Как указывалось ранее, первопричиной возникновения эмоций являются цель и мотив, где цель выступает идеальным или реальным предметом сознательного или бессознательного стремления субъекта, финальным результатом, на который преднамеренно направлен процесс², а мотив подразумевает побуждение субъекта к деятельности. При таком раскладе именно стремление и побуждение образуют эмоции, протекающие в сознательных или бессознательных психических процессах во время совершения преступного деяния. В случае же, когда первопричиной возникновения цели и мотива являются эмоции, то следствием выступает потребность, сформированная до совершения преступного деяния, порождающая его осуществление.

Ранее отмечалось, что преступление является формой удовлетворения определённых потребностей. Важной особенностью выступает то, что данное утверждение касается главным образом преступлений с умышленной формой вины. Потребность в умышленных преступлениях как внешний факт образует стремление, побуждение и эмоции.

Эмоциональное состояние можно назвать следствием потребности, основываясь на определении понятия эмоции, которое в психологии формулируется именно через потребность³. Таким образом, потребность есть существенный признак эмоций, мотивов и целей.

По утверждению А.В. Абрамовой⁴, эмоции обладают «логикой», которая особым образом должна проявляться в формировании мотивов нравственного поведения, что, несмотря на стереотипное, укоренившееся в философской мыс-

¹ Парнюк М.А. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972. С. 147.

² Новая философская энциклопедия. В четырех томах // Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., 2010. С. 317–319.

³ Маслова Е.В. Философско-логический аспект факультативных признаков субъективной стороны состава преступления. С. 94–100.

⁴ Абрамова А.В. Проблема рациональности эмоций в истории философии: современная интерпретация // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 118–124.

ли представление об иррационализме эмоций, прослеживается даже в классических этических доктринах.

Движение и образование факультативных признаков субъективной стороны преступления происходит внутри его субъекта, в психике, сознании последнего и является основанием неправомерного поведения, то есть направлено против законов нравственности.

Когда личность нарушает права как права, она становится субъектом свободной воли¹. Воля же представляется «инструментом» регулирования субъектом своего поведения и своей деятельности. Она не содержит в себе физические и эмоциональные свойства, а включает в себя принципы и пределы морали, ценности личности. В данном контексте воля представляется внутренним условием, создающим возникновение факультативных признаков субъективной стороны преступления.

Согласно Г. Гегелю, воля содержит в себе элемент чистой неопределенности или чистой рефлексии «я в себя», в которой растворено всякое ограничение, всякое содержание, непосредственно данное и определенное природой, потребностями, вожделениями, влечениями или чем бы то ни было; это безграничная бесконечность абсолютной абстракции или всеобщности, чистое мышление самого себя².

А.В. Маркин конкретизирует, что существует правовая воля, под которой понимается сознательное и свободное стремление к поддержанию и защите нормативного порядка³.

Все сказанное свидетельствует о том, что воля побуждает формирование мотива, последний выступает следствием эмоций, что в результате порождает появление цели.

Любые сознательные действия субъекта преступления, осуществляемые умышленно, направлены на достижение определенной цели, а цель, которой

¹ История политических и правовых учений / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 2000. С. 237.

² Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 70

³ Маркин А.В. Философия права: электронное учебно-методическое пособие к практическим занятиям. Тольятти, 2018. С. 31.

субъект должен подчинять свою волю, определяет способ и характер действия¹. Цель всегда является осознанной, в свою очередь свидетельствует о том, что субъект пытается изменить объективную реальность в связи с тем, что она не позволяет удовлетворить какие-либо его потребности.

Изложенное позволяет сделать вывод, что цель преступления охватывает все категории, входящие в бытие факультативных признаков субъективной стороны преступления, и как следствие является звеном, объединяющим эмоции и мотив.

Философское осмысление факультативных признаков субъективной стороны преступления показывает, что эмоции, мотив и цель связаны между собой и являются «цепочкой» взаимосвязанных элементов преступления так такового. Данная связь свидетельствует, что каждый из названных признаков выступает первопричиной последующего и следствием по отношению к первичному.

Таким образом, можно сделать вывод, что при квалификации преступления и при назначении наказания нельзя учитывать существование одного факультативного признака преступления без другого.

Затрагивая вопрос назначения наказания, заметим, что в ч. 3 ст. 60 УК РФ предусмотрена необходимость учета при осуществлении этого процесса характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Таким образом, акцентируется внимание на том, что при назначении наказания учитываются как субъективные, так и объективные факторы.

Заслуживает внимания мнение Е.В. Масловой, утверждающей, что для устранения нарушения философско-логической взаимосвязи факультативных признаков субъективной стороны состава преступления необходимо в тексте уголовного закона указывать эмоциональное состояние лица, мотив и цель преступления с учетом времени возникновения каждого из них. Ею предлагается дополнить ст. 64 и ст. 67 УК РФ указанием на все факультативные признаки, входящие в субъективную сторону состава преступления². Автор акцентирует

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969. С. 195.

² Маслова Е.В. Указ. соч. С. 9.

внимание на данных статьях кодекса в связи с тем, что ст. 64 УК РФ содержит указание на исключительные обстоятельства, связанные с целями и мотивами преступления, а ст. 67 УК РФ – на цель преступления. Она утверждает, что отсутствие хотя бы одного факультативного признака субъективной стороны преступления нарушает их философско-логическую взаимосвязь.

Мы солидарны с указанной позицией, также считая, что в ст. 64 и 67 УК РФ необходимо указать все факультативные признаки субъективной стороны преступления. Кроме того, мы предлагаем дополнить ст. 60 УК РФ частью 4 в следующей редакции: «При назначении наказания лицу, признанному виновным в умышленном преступлении, учитываются его эмоциональное состояние во время совершения преступления, а также мотивы и цели преступления».

Как известно, ч. 3 ст. 60 УК РФ устанавливает, что при назначении наказания подлежат учету характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного. В рамках этого общего начала назначения наказания, безусловно, могут быть учтены эмоции виновного, мотив и цель преступления. Вместе с тем представляется, что, регламентируя указанную норму, законодатель вложил в нее чрезмерно широкое содержание. В правоприменительной практике это приводит к оставлению без внимания факультативных признаков субъективной стороны преступления. При изучении судебных приговоров по делам о преступлениях против жизни и здоровья не выявлены судебные акты, в которых бы при назначении наказания были учтены указанные обстоятельства.

Осмыслив философское понимание факультативных признаков субъективной стороны преступления, необходимо рассмотреть их в контексте преступлений против жизни и здоровья.

С точки зрения философии, жизнь есть такой способ существования особой материи, который характеризуется подвижностью и изменчивостью¹. Жизнь также понимается как непрерывный поток, но он состоит из индивидов – отдельных носителей жизни. С точки зрения уголовного права, жизнь является естественным благом человека, а закон в подтверждение этого констатирует

¹ Петров Ю.В. Философия и жизнь: от философии жизни к философии культуры // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 5–18.

право человека на жизнь¹. Жизнь принадлежит каждому человеку от рождения, она является самым ценным благом, поэтому посягательство на нее становится наиболее тяжким преступлением².

Жизнь в философском понимании сводится к следующим моментам. Во-первых, человеческая жизнь, в конечном счете, всегда есть индивидуальная, личная, «своя». Во-вторых, жизнь в рождении дается «даром»; естественно; существует «даровое» возникновение жизни. Однако дарового «потребления» жизни не может быть в принципе. Чтобы сохранить себя, жизнь постоянно борется, что в отношении к человеку означает трудовое или хозяйственное начало жизни³. В-третьих, жизнь всегда привязана к субъекту, так как она не позволяет войти в другую жизнь или сознание. Жизнь есть определенные состояния, длящиеся во времени. В-четвертых, жизнь выходит за пределы рефлексии и тем самым не может быть осмыслена субъектом с помощью своего сознания.

Здоровье же является идеальным объектом, содержащим и определяющим человеческий образ, сохраняющим его в окружающем беспорядке. Здоровье – это то, что сохраняет бытие человека⁴. Отсутствие здоровья сначала делает невозможным физическое существование человека, а затем полностью разлагает его в небытии⁵. Все это указывает на то, что жизнь и здоровье – явления взаимосвязанные, одно не может существовать без другого.

Жизнь и здоровье относятся к высшим благам человеческой сущности, являются ценностными ориентирами. В связи с этим законодатель обоснованно поместил нормы, предусматривающие данные преступления, в начале Особенной части УК РФ, придав им тем самым особую важность.

Различия в преступлениях могут быть только в степени и характере зла⁶. Деяния, содержащиеся в гл. 16 УК РФ, расположены в иерархичном порядке в

¹ Тищенко Е.В. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны // Юридическая мысль. 2017. № 4 (102). С. 106-114.

² Кейдунова Е.Р. Уголовная ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах (п.п. «а», «д», «е» части 2 ст. 105 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 9.

³ Булгаков С. Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. М., 1912. С. 45.

⁴ Щеглов А.П. Философские аспекты понятия «здоровье» // Развитие личности. 2017. № 2. С. 70–94.

⁵ Платон. Теэтет 185с // Theaetetus, ed. J. Burnet, Platonis opera. Vol. 1. Oxford, 1900 (repr. 1967): St. I.142a–210d.

⁶ Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. М., 2013. С. 24.

зависимости от степени зла. Зло выступает ценностным представлением, которое противоположно добру (благу). Благо в свою очередь является универсалием культуры, основополагающей категорией для морали и этики.

Сознательное посягательство на жизнь и здоровье является нарушением всеобщих законов развития мира и общества, выход за пределы нравственных категорий ценностей. У человека, который удовлетворяет свои потребности путем преступного деяния против жизни или здоровья, происходит отчуждение личности и ее субстанциального бытия¹. У таких преступников отсутствуют пределы воли, нарушены в сознании категории нравственности и морали.

Таким образом, «злая» воля образует неправомерную цель, что является следствием неправомерного мотива, а впоследствии – появлением соответствующих эмоций.

Подводя итог философскому анализу, можно *заключить*:

1. Преступление как таковое выступает всеобщим (общим), преступление против жизни и здоровья – единичным, а особенным, среди прочего, являются признаки субъективной стороны названных посягательств.

2. Причинность выступает необходимой связью между эмоциями, мотивами и целями преступлений, позволяя выявить соотношение всех признаков их субъективной стороны. Эмоции, мотив и цель являются не только составляющими субъективной стороны преступления, но и входят в систему его причинности. Причинность умышленных деяний является путем к удовлетворению эмоций, интересов и к достижению целей. Эмоциональное состояние лица выступает первопричиной возникновения цели и мотива совершения преступления, а цель и мотив являются первопричиной возникновения эмоционального состояния, формирующегося во время совершения преступления. Таким образом, рассматриваемые категории выступают первопричинами по отношению друг к другу, оказывая существенное, а порой определяющее влияние на процесс формирования и реализации преступного намерения.

3. Пусковым условием (поводом) совершения посягательства выступает его субъективная сторона, которая впоследствии (в совокупности с иными эле-

¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. М., 1990. С. 121.

ментами) порождает образование состава преступления.

4. Субъект преступления определяет границу свободы воли и то, какие действия он будет совершать, то есть сам выстраивает отношения. Воля является внутренним условием, создающим появление факультативных признаков субъективной стороны преступления. Она приводит к формированию мотива, мотив является следствием эмоций, порождая появление цели.

5. Цель охватывает все категории, входящие в бытие факультативных признаков субъективной стороны преступления, что в результате является основным звеном, объединяющие эмоции и мотив.

6. Эмоции, мотив и цель сопряжены между собой и являются «цепочкой» взаимосвязанных признаков преступления так такового. Данная связь показывает, что каждый факультативный признак выступает первопричиной последующего и следствием по отношению к первичному.

7. В свете проведенного анализа предлагается дополнить ст. 60 УК РФ ч. 4 в следующей редакции: «При назначении наказания лицу, признанному виновным в умышленном преступлении, учитываются его эмоциональное состояние во время совершения преступления, а также мотивы и цели преступления».

8. Сознательное посягательство на жизнь и здоровье является нарушением всеобщих законов развития мира и общества, выход за пределы нравственных категорий ценностей. У человека, который удовлетворяет свои потребности путем преступного деяния против жизни или здоровья, происходит отчуждение личности и ее субстанциального бытия. У таких преступников отсутствуют пределы воли, нарушены в сознании категории нравственности и морали. Таким образом, «злая» воля образует неправомерную цель, что является следствием ненравственного мотива, а последние – появление соответствующих эмоций.

1.2 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: понятие, классификация и уголовно-правовое значение

Совокупность определенных объективных и субъективных признаков, за-

креплённых в уголовном законе, выступает обязательной предпосылкой для формирования состава преступления. В уголовном праве понятие «состав преступления» является преимущественно доктринальным, а не законодательным. Кодифицированные уголовно-правовые акты большинства стран мира не используют данную правовую категорию. Вместе с тем этот термин достаточно широко используется в УК РФ и УПК РФ, например, в ст. ст. 8, 31 УК РФ, ст. ст. 24, 302 УПК РФ и т.д., а также в теории уголовного права и следственно-судебной практике. Каждый элемент состава объединяет в себе признаки, которые для определенного преступления по-своему специфичны и, как правило, неповторимы. С учетом этого каждое деяние, закрепленное в уголовном законе, индивидуально, УК РФ указывает на признаки, характерные для конкретного вида посягательства¹.

Одним из элементов состава преступления выступает его субъективная сторона. В юридической теории и практике она имеет чрезвычайно важное значение, что обусловлено рядом обстоятельств. Будучи составной частью основания уголовной ответственности, субъективная сторона преступления позволяет отграничить преступное поведение от непроступного². Она отражает форму вины субъекта преступления, мотивационную составляющую, целевую направленность его поведения, эмоциональное состояние лица во время совершения посягательства, что в результате создает необходимые предпосылки для правильной квалификации содеянного. Кроме этого, субъективная сторона преступления позволяет отграничивать друг от друга составы преступлений, сходные по объективным признакам³.

Следует отметить, что воплощение личностного подхода к установлению и реализации уголовной ответственности обеспечивает соблюдение принципов

¹ Улитин И.Н. Уголовно-правовое значение факультативных признаков субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья личности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147). С. 93–98.

² См.: Неустроева А.В., Веснина С.Н. Значение объективных данных произошедшего в получении информации о субъективной стороне преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Дальневосточном федеральном округе: материалы Всероссийской научно-практической конференции / ред. Е. П. Ким. Хабаровск, 2008. С. 116–120.

³ См.: Маркарян С.А. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 271.

вины и справедливости, закрепленных уголовным законом. Именно в ст. 5 УК РФ, помимо как о запрете объективного вменения (ч. 2), говорится о том, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (ч. 1)¹. Для дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности необходимо определить все признаки состава преступления, в том числе образующие его субъективную сторону. В отечественном законодательстве не содержится понятия субъективной стороны преступления. В этимологическом понимании слово «субъективный» интерпретируется как внутреннее свойство, присущее определенному субъекту, лицу. Вместе с тем в уголовно-правовой науке сложился единый подход к оценке данного феномена². Под субъективной стороной преступления понимается внутренняя его сторона, психическая деятельность лица, непосредственно связанная с его совершением. Законодатель раскрывает ее содержание путем использования таких категорий, как вина, мотив, цель и эмоциональное состояние. Это связано с тем, что названные признаки характеризуют именно психическую (внутреннюю) сущность преступления, причем с различных сторон, что и является основанием их отнесения к субъективной стороне.

Субъективная сторона присуща всем преступным деяниям без исключения, в том числе направленным против жизни и здоровья. Ее особенность применительно к последним предопределена их объектом.

В правовой доктрине существует спор о месте субъективной стороны в составе преступления, о взаимосвязи ее признаков. Рассматривая вопрос о соотношении субъективной стороны преступления и вины, следует отметить, что ряд ученых указывают на полное совпадение данных категорий³. Они полагают,

¹ Иванчин А.В. О необходимости совершенствования законодательной регламентации принципов отечественного уголовного права // Вопросы факта и права в юридической деятельности: сборник научных статей (посвящается 110-летию со дня рождения проф. Якова Овсеевича Мотовилова). Сер. «Ярославская юридическая школа XXI века». Ярославль, 2020. С. 32-50.

² См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 52; Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 212.

³ См.: Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 41–42; Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступления. М., 1958.

что интеллектуально-волевая деятельность человека напрямую связана с эмоциональной и мотивационной деятельностью. Данной позиции придерживаются представители других отраслей права, а также некоторые исследователи в области общей теории права. Например, Н.И. Матузов и А.В. Малько считают, что субъективная сторона выражается через понятия «вина» или «виновность». В субъективную сторону уже включены побуждения лица¹. В иных источниках отмечается, что субъективная сторона любых правоотношений характеризуется целями, мотивами и установками. В теории права также распространено мнение, что субъективная сторона правонарушения определяет вид и степень виновности субъекта, характеризует его психическое отношение к содеянному, а также мотивы и цели последнего².

Цивилисты рассматривают субъективную сторону состава гражданского правонарушения через понятие вины³. Данные выводы они делают из анализа ст. 401 ГК РФ, согласно которой лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности). ГК РФ при регламентации гражданской ответственности не использует таких категорий, как мотив и цель. Таким образом, гражданское законодательство отождествляет субъективную сторону и вину.

Вина в гражданском праве по общему правилу рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как неприятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации⁴.

В конституционном праве наличествуют различные взгляды на содержа-

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. С. 210.

² См.: Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб. пособие / А.Ф. Колотов, О.С. Вырлеева-Балаева, В.Н. Симонов, И.В. Скуратов, Ю.В. Ярыгина. Оренбург, 2013. С. 218.

³ См., напр.: Васильев В.В. Теоретические проблемы субъективной стороны состава правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1 (4). С. 28–32; Кузнецова О.А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2 (20). С. 134; Монастырский Ю.Э. Роль вины кредитора в установлении объема ответственности и непредвидимости убытков // Закон. 2018. № 6. С. 79–91.

⁴ Российское гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. Т. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

ние субъективной стороны конституционного деликта. Так, Т.Д. Зражевская при характеристике конституционного деликта отмечает, что «субъективной стороной состава правонарушения является вина»¹. Аналогичного мнения придерживается и Р.В. Федоров, указывая, что «субъективной стороной конституционно-правового деликта является виновное отношение делинквента к правонарушению, при этом вина проявляется в форме умысла или неосторожности»².

В науке административного права субъективную сторону правонарушения определяют как отражение отношения правонарушителя к совершенному им деянию и его последствиям, определяемого как форма вины³. По замечанию А.М. Волкова, «субъективная сторона состава административного правонарушения – это вина, то есть психическое отношение лица к совершенному им противоправному деянию и возможным его последствиям»⁴.

Таким образом, по смыслу приведенных точек зрения, факультативные признаки субъективной стороны преступления являются частью вины. Соответственно, содержание субъективной стороны исчерпывается виной, включающей в себя и другие психические процессы – мотивацию, целеполагание, эмоции.

С точки зрения уголовного права, согласиться с данной позицией сложно, так как по объему и содержанию субъективная сторона преступления все-таки шире вины и не сводима к ней. Прежде всего, отождествление вины с субъективной стороной преступления не отвечает законодательной формуле первой. В ч. 1 ст. 24 УК РФ не указываются мотив, цель и эмоции, которые в свою очередь, несомненно, характеризуют психическую активность субъекта в связи с совершением преступления. Данной позиции придерживается большинство ав-

¹ Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 70.

² Федоров Р.В. Юридические гарантии в системе мер конституционно-правового обеспечения депутатской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 164.

³ См., напр.: Бондарь Е.О., Фадеева И.В. Проблемы определения вины юридического лица по законодательству об административных правонарушениях // Современное право. 2016. № 2. С. 105–109; Рымарев Д.С. Вина как необходимое условие конституционно-правовой ответственности участников выборов: монография. Иркутск, 2017. С. 112; Хатова Ж.М. Понятие состава административного правонарушения нуждается в законодательном закреплении // Административное право и процесс. 2007. № 1. С. 25–27.

⁴ Волков А.М. Административное право в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2018. С. 88.

торов, например, такие, как А.И. Рарог¹, П.С. Дагель², Б.В. Епифанов³ и др. Она нашла отражение и в правоприменительной деятельности Конституционного Суда РФ. Согласно его правовой позиции, изложенной в постановлении от 30 июля 2001 г. № 13-П, принципом ответственности является наличие вины как элемента субъективной стороны правонарушения⁴. Таким образом, Конституционный Суд РФ подчеркивает, что вина является обязательным признаком субъективной стороны, но при этом не исключает присутствие других ее составляющих.

Другая группа ученых считает, что вина шире субъективной стороны преступления. К примеру, по мнению Ю.А. Демидова, «вина не может сводиться к какому-либо элементу преступления, хотя бы к умыслу и неосторожности, или к деянию, взятому с его объективной стороны. Она равно выражается как в объективной, так и в субъективной стороне преступления»⁵. Автор отмечал, что содержание вины необходимо видеть в совершении преступления конкретным лицом, в единстве объективных и субъективных обстоятельств, в которых выразилась вина. Эта позиция видится спорной, так как отождествление факта совершения преступления с виной означает объективирование вины, что в свою очередь лишает ее конкретной определенности как признака состава, нивелирует ее содержание и самостоятельное значение.

Большинство специалистов уголовного права раскрывает субъективную сторону преступления через ее юридические признаки – вина, мотив, цель и эмоции. Приверженцем этой точки зрения является и автор настоящей работы.

Субъективная сторона преступления содержит в себе обязательные и факультативные признаки. Общеизвестно, что к ее обязательному признаку отно-

¹ См.: Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 7.

² См.: Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. 1969. № 1. С. 78.

³ Епифанов Б.В. Субъективная сторона преступления. Лекция // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 138–160.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 6.

⁵ См.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценки в уголовном праве. М., 1975. С. 84.

сится вина, а к факультативным – мотив, цель. В науке уголовного права к числу последних рядом ученых также отнесены и эмоции¹. Обязательный признак присущ преступлениям с любой формой вины (умысел или неосторожность), а факультативные признаки присутствуют только в характеристике умышленных деяний. Все признаки субъективной стороны индивидуальны, выступают самостоятельными психологическими явлениями, не охватывающими собой друг друга. В данном случае следует обратить внимание, что в психологии выделяют три категории, которые, так или иначе, связаны с активностью индивида, – мотив, потребность и эмоция².

Как отмечал С.Л. Рубинштейн, всякое действие человека исходит из тех или иных мотивов и направлено на определенную цель, выражая определённое отношение человека к окружающему миру³. Известный психолог А.Н. Леонтьев указывал на то, что цели, мотивы и эмоции являются самостоятельными элементами психологической активности личности⁴. В силу своей самостоятельности все они взаимосвязаны и зарождаются в потребности личности.

Таким образом, психология рассматривает мотив, цель и эмоции как самостоятельные элементы психической активности человека. Думается, что данный подход верен, так как каждый поведенческий акт субъекта преступления является результатом взаимодействия всей совокупности элементов психической деятельности лица. «Расчленение» субъективной стороны преступления на интеллектуальные, волевые, целевые, мотивационные и эмоциональные моменты условно и требуется как необходимое условие для правильной квалификации содеянного.

При квалификации преступлений против жизни и здоровья установление

¹ См: Манойлова С.А. Эмоции в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 101; Чернова Н.А. Эмоции, связанные с преступлением: понятие, виды и проблемы учета по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017; Ее же. Эмоции в структуре субъективной стороны преступления // Современный юрист. 2016. № 2. С. 108–119; Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под. ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 277. и др.

² См.: Чернова Н.А. Соотношение мотива совершения преступления и эмоций в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70). С. 116–121.

³ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 14.

⁴ См.: Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971. С. 1, 13–20, 23–28, 35–39.

факультативных признаков субъективной стороны имеет особое значение. Именно они позволяют нередко разграничить сходные деяния, применить должную норму права, назначить соответствующее наказание.

Применительно к неосторожному преступлению уголовное законодательство не включает в содержание субъективной стороны факультативные признаки (мотив, цель и эмоции). По мнению Г.Ф. Цельникера, в преступлениях с неосторожной формой вины цели и мотив отсутствуют¹. Соглашаясь с тем, что для неосторожных деяний не следует предусматривать факультативных признаков субъективной стороны, имеющих уголовно-правовое значение, тем не менее, заметим, что и при их совершении психическая деятельность субъекта фактически, как правило, характеризуется наличием мотивов и эмоций, особенно если речь идет о преступлениях, совершаемых по легкомыслию.

Одной из проблем выступают составы преступления с формой вины, законодательством четко не определенной (например, деяния, предусмотренные ст. 110, ч. 4-6 ст. 110¹ УК РФ). В случае если эти преступления рассматривать с позиций неосторожной формы вины, то, безусловно, следует констатировать отсутствие факультативных признаков субъективной стороны. При признании таковых умышленными необходимо заключить, что их субъективной стороне свойственны факультативные признаки. По крайней мере, фактически, даже если они не предусмотрены законом в качестве признаков составов соответствующих преступных посягательств.

В частности, на необходимость выявления мотивов и цели преступления указывает Верховный Суд РФ. Так, согласно абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее – ППВС РФ № 1)² по каждому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ преступления. Верховный Суд РФ указывает, что выявление мотивов и цели позволяет установить форму вины преступника.

¹ См.: Цельникер Г.Ф. Вина в российском уголовном праве: общетеоретический и исторический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 17.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 23.11.2020 г.).

Таким образом, за исключением деяний, указанных в ст. 109 и ст. 118 УК РФ, а также преступлений с формой вины, законодателем четко не определенной, все преступления против жизни и здоровья, ответственность за которые установлена в гл. 16 УК РФ, характеризуются закрепленным в законе или, по крайней мере, фактическим наличием факультативных признаков, свойственных субъективной стороне. При этом, как вытекает из предыдущей посылки, факультативные признаки субъективной стороны рассматриваемых посягательств можно дифференцировать на две группы:

- эмоции, мотивы или цели, закрепленные в качестве признаков того или иного состава (конструктивных, квалифицирующих, привилегирующих);
- факультативные признаки субъективной стороны преступления, фактическим наличествующие, но в законе, однако, не названные.

В науке и практике применения уголовного права без полемики признаются два факультативных признака субъективной стороны преступления¹ – мотив и цель. Сторонники исключения эмоционального состояния из их числа полагают, что оно не может быть самостоятельным элементом психического отношения лица к общественно опасному деянию. Авторы, в частности, утверждают, что эмоции препятствует правильному пониманию субъективной стороны в качестве психической деятельности, поскольку они представляют собой не деятельность как таковую, а фон, на котором она протекает. Поэтому особые эмоциональные состояния (аффект) принято рассматривать не в качестве самостоятельного признака субъективной стороны, а в качестве характеристики умысла (аффектированный умысел)².

Указанная позиция представляется дискуссионной, так как эмоции по своей природе не могут выступать фоном психологической активности индивида. Любому разумному существу присущи эмоции, они влияют на деятельность

¹ См., напр.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://onlineovp1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=171878658006150793808365047> (дата обращения: 23.09.2020 г.).

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 551.

личности, на формирование установок и выбора действий либо бездействия. Эмоциями окрашены все внешние и внутренние явления состояния индивида, они находят свое отражение в осознании потребности, в процессе формирования мотивации и целеполагания, они также свойственны человеку во время совершения преступления. В связи с этим эмоции преступника имеют существенное самостоятельное значение. Они оказывают разнообразное влияние на поведение и сознание преступника; в большинстве случаев затрудняют оценку действительности, создают элемент неадекватности восприятия и волепроявления¹, что в результате приводит к негативным последствиям в виде совершения противоправного деяния.

Кроме того, спорной представляется позиция, согласно которой аффект как эмоциональный процесс рассматривается в качестве характеристики умысла, поскольку уголовное законодательство устанавливает его в качестве самостоятельного признака субъективной стороны преступления (ст. 107 и 113 УК РФ). В свою очередь он является разновидностью эмоционального «взрыва», что требует изучения эмоционального состояния лица.

Статья 106 УК РФ закрепляет наличие психотравмирующей ситуации как одного из признаков противоправного деяния. Импульсивные действия при де-тоубийстве представляют собой эмоциональную разрядку, вызванную психотравмирующей ситуацией. Таким образом, в данном случае не только умысел подлежит уголовно-правовой оценке, но и эмоции виновного в момент совершения преступления.

Кроме того, считаем, что применительно к ряду посягательств возникновение умысла, мотива и цели во многом порождается эмоциональным состоянием лица. Так, при совершении аффектированного преступления эмоции лежат в основе формирования целей и мотивов, имея при этом в некоторых случаях самостоятельное значение при квалификации преступного деяния. В других случаях эмоции могут формироваться в процессе совершения посягательства. Например, жалость к жертве, эмоциональный отклик на чужое страдание. Вме-

¹ См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров /отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург, 2016. С. 110.

сте с тем такие эмоции не учитываются в качестве признаков преступления, но в рамках оценки судом обстоятельств содеянного при назначении наказания имеют важное значение.

Данный тезис можно проиллюстрировать примером из судебной практики. Так, по уголовному делу лицо осуждено по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 13 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 2 года с учетом положений п. п. «д», «и» ч. 1, ч. 2 ст. 61 УК РФ. Согласно приговору Свердловского областного суда от 30 января 2018 г. виновный из чувства жалости и сострадания к потерпевшему, который был полностью парализован, убил его. В ходе рассмотрения уголовного дела виновный пояснил, что потерпевший сам просил лишить его жизни из-за болезни¹. С учетом указанных обстоятельств суд смягчил ему наказание.

При регламентации отдельных составов преступлений закон особо указывает на наличие эмоций. Следовательно, они не расцениваются в качестве компонента содержания определенных целей и мотивов.

Недооценка смысла эмоционального состояния субъекта преступления приводит к появлению многочисленных противоречий и юридических ошибок. Например, приговором судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 03 сентября 2015 г. по делу № 22–5110/2015 отменен приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 24 июля 2015 г., а преступные деяния переквалифицированы с ч.1 ст.105 УК РФ на ч. 1 ст. 107 УК РФ². Согласно тексту судебного акта судом первой инстанции неверно произведена оценка всех доказательств, в том числе, не принято во внимание заключение стационарной судебно-психиатрической экспертизы, согласно которому обвиняемый в момент совершения деяния находился в состоянии аффекта.

Судебная коллегия подчеркивает, что аффектированное состояние вызвано длительной психотравмирующей ситуацией, которая сложилась в результате

¹ См.: Приговор Свердловского областного суда от 30 января 2018 г. по делу № 1-49/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CrZZAZX4nTdl/> (дата обращения: 02.09.2019 г.).

² См.: Приговор судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 03 сентября 2015 г. по делу № 22–5110/2015. URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 01.03.2020 г.).

систематического негативного воздействия на обвиняемого со стороны потерпевшего, выраженного в неоднократном совершении противоправных деяний и аморальных поступков с его стороны. Воздействие психотравмирующей ситуации – это процесс постепенного накопления отрицательных эмоций напряженности, кульминацией которого выступил, в конечном счете, эмоциональный взрыв, разрядка в виде совершения убийства, создавшего эту ситуацию.

Таким образом, эмоции субъекта преступления во время совершения общественно опасного деяния против жизни и здоровья имеют самостоятельное уголовно-правовое значение и влияют на квалификацию содеянного или назначение наказания.

Выявление каждого признака субъективной стороны позволяет в полной мере реализовать основополагающие принципы квалификации преступления, к которым отнесены объективность, истинность, точность, полнота¹.

Рассматривая уголовно-правовое значение факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья, следует еще раз указать, что законодатель для ряда составов закрепил их в качестве конструктивных, предусмотрев в диспозиции статьи (например, ст. 116 УК РФ). В гл. 16 УК РФ предусмотрены квалифицированные виды преступлений, составы которых включают в себя в качестве обязательных и подлежащих установлению обстоятельств определенные мотивы и цели преступного деяния (например, п. «е¹», «з», «и», «к», «л», «м» ч. 2 ст. 105; п. «д», «е», «ж» ч. 2 ст. 111; п. «д», «е» ч. 2 ст. 112; п. «а», «б» ч. 2 ст. 115; п. «з» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 119 УК РФ). Для данных составов мотивы и цели исполняют роль квалифицирующих признаков. Эмоциональное состояние как признак субъективной стороны в этом значении в УК РФ не используется. Вместе с тем в ст. 106, 107 и 113 УК РФ установлены привилегирующие признаки, которые связаны именно с эмоциональным состоянием субъекта во время совершения преступного деяния.

Таким образом, уголовное законодательство для ряда составов преступлений против жизни и здоровья закрепило в качестве обязательных (конструктив-

¹ См.: Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М., 2015. С. 20–32.

ных), квалифицирующих и привилегирующих факультативные признаки субъективной стороны.

Еще одним аспектом предназначения рассматриваемых признаков является то, что они могут служить в качестве отягчающих или смягчающих обстоятельств при назначении наказания. Например, в приговоре Пушкинского городского суда Московской области по делу № 1–141/2015 от 14 мая 2015 г. суд в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, указал на мотив сострадания к потерпевшему. Он проявился в том, что субъект преступления убил потерпевшего, который испытывал в результате длительной болезни физическую боль и страдания¹.

Еще одним примером является приговор Дюртюлинского районного суда Республики Башкортостан по делу № 1–103/2013 от 1 октября 2013 г.² Согласно судебному акту, обвиняемый совершил преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 111 УК РФ. В ходе судебного следствия установлено, что он после конфликта с потерпевшим уехал домой, где взял деревянную битку, и приехал обратно, чтобы отомстить за оскорбления, высказанные в его адрес. В результате обвиняемый нанес потерпевшему телесные повреждения. В приговоре указано, что по эпизоду их нанесения обстоятельством, отягчающим наказание, суд признаёт совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц (п. «е¹» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Обобщая изложенное, необходимо констатировать, что в уголовном законе мотив и цель являются конструктивными, квалифицирующими признаками, а эмоции относятся к привилегирующим обстоятельствам для целого ряда преступлений. Рассматриваемые признаки служат и обстоятельствами, влияющими на назначение уголовного наказания. Как указывается в специальной литературе³, эмоциональное состояние, мотив и цель в равной степени относятся к конкретному составу преступления, к группам сходных составов (специальному составу) и к общему составу преступления.

¹ Приговор Пушкинского городского суда Московской области по делу № 1–141/2015 от 14 мая 2015 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2020 г.).

² См.: Приговор Дюртюлинского районного суда Республики Башкортостан по делу № 1–103/2013 от 1 октября 2013 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2020 г.).

³ См.: Маслова Е.В. Указ. соч. С. 98.

Некоторые ученые отмечают, что подразделение признаков состава на обязательные и факультативные возможно лишь при изучении общего понятия состава преступления, а в конкретном составе все признаки необходимы¹. Данная точка зрения представляется спорной, разделение признаков на обязательные и факультативные возможно и без привязки к общему понятию состава преступления. Для определенного вида деяний они тоже могут быть обязательными или факультативными. При этом следует указать, что факультативные признаки субъективной стороны содержатся в составах только умышленных преступлений. Что касается конкретных случаев, то действительно здесь они выступают в качестве необходимого признака состава.

Обращаясь к процессуальному праву, следует заметить, что в силу п. 3 ст. 220 и п. 4 ст. 225 УПК РФ по окончании расследования составляются обвинительный акт или обвинительное заключение, которые должны содержать указание, в том числе, на мотив и на цель преступления. Вместе с тем в соответствии с п. 2 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию только вина и мотивы. В данном случае наблюдается противоречие между названными нормами. Кроме того, в законе оставлена без внимания оценка эмоционального состояния преступника. На основании изложенного считаем необходимым скорректировать содержание п. 2 ст. 73 УПК РФ путем указания в нем на все признаки субъективной стороны. Обосновывая данную позицию, необходимо указать, что учет доказательственных аспектов в процессе построения составов преступлений, в том числе субъективной стороны, обусловлен генетически неразрывной связью уголовного права и процесса и выступает одним из важных условий эффективного применения уголовного закона².

Полагаем, что материальное и процессуальное право должны дополнять друг друга, проявляя единое отношение ко всем имеющим правовое значение обстоятельствам. В их положениях не может быть противоречий.

Подводя итог осуществленному анализу, можно сделать ряд *выводов*:

¹ См.: Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 3-4.

² Иванчин А.В. О взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права (на примере конструирования состава преступления) // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18 (18). С. 36-43.

1. Содержание субъективной стороны преступления раскрывается с помощью таких признаков, как вина, мотив, цель и эмоции. Все они индивидуальны, выступают самостоятельными психологическими явлениями, не охватываемыми собой друг друга. Каждый из признаков имеет самостоятельное значение, но при этом они взаимосвязаны между собой.

2. За исключением деяний, указанных в ст. 109 и ст. 118 УК РФ, а также преступлений с формой вины, законодателем четко не определенной, все умышленные преступления против жизни и здоровья, ответственность за которые закреплена в гл. 16 УК РФ, характеризуются предусмотренным в законе или, по крайней мере, фактическим наличием факультативных признаков, свойственных субъективной стороне. Последние могут быть учтены непосредственно в уголовном законе, а могут присутствовать фактически, влияя на реализацию принципа справедливости при назначении наказания.

3. Глава 16 УК РФ закрепляет ряд преступных деяний, для которых факультативные признаки субъективной стороны преступления выступают в качестве обязательного (конструктивного), квалифицирующего или привилегирующего обстоятельства. Таким образом, подобное деление может рассматриваться как классификация факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья.

4. В гл. 16 УК РФ предусмотрены квалифицированные виды преступлений, составы которых включают в себя в качестве обязательных и подлежащих установлению обстоятельств низменные мотивы и цели преступления. Эмоциональное состояние как признак субъективной стороны в таком качестве в УК РФ не используется. Вместе с тем в ст. ст. 106, 107 и 113 УК РФ названы привилегирующие признаки, связанные с указанным обстоятельством.

5. Для синтеза материального и процессуального права и единого подхода к значению факультативных признаков субъективной стороны преступления в законодательстве предлагается содержание п. 2 ст. 73 УПК РФ изложить в следующей редакции: «При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины, мотивы, цели и эмоции *во время совершения преступного деяния*».

2 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: компаративистские аспекты

2.1 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в истории российского законодательства

Факультативные признаки субъективной стороны преступлений являются важными составляющими их составов, установление которых имеет важное значение для точной квалификации преступных деяний и назначения справедливого наказания¹. Изучение факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья в исторической ретроспективе необходимо для комплексного уяснения содержания рассматриваемого уголовно-правового института, определения тенденций и особенностей его становления и формирования, а также выявления позитивного опыта закрепления в отечественном уголовном законе.

Изучая историю уголовного права, необходимо отметить, что ученые по-разному подходят к выбору методики ее периодизации. Некоторые анализируют становление уголовного права в контексте развития правоотношений², другие – через призму развития уголовно-правовой политики³, третьи – через эволюцию законодательства⁴. Рассматривая историю формирования факультативных признаков субъективной стороны в названных преступлениях, считаем целесообразным выделить несколько этапов этого процесса сообразно развитию отече-

¹ См.: Улитин И.Н. Эволюция факультативных признаков субъективной стороны состава преступления в уголовном праве России // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VIII Международной научно-практической конференции (КСЭИ, 18 апреля 2019 г.) / отв. ред. М.Л. Прохорова. Краснодар, 2019. С. 136-145.

² См.: Арямов А.А. К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 1. С. 4-6.

³ См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России (история и современность): дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996. С. 17.

⁴ См.: Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 7.

ственного уголовного законодательства: средневековое уголовное законодательство; законодательство Нового времени; уголовное законодательство в советский период; уголовное законодательство Российской Федерации. Данная классификация предложена А.В. Наумовым¹.

Е.В. Маслова предлагает рассматривать историю факультативных признаков субъективной стороны преступлений в следующем порядке: досоветский; советский и современный периоды. Думается, что этапизация, представленная А.В. Наумовым, способствует более тщательному изучению проблемы, помогая детально отследить процесс зарождения и формирования, в том числе, интересующих нас признаков в рассматриваемых преступлениях.

Предваряя анализ, отметим, что в российском уголовном праве, как, впрочем, и в других системах уголовного законодательства, всегда уделялось большое внимание ответственности за преступления против жизни и здоровья, так как эти деяния затрагивают базовые права и свободы личности. Еще с древних времен вопросы драк и убийств регламентировались правовыми обычаями.

Зарождение уголовно-правовых норм произошло в древности. Первыми источниками права на территории России являлись договоры древней Руси с Византийской империей, заключенные в X в., представляющие международные правовые акты, в которых закрепились, в том числе, нормы, регламентирующие уголовную ответственность². В частности, в ст. 2 Договора Руси с Византией 911 г. использовался термин «согрешение», который понимается в историко-правовом значении как «вина»³. Он, несомненно, отличается от современного понимания вины, но установленная терминология свидетельствует, что уже с древних времен зарождается состав преступления, в частности один из его элементов – субъективная сторона.

С развитием общественных отношений динамически совершенствовались нормы права. Со временем появляются такие памятники права, как Русская

¹ См.: Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 20.

² См.: Маслова Е.В. Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 17.

³ См.: Договоры Руси с Византией. Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре 911 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984.

правда, которая представлена в трех редакциях – Краткая, Пространная и Сокращённая; Псковская судная грамота; Судебники; Соборное Уложение 1649 г.; Артикул воинский 1715 г.; Свод законов Российской Империи; затем кодифицированные акты – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Уголовное Уложение 1903 г.; Основные государственные законы 1906 г.; первые законы советской власти – Уголовные кодексы 1922 и 1926 гг., затем Уголовный кодекс 1960 г. и, наконец, современный уголовный закон России. Их конструкция, содержание и юридическая техника соответствуют форме государства и типу права в период времени их существования.

При рассмотрении источников уголовного права можно наблюдать, что в начальный период развития отечественной государственности уголовное законодательство являлось необособленным и носило описательный характер, но именно феодальное русское право дало толчок для развития уголовно-правовых норм, что в результате привело к появлению института факультативных признаков субъективной стороны преступлений, в том числе против жизни и здоровья. В научных кругах придерживаются мнения, что до середины XIX в. рассуждать о развитии субъективной стороны состава преступления, в том числе об ее признаках, не имеет смысла¹. Вместе с тем считаем, что без исследования памятников древнего российского права нельзя представить целостную и объективную «картину» становления конкретных признаков составов преступлений в их динамическом развитии. Кроме того, невозможно определить современное состояние факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья без детального анализа процесса их зарождения, становления и формирования.

Перейдем к рассмотрению средневекового уголовного законодательства как первого этапа зарождения признаков субъективной стороны преступления.

Некоторые ученые, рассматривая Русскую правду как первый источник, регламентирующий, в том числе, уголовно-правовые отношения, отмечают, что она не закрепляла четких формулировок при определении понятия уголовно-

¹ См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2014. С. 468-471.

наказуемого деяния. Следовательно, указания на элементы состава преступления и виды преступных деяний в ней отсутствовали¹. Русская Правда в Пространной редакции содержала термин «обида», под которым подразумевались «вина», «виноватый», «виновный». По мнению Е.В. Масловой, эти понятия по своему содержанию не соответствовали психическому отношению лица к совершенному им деянию и наступившим последствиям – преступным деяние признается лишь по фактически причиненному вреду личности или собственности (объективные признаки преступления)². Вместе с тем М.М. Абрашкевич указывает, что в Русской Правде были предпосылки зарождения вины именно как элемента психического отношения лица к совершаемому им деянию³. Так, в частности, ст. 15 Краткой редакции Русской Правды содержала следующую норму: «Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнетъ, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще будетъ обида не вдал будетъ, достойно ему свои скот, а за обиду 3 гривне», а ст. 84 Пространной редакции устанавливала: «А кто пакощами конь порежетъ или скотину, продаже 12 гривен, а пагубу господину урок платити»⁴.

В приведенных нормах древнерусские слова «пакощами» и «обида» несут особую смысловую нагрузку и свидетельствуют о направленности злой воли, об умысле виновного на совершение противоправных действий⁵. По мнению В.Е. Лоба и С.Н. Малахова, древнерусские термины «пакощами» и «обида» соответствуют прямому умыслу в современном его понимании⁶.

Об упоминании умысла может свидетельствовать содержание ст. 112 Пространной редакции: «Аже холоп бежить, а заповестъ господин, аже слышав кто или зная и ведая, оже есть холоп, а дать ему хлеба или укажетъ ему путь, то

¹ История государства и права России: учебник / В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев и др.; под ред. Ю.П. Титова. М., 2012. С. 29.

² Маслова Е. В. Преемственность субъективного вменения в российском уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 308-319.

³ Абрашкевич М.М. Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция, прочитанная 23-го марта 1903 года в актовом зале Императорского Новороссийского Университета в пользу Одесского Исправительного приюта для малолетних преступников. Одесса, 1903. С. 8.

⁴ См.: Российское законодательство / под ред. О.И. Чистякова. Т. 1. М., 1984. С. 47, 70.

⁵ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб. 1998. Т. 2. С. 583; Т. 3. С. 10.

⁶ Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право древней Руси XI-XII вв. (по данным Русской Правды). Армавир, 2011. С. 68.

платити ему за холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен». Статья устанавливает денежную плату за сознательное пособничество беглому холопу.

Кроме того, учтена особенность субъективной характеристики преступления и в ст. 115 Пространной редакции: «Аже кто не ведая чюж холоп усрячети, или повесть дееть, любо держити и у собе, а идеть от него, то ити ему роте, яко не ведал есмь, оже есть холоп, а платежа в том нетуть»¹.

Таким образом, достаточно спорной выглядит позиция, что Русская Правда не содержала в себе указаний на значимые составляющие психического отношения лица к преступному событию. Необходимо отметить, что законы названного периода в основном были направлены на наказание без установления вины субъекта преступления, основываясь главным образом на принципе объективного вменения².

Нормы об ответственности за убийство содержались во всех редакциях Русской Правды, однако в ней еще не было четкого разграничения между убийствами и другими посягательствами на жизнь. Так, она устанавливала ответственность за убийство на пиру, в разбое, то есть преступления увязывались только с фактом причинения смерти³.

Вместе с тем Русская Правда уже содержала некоторые прообразы факкультативных признаков состава преступления. Так, в данном источнике была норма об освобождении от ответственности за убийство в состоянии сильного возбуждения: «Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нетуть» (ст. 26 Пространной Правды). Относительно убийства в состоянии аффекта М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что в то время под аффектом понимался временный паралич сознания и воли. Он имел в виду резкое сужение сознания, характерное для состояния аффекта, вызванное тяжкими оскорблениями или издевательствами со стороны потерпевшего⁴.

Достаточно удачный пример состояния аффекта в древнерусском уголов-

¹ Российское законодательство / под ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М., 1984. С. 45.

² См.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 484.

³ См.: Кабурнеев Э.В. Развитие законодательства об ответственности за убийство // Журнал российского права. 2007. № 8 (128). С. 99-106.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 313.

ном законе приводит В.Е. Рубаник, предполагающий, что статья 22 Соглашения Смоленска с Ригию и Готским берегом фактически узаконивает право убить прелюбодея на месте совершения прелюбодеяния¹.

Кроме того, Русская Правда признавала право кровной мести, что, по сути, указывает на мотивационную составляющую поведения. Н.А. Максименко отмечает, что «месть предварительно освещалась авторитетом судебного решения»². Второй отдел «Правды Ярослава» содержал положения о личных оскорблениях. Таковыми считались только побои, оскорбления словами не охватывались этим понятием. Здесь точно так же, как и в законе об убийстве, обиженному предоставлялось на выбор: мстить обидчику или взыскать с него плату за оскорбление³.

Таким образом, в первом источнике права Руси при отсутствии точного понятийного аппарата были заложены некоторые предпосылки становления фактативных признаков субъективной стороны в указанных преступлениях.

Псковская судная грамота (*далее – Грамота*) так же, как и Русская Правда, не закрепляла основную терминологию уголовного права. Однако в Грамоте впервые выделился важнейший элемент субъективной стороны состава преступления – вина, без которой невозможно наступление уголовной ответственности⁴. Устанавливалась неразрывная связь между ответственностью и виной. Прямая их зависимость закреплялась в ст. 3 Грамоты: посаднику вменялось «не наказывать правого, не миловать виноватого»⁵. Можно констатировать, что законодатель начинает уделять внимание не только физическим действиям преступника, но и его мыслительным процессам, мотивам, побуждавшим его к совершению противоправных деяний⁶.

¹ См.: Рожков И. Очерки юридического быта по Русской Правде. М., 2011. С. 29.

² Максименко Н.А. Мнимые архаизмы уголовного права «Русской Правды» // Вестник Европы. 1905. Март-апрель. С. 127.

³ См.: Нуркаева Т.Н. Законодательство древней Руси и царской России об ответственности за преступления против жизни и здоровья // Вестник ВЭГУ. 2014. № 2 (70). С. 62-67.

⁴ См.: Попрядухина И.В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2012. С. 11.

⁵ См.: Псковская судная грамота. [Электронный ресурс] // Библиотека древних рукописей. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (дата обращения: 15.05.2019 г.).

⁶ См.: Доронин А.М. Уголовная политика Российского государства (история и современность) // История государства и права. 2007. № 16. С. 11-14.

Следующим источником права, ознаменовавшим динамическое развитие уголовного законодательства, явился Судебник 1497 г. Он стал разграничивать формы вины, закрепил новое понятие преступления – «лихое дело». Указанное понятие сводилось к дефиниции нарушения существующего строя и правопорядка¹. По мнению кубанских правоведов, термин «лихое дело» относился к преступлениям против государства в целом и правосудия – в частности². В Судебнике 1497 г. закрепилось понятие «бесхитростного» деяния, которое противопоставляется умышленному деянию. Таким образом, речь идет о вине в форме неосторожности.

Судебник 1550 г. был принят в связи с укреплением феодального строя и сплочением господствующего класса. Он содержал новые положения, не известные ранее. Данный акт в основном затрагивал вопросы уголовного судопроизводства и пошлин.

Анализ средневекового уголовного законодательства свидетельствует о зарождении в нем признаков субъективной стороны преступлений, в том числе и посягательств на жизнь и здоровье. С каждым новым правовым актом законодатель более детально подходил к оценке психического отношения субъекта преступления к содеянному.

Следующим этапом эволюции факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья является законодательство Нового времени.

Соборное уложение 1649 г. стало первым межотраслевым актом, в рамках которого впервые произошло структурирование и обособление уголовно-правовых предписаний³. Благодаря Соборному Уложению значительный прогресс получил институт вины. Впервые были использованы такие термины, как «хитростно», «без хитрости» либо «грешным делом»⁴. Это означало разделение

¹ Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский; под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 54.

² См.: Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. С. 10.

³ См.: Там же. С. 11.

⁴ См.: Шахбанова Х.М., Ахмедханова Х.М. Развитие института вины в отечественном уголовном законодательстве // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и пер-

вины на умышленную и неумышленную формы. В Соборном уложении 1649 г. прослеживается более детальная дифференциация преступлений против жизни. Его гл. XXI «О разбойных и татиных делех» предусматривала ситуации сопряженности убийства не только с разбоем, но и убийство «в татьбе». Татьбой традиционно признавалось ненасильственное завладение чужим имуществом¹. Таким образом, зарождается убийство из корыстных побуждений.

Соборное Уложение 1649 г. предусматривало и отдельные виды преступлений против здоровья. Наказанию подлежали лица, «кто не бояся Бога и не опасаяся государския опалы и казни, учинит над кем-нибудь мучительское надругательство, отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколет, а сыщется про то допряма, и за такое его надругательство самому ему тоже учинити, да на нем же взяти из вотчии его и из животов тому, над кем он такое надругательство учинит, будет отсечет руку, и за руку пятьдесят рублев, а будет отсечет ногу, и за ногу пятьдесят же рублев, а за нос, и за ухо, и за губы, и за глас, по тому же за всякую рану, по пятидесяти рублев»².

В отличие от Соборного Уложения Артикул воинский 1715 г.³ (*далее – Артикул*), принятый при правлении Петра I, имел преимущественно уголовно-правовое содержание. Указанный документ явился одним из основных правовых актов, положенных в основу реформирования юридической системы Российской империи. В Артикуле закреплялся термин «преступление», определялась вина как ответственность за преступное деяние. Кроме того, Артикул предусматривал систему наказаний в зависимости от виновности, в нем затрагивались вопросы вменяемости (душевной болезни). Данный правовой акт фактически разграничивал формы вины на умышленную и неосторожную, но точной терминологии форм вины не содержал. В арт. 91 предусматривалось нака-

спективы: сборник научных статей по материалам VI Международной заочной научно-практической конференции. Курск, 2015. С. 11-16.

¹ См.: Гродина К.Е. История развития уголовного законодательства об ответственности за убийство, совершенное с отягчающими обстоятельствами // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А. Г. Чириков. 2017. С. 164-166.

² Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990. С. 245.

³ См.: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. Т. 4. М., 1986. С. 377.

зание за нарушение правил выхода из лагеря, крепости и т.д. Толкования к артикулу требовали от суда выяснения наличия умысла («изменического») и определения наказания в зависимости от поведения субъекта преступления.

В Артикуле прослеживается и упоминание целей преступления. Так, арт. 117 говорит о заключении договора с неприятелем или объявлении капитуляции целой воинской роты. Цель изменнических действий – сдача города, крепости без ведома и указа высших воинских властей и государя. Артикул 161 устанавливает наказание за убийство в корыстных целях.

Следует отметить, что в данном источнике просматривается тенденция реализации принципа субъективного вменения.

При изучении Артикула установлено, что в нем видны зачатки зарождения и законодательного закрепления некоторых факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья. В названном памятнике права впервые заложены основы закрепления аффектированного умысла, который характеризует не столько момент, сколько психологический механизм возникновения намерения совершить преступление: «...ежели кто другого не одумавшись с сердца, или опаматовась, бранными словами выбранит, оный пред судом у обиженного христианское прощение имеет чинить и просить о прощении» (арт. 152)¹. Анализируя эту формулировку, необходимо акцентировать внимание на таких понятиях, как «не терпя...», «не одумавшись с сердца, или опаматовась». Подобные характеристики эмоционального состояния лица позволяют утверждать, что в тот период основанием смягчения или освобождения от ответственности была внезапность умысла, который возник под влиянием переживаний, чувств и эмоций².

Кроме того, положения гл. 19 Артикула «О смертном убийстве» устанавливали ответственность за такие преступления, как самоубийство и покушение на него. Так, арт. 164 криминализировал преступление против собственной жизни.

¹ См.: Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 322.

² См.: Скворцова О.В., Степанюк А.Н. Генезис уголовно-правовой регламентации преступлений, совершенных в состоянии аффекта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 127-136.

Согласно указанной норме, если самоубийство было совершено «в беспамятстве, болезни, в меланхолии», то труп самоубийцы «в особливом, но не в безчестном месте похоронить». Прежде чем виновный будет погребен, суд должен определить причины самоубийства¹. Норма интересна тем, что в ней ставится вопрос о выявлении мотивов, побудивших лицо совершить самоубийство.

В первой половине XIX в. в результате динамичного развития правоотношений возникли предпосылки для реализации отраслевой кодификации и структуризации всей совокупности уголовно-правовых норм. В 1832 г. под руководством М.М. Сперанского был подготовлен и опубликован Свод законов Российской империи (далее – Свод). 31 января 1833 г. Свод был рассмотрен Государственным советом и утверждён Николаем I, а с 1 января 1835 г. вступил в силу. Этот правовой документ явился основой для создания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.² (далее – *Уложение 1845 г.*), ставшего первым кодифицированным источником уголовного права в России. Впервые в законодательстве четко обозначились формы вины, была определена система смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. В Уложении 1845 г. выделялось два вида «неумышленной» вины. Первый – когда преступные последствия действия возможно легко предвидеть; второй – когда совершено действие, за которое не предусмотрена уголовная ответственность, но от него произошли противозаконные последствия, однако же, при надлежащей осмотрительности преступник мог предвидеть и избежать последствия. Можно сказать, что современные формулировки видов неосторожности берут своё начало с Уложения.

Наблюдаются в Уложении 1845 г. и предпосылки становления современного понимания видов умысла по моменту его возникновения. Например, содержится формулировка «когда деяние учинено по заранее обдуманному намерению или умыслу», что можно соотнести с современным пониманием заранее обдуманного умысла. Таким образом, характер умышленных преступлений определялся в зависимости от намерения субъекта. Внезапно возникший умысел

¹ См.: Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 358.

² См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845.

сформулирован следующим образом: когда учинено деяние с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления.

Уложение 1845 г. при дифференциации ответственности учитывало цели и мотивы совершения преступления. В ст. 15 идет речь об ответственности пособников, если они помогали в совершении преступления из «корыстных или иных личных видов».

Уложение содержало раздел 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». В главе первой содержалось 24 статьи, устанавливающих наказания за убийство. Статья 1922 предусматривала ответственность за детоубийство. В соответствии с ней наказание смягчалось «тремя степенями в случае, когда убийство внебрачных сына или дочери совершено матерью от страха или стыда, при самом рождении младенца, если, однако же, при этом не будет доказано, что она была уже прежде виновата в том же преступлении»¹. Это убийство рассматривалось как менее опасное, так как женщина в период родов испытывает особого рода физические и моральные страдания, порожденные эмоциями страха или стыда². Таким образом, законодатель того периода впервые закрепил обязательное установление психического состояния субъекта преступления, а также выявление эмоций матери, способствовавших его совершению. Именно страх и стыд признавались основанием формирования соответствующего мотива преступления.

Уложение 1845 г. знало 41 вид квалифицированного убийства, влекущего суровые наказания, вплоть до каторжных работ без срока³. В частности, оно регламентировало ответственность за корыстные убийства; убийства для облегчения совершения иного вида преступления; убийство из фанатизма религиозного. В ст. 1924 Уложения предусмотрены квалифицированные убийства, в том числе сформированные с учетом цели преступного деяния. Так, п. 4 статьи устанавливал ответственность за убийство с целью ограбления убитого или получения

¹ См.: Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1912. С. 824.

² См.: Грубова Е.И. Ретроспективный анализ дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // История государства и права. 2008. № 13. С. 20-22.

³ См. Нуркаева Т.Н. Указ. соч. С. 62-67.

наследства, или завладения какой-либо собственностью его или другого лица.

Уложение 1845 г. предусматривало убийство, совершенное по внезапному побуждению без предварительного умысла. К нему относились действия, совершаемые в состоянии запальчивости или раздражения, что и служило основанием для отнесения их к привилегированному составу. Все деяния, осуществляемые виновным в таком состоянии, выступают в качестве «продукта одного страстного порыва». При закреплении названных категорий предполагалось их использовать в качестве общих понятий о подобном настроении виновного, в определенной степени оправдывающем им содеянное¹. В данном случае «страстный порыв» можно расценивать как эмоциональное состояние субъекта во время совершения преступления, категориями оценки которого выступали термины «запальчивость» и «раздражение». В свою очередь последние могли служить основанием освобождения от ответственности либо ее смягчения.

Преступлениям против здоровья была посвящена глава третья раздела десятого Уложения 1845 г., которая называлась «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» и содержала довольно большой перечень преступлений данного вида (ст. 1948–1969). Следует отметить, что в Уложении давался лишь перечень преступлений против здоровья, но каких-либо критериев при построении их системы не использовалось².

Преступления против здоровья человека в Уложении, хоть и имели казуистичный характер, однако представляли собой вполне обособленную однородную группу, имеющую в основе общий непосредственный объект³.

В рамках исследования представляет интерес ст. 1951 Уложения, предусматривающая ответственность за неслучайное нанесение увечья или произведение неизгладимого на лице «обезображение», однако без обдуманного заранее намерения, в «запальчивости или раздражении», если виновный осознавал наступление общественно опасных последствий своего деяния.

¹ См.: Сковрцова О.В., Степанюк А.Н. Указ. соч. С. 127-136.

² См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 2001. С. 70-71.

³ См.: Огородникова Е.Г. Причинение вреда здоровью в российском уголовном законодательстве: история становления и развития // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4. № 11. С. 37-39.

Статьей 1954 устанавливалась наказуемость за указанные деяния, но совершенные не преднамеренно, «в запальчивости или раздражении», не случайно, если виновный осознавал наступление общественно опасных последствий своего деяния, в случае нанесения тяжкого ранения.

Как можно заметить, законодатель того времени использует термины «запальчивость» и «раздражение» для оценки эмоционального состояния лица. Ими охватывались такие эмоции, как аффект, гнев, злоба или отчаяние.

Мотивы и цели в качестве признаков субъективной стороны преступлений против здоровья в Уложении 1845 г. не предусматривались.

Затрагивая институт виновности, следует отметить, что еще более детальное закрепление он получил в Уголовном Уложении 1903 г. (*далее – Уложение 1903 г.*), в том числе применительно к преступлениям против жизни и здоровья. Ему были известны факультативные признаки субъективной стороны данных посягательств. Уложение разграничивало составы интересующих нас преступлений на квалифицированные и привилегированные, в том числе с учетом указанных обстоятельств. Уложение 1903 г. закрепляло ответственность за такие преступления против жизни, как убийство с корыстной целью (п. 12 ст. 455); с целью облегчить учинение другого тяжкого преступления (п. 13 ст. 455); совершенное под влиянием сильного душевного волнения (ст. 458); совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 459); по настоянию убитого или из сострадания (ст. 460)¹.

В Уложении 1903 года впервые была предпринята попытка систематизировать и преступления против здоровья. Им была посвящена гл. 23 «О телесном повреждении и насилии над личностью», состоящая из 14 статей (467–480). К преступлениям против здоровья, содержащим в своем составе факультативные признаки субъективной стороны, относились: причинение телесного повреждения под влиянием сильного душевного волнения (ст. 470); причинение телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны (ст. 473).

Интересен тот факт, что Уложение 1903 г. дифференцировало ответствен-

¹ См.: Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X-XX веков / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1988. Т. 6.

ность за преступление, совершенное под влиянием сильного душевного волнения, в зависимости от отсутствия либо установления тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего.

При регламентации убийства матерью прижитого вне брака ребенка при его рождении Уложением 1903 г. не учитывались факультативные признаки субъективной стороны преступления.

В результате революции 1917 г. и смены политического режима произошли трансформации социального, экономического и правового характера, что способствовало преобразованию уголовно-правовой политики и, соответственно, уголовного законодательства.

Следующий этап эволюции факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья связан с развитием уголовного законодательства в советский период.

Процесс становления советской власти ознаменовался переходом к социалистическим идеям, в том числе при формировании права. В результате от категорий вины и ее форм было принято решение отказаться. Понятие «вина» в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.¹ (далее – *Руководящие начала*) было заменено категорией «опасное состояние» личности. П.Г. Мишунин полагает, что исключение вины из Руководящих начал связано с тем, что данное понятие ассоциировалось с буржуазной концепцией греха и возмездия². Законодатель пошел дальше и принял решение отказаться и от субъективного вменения. В Руководящих началах указывается, что виновным признается тот, кто посягает на основы советского строя...³.

Вместе с тем в Руководящих началах появилось первое законодательное закрепление состояния сильного душевного волнения как смягчающего обстоятельства. В п. «з» ст. 12 было указано, что для определения меры наказания в каждом отдельном случае необходимо учитывать факт обнаружения в совершенном деянии заранее обдуманного намерения, коварства, жестокости, злобы,

¹ См.: Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

² Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917-1918 гг. М., 1954. С. 157.

³ Там же.

хитрости, либо то, что деяние было совершено в состоянии «запальчивости» (последнее рассматривалось как обстоятельство, смягчающее ответственность)¹.

Первый Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1922 г. (далее – *УК 1922 г.*)². В нём произошёл возврат к категории вины и её формам: ст. 11 содержала понятие умышленного преступления и преступления, совершенного по неосторожности. При изучении названного нормативно-правового акта установлено, что законодателем было обращено внимание и на факультативные признаки субъективной стороны преступления. При определении меры наказания в соответствии со ст. 25 УК 1922 г. следовало различать преступления по мотивам, целям и эмоциям: «...в интересах чисто личных», «из низменных, корыстных побуждений или без таковых», «...в состоянии запальчивости».

Учитывались интересующие нас признаки и при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья. В частности, ст. 142 УК 1922 г. предусматривала ответственность за убийство из корысти, ревности и других низменных побуждений, с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление. Таким образом, законодателем в качестве квалифицирующих признаков упоминается как низменный мотив, так и цель преступного деяния. Статьи 144 и 151 кодекса устанавливали ответственность за умышленное убийство и умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, совершенные под влиянием сильного душевного волнения.

Следующим уголовным законом страны стал Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (далее – *УК 1926 г.*)³. В нём детальнее регламентировались положения Общей части, а также предусматривались новые преступные деяния. В частности, законодатель дополнил некоторые преступления указанием на факультативные признаки субъективной стороны.

Кроме того, при определении меры наказания в соответствии со ст. 47, 48 УК 1926 г. следовало учитывать отягчающие и смягчающие обстоятельства, которые, в свою очередь, содержали указания на мотив, цель и эмоции. Например, в качестве отягчающих обстоятельств кодекс называл совершение преступления

¹ См.: Сковрцова О.В., Степанюк А.Н. Указ. соч. С. 127-136.

² Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Собрание узаконений. 1922. № 15. Ст. 153.

³ Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Собрание узаконений 1926. № 80. Ст. 600.

в целях восстановления власти буржуазии; из корыстных или иных низменных побуждений; среди смягчающих предусматривалось только одно – под влиянием сильного душевного волнения.

Как и УК 1922 г., названный кодекс в ст. 136 закреплял ответственность за убийство из корысти, ревности и убийство с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление. Абзац 2 ст. 136 УК 1926 г. предусмотрел новый состав преступления – убийство, совершенное военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах. Можно предположить, что их содержание увязывалось, в том числе, с факультативными признаками субъективной стороны.

Названный кодекс криминализовал привилегированные составы преступлений с указанием на сильное душевное волнение (ст. 138, 144 УК 1926 г.): ст. 138 регламентировала ответственность за умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, а ст. 144 – за телесные повреждения, наносимые в аналогичном состоянии.

Следующими уголовными законами стали Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.¹ (*далее – Основы*) и Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.² (*далее – УК 1960 г.*). В указанных источниках в Общих положениях был закреплен институт вины и ее форм (ст. 8 и 9 Основ и УК 1960 г.). В УК 1960 г. среди обстоятельств, смягчающих ответственность, по-прежнему выделялось эмоциональное состояние лица – совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего. Однако формулировку законодатель изменил, ограничив появление подобного состояния конкретными обстоятельствами.

Законодательному изменению подверглись и диспозиции норм об ответственности за преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, если эти действия повлекли

¹ Закон СССР от 25.12.1958 г. (ред. от 08.04.1989 г.) «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 501.

² Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) (ред. от 30.07.1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 12.04.2020 г.).

или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Статья 138 и ст. 144 УК 1926 г. не содержали весь спектр обстоятельств, которые могут вызывать учитываемое уголовным законом состояние сильного душевного волнения. Думается, что произведенные коррективы конкретизировали сферу учета эмоционального состояния лица как признака субъективной стороны состава преступления.

Помимо этого, УК 1960 г. стал совершенней в регламентации квалифицированных видов посягательств на жизнь и здоровье. В нем расширился круг мотивов и целей как признаков отдельных составов преступлений. В законе появились новые субъективные характеристики убийства, такие как «из хулиганских побуждений»; «на почве кровной мести»; «на почве национальной или расовой вражды или розни».

В связи с изменением в 90-е годы прошлого столетия социально-экономического и политического строя государства возникла необходимость обновить правовую базу, регламентирующую общественные отношения. С 1 января 1997 г. вступил в силу ныне действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), сменивший УК 1960 г. и ознаменовавший начало современного периода развития, в том числе, института факультативных признаков субъективной стороны преступления.

Подводя итог ретроспективному анализу факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья в российском законодательстве, можно сделать следующее *выводы*:

1. Изучение эволюции факультативных признаков субъективной стороны в названных преступлениях в российском законодательстве позволяет констатировать, что предпосылки их формирования были заложены еще в древности с появлением первых нормативно-правовых актов. Для конкретизации процесса их развития предлагается следующая этапизация:

– этап зарождения института вины и зачатков формирования системы преступлений против жизни и здоровья (X в. – XVII в.). В частности, в ст. 15 Краткой редакции Русской Правды сдержался термин «обида», в ст. 84 ее Пространной редакции – термин «пакощами». Они несли особую смысловую

нагрузку и свидетельствовали о направленности злой воли, об умысле виновного. В ст. 3 Псковской судной грамоты устанавливалась связь между ответственностью и виной. В Судебнике 1497 г. прослеживается некое подобие разграничения форм вины. Соборное уложение 1649 г. использовало такие термины, как «хитростно», «без хитрости», «грешным делом», означающие разделение формы вины на умышленную и неумышленную. Этот памятник права осуществлял более детальную дифференциацию преступлений против жизни, предусматривал отдельные виды преступлений против здоровья;

– этап, знаменующий начало процесса учета объективных и субъективных обстоятельств при назначении наказания; указания эмоций, мотивов и целей преступлений в нормах права; более чёткая систематизация преступлений против жизни и здоровья (XVIII в. – XIX в.). Артикул воинский 1715 г. предусматривал систему наказаний в зависимости от виновности, в нем прослеживается упоминание целей и мотивов преступлений, заложены основы закрепления аффектированного умысла. В Уложении 1845 г. определена система смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, связанных, в том числе, и с факультативными признаками субъективной стороны. При дифференциации ответственности учитывались цели и мотивы преступления. Оно содержало раздел 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц», что свидетельствует о формировании системы преступлений против жизни и здоровья;

– этап непосредственного закрепления факультативных признаков субъективной стороны как самостоятельных признаков квалифицированных или привилегированных составов преступлений (XX в. – XXI в.). Уголовное Уложение 1903 г. дифференцировало составы преступлений, в том числе против жизни и здоровья, на квалифицированные или привилегированные с учетом и факультативных признаков субъективной стороны. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. появилось первое законодательное закрепление состояния сильного душевного волнения как смягчающего обстоятельства. В УК 1922 г., 1926 г. в качестве квалифицирующих обстоятельств упоминались как низменный мотив, так и цель преступного деяния, а в качестве привилегировающих – состояние сильного душевного волнения. При определении меры

наказания учитывались отягчающие и смягчающие обстоятельства, которые, в свою очередь, содержали указание на мотив, цель и эмоции. Основы 1958 г. и УК 1960 г. детализировали подход к учету факультативных признаков субъективной стороны при конструировании посягательств на жизнь и здоровье.

2. В России понятие о субъективной стороне состава преступления и характеристиках, составляющих ее содержание, эволюционировало поступательно, и этот процесс прошел длительный путь развития. Хотя в законодательстве раннего периода не содержались точные характеристики состава преступления, факультативные признаки субъективной стороны учитывались при оценке преступных деяний (так, уже Русская Правда содержала норму об освобождении от ответственности за убийство в состоянии сильного возбуждения (т. е. в определенном эмоциональном состоянии): «Не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нетуть» (ст. 26 Пространной Правды). Кроме того, она признавала право кровной мести, что, по сути, указывает на мотивационную составляющую поведения.

3. Средневековое законодательство и законодательство Нового времени характеризуется казуальностью, в связи с чем в них отсутствовала точная и систематизированная регламентация факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья. В силу недостаточного развития юридической доктрины их законодательное закрепление носило фрагментарный характер.

4. С развитием и усложнением общественных отношений наблюдалось усиление заинтересованности законодателя в учете при регламентации уголовной ответственности внутреннего состояния преступника и различных нюансов его отношения к содеянному. Так, в памятниках права времен Российской Империи в уголовном законодательстве появляются прообразы системы факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья, близкой современной. В рамках системы особенной части уголовного закона посягательства упорядочивались, в том числе, в зависимости от общественной опасности и отнесения их к квалифицированным или привилегированным составам преступлений.

5. Изучение эволюции института факультативных признаков субъективной стороны состава преступления позволяет объективно оценить современное состояние значения эмоций, мотивов и целей в уголовном законодательстве Российской Федерации. Оно способствует устранению ошибок, нарушений и произвола при квалификации содеянного.

Вместе с тем эволюция интересующего института должна продолжаться. Более глубокое понимание сути психологической деятельности человека при совершении преступления позволит детальнее исследовать факультативные признаки субъективной стороны состава преступления, выяснить психологическую, уголовно-правовую и криминологическую сущность отдельных мотивов и целей преступлений, а также выделить и закрепить в законе эмоциональное состояние лица во время совершения преступления, не достигшее в своем развитии состояния аффекта, но нуждающееся в юридической оценке (состояния страха, стресса, гнева и др.).

2.2 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в современном зарубежном законодательстве

2.2.1 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в законодательстве стран ближнего зарубежья

Право представляет собой явление мировой цивилизации. Его развитие подвержено общим тенденциям, основанным на принципах, носящих общечеловеческий характер. Известно, что каждому государственно-организованному обществу свойственно собственное право, в том и числе и уголовное, что является основанием для всестороннего изучения и обоснования новых подходов¹. Различным государствам мира присущи различные правовые системы со свои-

¹ См.: Оксамытный В.В. Становление сравнительного правоведения как юридической науки: исторические рамки оформления // Право: история, теория, практика: сборник статей и материалов. Брянск, 2018. С. 177–186.

ми особыми юридическими основами, правовыми концепциями и категориями, юридическими конструкциями, спецификой внутреннего строения права. Несомненно, существуют и сходства, являющиеся итогом заимствования либо выработанные государствами параллельно.

Становления правовых государств, их динамичное развитие и формирование национального права ведет к повышенному вниманию к зарубежному законодательному опыту. Сравнительное правоведение в последние годы воспринимается как многогранное явление. Все больше ученых признают его самостоятельной комплексной юридической наукой¹. Оно облегчает понимание зарубежного права, дает возможность изучить его, а также интерпретировать его под национальную правовую систему определённого государства.

По утверждению известного философа Фрэнсиса Бэкона², «собственное право не может служить критерием оценки самого себя».

Отмечая несомненную полезность использования сравнительного правоведения, следует иметь в виду, что в процессе изучения опыта зарубежных стран нельзя механически переносить те или иные правовые парадигмы зарубежных институтов на российскую действительность, так как «сухое» их заимствование не даст положительного результата. Иностраный опыт служит образцом для интерпретации его в рамках определённого национального права с учетом характерных черт и специфики последнего.

Таким образом, учет российским законодателем иностранного опыта может способствовать оптимальному разрешению целого комплекса проблем, имеющих в отечественной уголовно-правовой теории и практике³.

В рамках этого параграфа для всестороннего изучения темы исследования будет освещен вопрос регламентации факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья в уголовном законе стран ближнего зарубежья, наиболее близком к отечественному.

¹ Сравнительное правоведение: учебное пособие / Е.Е. Амплеева, А.В. Еремин, Л.А. Харитонов, И.Л. Честнов; под ред. Е.Е. Амплеевой, И.Л. Честнова. СПб., 2017. С. 5.

² Бэкон Ф. Сочинения: в 2 томах / пер. с англ. Т. 1: О достоинствах и приумножении наук. М., 1971. С. 505–533.

³ См.: Огородникова Н.В. Уголовно-правовой запрет как инструмент предупреждения преступлений: отечественный и зарубежный опыт учета привилегиирующих признаков убийства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 2. С. 77–81.

Прежде всего следует заметить, что уголовные кодексы стран, входящих в Содружество независимых государств (далее – СНГ), разработаны на основе Модельного уголовного кодекса (далее – МУК)¹. МУК содержит гл. 18, посвященную преступлениям против жизни и здоровья, и включает 27 составов преступлений. При сравнении факультативных признаков субъективной стороны названных деяний, регламентированных в МУК и в УК РФ, установлено, что оба документа схожи, но имеют ряд особенностей. УК РФ по понятным причинам более детально разработан по сравнению с МУК.

Особенная часть МУК, как УК РФ, «открывается» самым опасным преступлением против жизни – убийством. Следует указать, что квалифицированный состав убийства всегда усложнен, поскольку включает множественные альтернативные признаки, в том числе, факультативные признаки субъективной стороны преступления². Так, часть 2 ст. 111 МУК содержит указание на его низменные мотивы и цели. Это, в частности, корыстные и хулиганские побуждения; мотивы, сформированные на почве национальной, расовой либо религиозной ненависти или вражды; цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение; цель использования органов или тканей потерпевшего. Очевидно, что в отечественном законодательстве более точно конструированы отягчающие обстоятельства убийства, связанные с факультативными признаками субъективной стороны.

Статья 113 МУК связывает ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка только с особым состоянием матери, определяя данное преступление как убийство во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами³. В основу выделения данного привилегированного состава преступления в МУК, в

¹ Модельный Уголовный кодекс (с изм. на 16 ноября 2006 г.) (принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества независимых государств (постановление № 7–5 от 17 февраля 1996 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 19.03.2021 г.).

² Иванчин А.В. Альтернативные, интегрированные и иные сложные составы преступлений (проблемы трактовки) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7). С. 29-38.

³ См. также: Плаксина Т.А. Регламентация ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в уголовном законодательстве России, Казахстана и Кыргызстана // Алтайский юридический вестник. 2015. № 3 (11). С. 78.

отличие от УК РФ, заложена только психотравмирующая ситуация. По нашему мнению, психотравмирующая ситуация напрямую связана с целями, мотивами, эмоциями преступного деяния.

Статьи 112, 121 МУК и ст. 107, 113 УК РФ регламентируют ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта. МУК, как и УК РФ, в регламентации ответственности за подобные преступления отождествляет сильное душевное волнение и аффект. Вместе с тем следует отметить, что МУК в отличие от УК РФ в диспозиции использует формулировку «в состоянии сильного душевного волнения», а не «совершенное в состоянии аффекта». На наш взгляд, данный подход представляется верным, так как аффект значительно отличается по своему смыслу от внезапно возникшего сильного душевного волнения. Объемы указанных понятий не совпадают. Глубина изменений в психике при внезапно возникшем сильном душевном волнении гораздо больше, чем при аффекте. Вопрос разграничения этих состояний рассмотрен в разделе, посвященном признаку «эмоциональное состояние».

Диспозиции ст. 112, 121 МУК практически дублируют диспозиции ст. 107 и 113 УК РФ. Отличительная особенность анализируемых норм состоит в том, что МУК не предусматривает возможности наступления состояния сильного душевного волнения от противоправного или аморального бездействия со стороны потерпевшего. В связи с этим представляется, что подход УК РФ к определению круга и содержания условий возникновения состояния сильного душевного волнения более обоснован.

Статьи 114-115, 122-123 МУК посвящены уголовной ответственности за убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания преступника, а также за указанные деяния при превышении пределов необходимой обороны. МУК, как и УК РФ, в регламентации ответственности за них не учитывает факультативные признаки субъективной стороны. Однако мотивация лица при необходимой обороне очевидна – это стремление обеспечить сохранность прав и законных интересов, на которые направлено деяние посягающего лица. Стоит отметить и характерные признаки цели при превышении мер, необходимых для задержания, которая

выражается в предотвращении посягательств со стороны потерпевшего. Но отечественный законодатель прав в том, что не указывает мотивы и цели для данных преступлений, так они могут быть и иными, нежели указанные нами, или сопутствующими последним.

Заметим, что МУК и УК РФ не детализируют вопрос относительно эмоционального состояния обороняющегося. Вместе с тем п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹ (далее – ППВС РФ № 19) указано, что при выяснении вопроса, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения, суд должен учитывать эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т.п.).

Статья 125 МУК и ст. 116 УК РФ посвящены ответственности за побои. Существенное отличие содержания этих норм заключается в том, что МУК не указывает на мотивы, а по УК РФ ответственность за побои, совершенные впервые, наступает только при установлении определенных мотивов.

Статья 126 МУК и ст. 117 УК РФ регламентирует ответственность за истязание. Части 2 названных статей предусматривают истязание, совершенное по экстремистскому мотиву, а также путем пытки. МУК в отличие от УК РФ не раскрывает понятие пыток. Вместе с тем по международному праву и отечественному уголовному законодательству преступному деянию в виде пыток свойствен такой обязательный признак, как цель.

Статья 133 МУК устанавливает ответственность за принуждение к донорству с целью изъятия органов или тканей потерпевшего для трансплантации. В отличие от рассматриваемой нормы отечественное законодательство более широко подходит к цели преступного деяния. Статья 120 УК РФ предполагает, что принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации мо-

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

жет преследовать любую цель. Нам импонирует данный подход, так как он предполагает больший охват соответствующих ситуаций.

Стоит обратить внимание, что при регламентации уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 137 МУК) не учтены факультативные признаки субъективной стороны преступления. В отечественном законодательстве применительно к рассматриваемому преступлению учитывается в качестве квалифицирующего обстоятельства такой факультативный признак субъективной стороны преступления, как экстремистский мотив (ч. 2 ст. 119 УК РФ). Думается, что в современных реалиях это весьма актуально и оправдано.

Подводя итог анализу МУК, можно сделать вывод, что регламентация в нем факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья в целом схожа с УК РФ. Вместе с тем отечественное законодательство в этой части разработано более детально, что вполне объяснимо с учетом типового, рекомендательного характера МУК.

Далее рассмотрим положения уголовных кодексов стран ближнего зарубежья в части регламентации факультативных признаков субъективной стороны интересующих нас преступлений. По утверждению Е.В. Масловой, в странах ближнего зарубежья указания на факультативные признаки субъективной стороны, как правило, отсутствуют¹. Вместе с тем при анализе норм, предусматривающих преступления против жизни и здоровья, установлено, что законодатели стран ближнего зарубежья все же эти признаки учитывают.

В первую очередь следует отметить, что законодательство стран ближнего зарубежья запрещает объективное вменение и требует установления вины (ч. 7¹ ст. 7 УК Республики Азербайджан²; ч. 2 ст. 9 УК Республики Армения³;

¹ См.: Маслова Е.В. Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 127.

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 г. (по сост. на 06.10.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 17.02.2021 г.).

³ Уголовный кодекс Республики Армения 2003 г. (по сост. на 29.12.2020 г.). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 17.02.2021 г.).

ч. 5 ст. 3 УК Республики Беларусь¹; ч. 1 ст. 7 УК Грузии²; ч. 2 ст. 19 УК Республики Казахстан (далее – УК РК)³; ч. 2 ст. 2 УК Кыргызской республики⁴; ч. 1 ст. 6 УК Республики Молдова⁵; ч. 3 ст. 7 УК Республики Таджикистан⁶; ч. 3 ст. 3 УК Туркменистана⁷; ч. 1 ст. 9 УК Республики Узбекистан⁸; ч. 2 ст. 2 УК Украины⁹; ч. 2 ст. 1 УК Латвии¹⁰; ч. 3 ст. 2 УК Литовской республики¹¹; ч. 1 ст. 3 Уголовного (Пенитенциарного) кодекса Эстонской республики (далее – Пенитенциарный кодекс)¹²), подчёркивая необходимость выявления психического отношения лица к совершённом деянию.

Чтобы определить, какие факультативные признаки субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья предусматривают законодатели, необходимо обратиться к отдельным видам преступлений.

В большинстве уголовных кодексов стран ближнего зарубежья особенная часть открывается нормами, устанавливающими ответственность за убийство. Все страны ближнего зарубежья, за исключением Грузии, Туркменистана, Узбекистана, Литвы и Эстонии, закрепили в уголовных законах определение убийства. По утверждению Н.Е. Канадиной, введение в текст уголовного закона

¹ Уголовный кодекс республики Беларусь 1999 г. (по сост. на 06.01.2021 г.). URL: <http://etalonline.by/document/?regnum=НК9900275> (дата обращения: 17.02.2021 г.).

² Уголовный кодекс Грузии 1999 г. (по сост. на 18.09.2020 г.). URL: <https://matsne.gov.ge/> (дата обращения: 17.02.2021 г.).

³ Уголовный кодекс республики Казахстан 2014 г. (по сост. на 30.12.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&doc (дата обращения: 17.02.2021 г.).

⁴ Уголовный кодекс Кыргызской республики 2019 г. (по сост. на 31.12.2020 г.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 17.02.2021 г.).

⁵ Уголовный кодекс республики Молдова 2002 г. (по сост. на 16.12.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 17.02.2021 г.).

⁶ Уголовный кодекс республики Таджикистан 1998 г. (по сост. на 17.12.2020 г.). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324 (дата обращения: 17.02.2021 г.).

⁷ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. (по сост. на 22.08.2020 г.). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483 (дата: обращения 17.02.2021 г.).

⁸ Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. (по сост. на 18.02.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 17.03.2021 г.).

⁹ Уголовный кодекс Украины 2001 г. (по сост. на 18.02.2021 г.). URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/> (дата обращения: 17.03.2021 г.).

¹⁰ Уголовный закон Латвии 1998 г. (по сост. на 02.02.2021 г.). URL: <https://likumi.lv/ta/id/88966-kriminallikums> (дата обращения: 17.03.2021 г.).

¹¹ Уголовный кодекс Литовской республики 2000 г. (по сост. на 20.01.2021 г.). URL: https://www.infollex.lt/portal/start_ta.asp?act=doc&fr=pop&doc=66150# (дата обращения: 17.02.2021 г.).

¹² Уголовный (Пенитенциарный) кодекс Эстонской Республики 2002 г. (по сост. на 04.03.2021 г.). URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/penitenciarnyy-kodeks> (дата обращения: 17.03.2021 г.).

определения убийства следует, несомненно, признать заслугой законодателей этих государств¹. Преимущество описательной диспозиции очевидно, так как она содержит развернутое описание признаков преступления.

Все уголовные кодексы стран ближнего зарубежья включают в круг отягчающих убийство обстоятельств низменные мотивы и цели преступления. Это указывает на необходимость при квалификации убийства всегда устанавливать мотивы, цели и эмоции субъекта преступления. Так, к низменным мотивам убийства при отягчающих обстоятельствах все названные уголовные законы, за исключением УК Латвии, относят корыстные, хулиганские и экстремистские побуждения. Что касается целей, то это такие, как облегчить или скрыть другое преступление, использовать органы и ткани потерпевшего.

Уголовные кодексы РК, Таджикистана, Туркменистана устанавливают ответственность за убийство, совершенное по мотиву кровной мести. Отсутствует данный признак в уголовных законах других стран СНГ, а также в уголовных кодексах стран Балтии, так как на территориях таких стран «искоренены» родовые обычаи. Названное побуждение в указанных уголовных кодексах понимается одинаково. Следует заметить, что в УК РК мотив кровной мести упоминается в одном пункте с экстремистским мотивом.

Положительным видится разъяснение содержания мотива кровной мести Верховным Судом РК. В п. 18 нормативного постановления от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека» (далее – постановление Верховного Суда РК № 1)² установлено, что при квалификации преступного деяния судам следует выяснять, принадлежит ли виновный к той группе населения, которая признает обычай кровной мести, имел ли место до совершения данного преступления факт убийства человека, находился ли виновный с ним в родственных отношениях, из каких источников ему стало известно, что насильственное лишение жизни его родственника совершено потерпевшим или его родственниками, и другие обстоя-

¹ См.: Канадина Н.Е. Уголовная ответственность за убийство в странах Балтии и СНГ: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 60.

² Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000001S> (дата обращения: 10.11.2020 г.).

тельства. Кровную месть как мотив убийства, служащий основанием для квалификации содеянного с учетом названного признака, следует отличать от убийства, которое совершено на почве личных неприязненных отношений, возникших в связи с предшествующим убийством родственника виновного.

Считаем, что подобное разъяснение в рамках формирования отечественной правоприменительной практики будет полезным для надлежащей и единообразной квалификации соответствующих преступных деяний.

Убийство из хулиганских побуждений имеет место тогда, когда совершается на почве явного неуважения к обществу, пренебрежительного отношения к правилам человеческого общежития и нормам морали и нравственности, без видимого повода либо из желания использовать незначительный повод предлогом для убийства¹. Причем вывод суда о наличии таких побуждений у лица обязательно должен быть отражен в приговоре. В отношении квалификации убийства из хулиганских побуждений нет особых расхождений в законодательстве стран Балтии и СНГ, нормы морали и нравственности едины не только в данных государствах, но и во всем мире². Вместе с тем УК Республики Молдова и Латвии не содержат указания на данный мотив.

Всеми уголовными законодательствами стран СНГ и Балтии предусмотрено убийство из корыстных побуждений. При его трактовке во всех государствах последовательно исходят из того, что убийство из корыстных побуждений (корысти) надлежит квалифицировать как умышленное причинение смерти, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц, избавления от материальных затрат³.

Положительным видится регулирование временных рамок убийства из корыстных побуждений в абз. 5 п. 14 постановления Верховного Суда РК № 1, которым установлено, что «если умысел на завладение имуществом возник после причинения смерти и корыстная цель не была мотивом убийства, то дей-

¹ См.: Жуманиязов М.А. Проблемы квалификации убийств по законодательству Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2009. № 1 (13). С. 90–99; Плаксина Т.А. Регламентация ответственности за квалифицированные виды убийств в уголовном законодательстве России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии: сравнительно-правовое исследование // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 48–57.

² Канадина Н.Е. Указ. соч. С. 124.

³ См.: Там же. С. 118.

ствия виновного, связанные с завладением имуществом потерпевшего после лишения его жизни, следует квалифицировать по статьям УК, предусматривающим ответственность за уголовные правонарушения против чужой собственности, а убийство – по соответствующей части статьи 99 УК в зависимости от наличия квалифицирующих признаков».

Указанная позиция не закреплена в рамках официального судебного толкования в иных странах, в том числе и в РФ. Думается, что таковое, хотя и является очевидным для большинства правоприменителей, тем не менее, дополнительно акцентирует внимание судов на соответствующем обстоятельстве.

Необходимо отметить, что только уголовное законодательство стран СНГ содержит указание на мотивы экстремистской направленности как на квалифицирующие убийство обстоятельства. Терминологическая интерпретация рассматриваемого мотива во всех УК стран СНГ разная:

- ст. 120.2.12 УК Азербайджана: «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды»;
- п. 13 ч.2 ст. 104 УК Республики Армения: «по мотиву национальной, расовой или религиозной ненависти либо религиозного фанатизма»;
- п. 14 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь: «по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы»;
- п. г. ч. 2 ст. 109 УК Грузии: «вследствие расовой, религиозной, национальной или этнической нетерпимости»;
- п. 11 ч. 2 ст. 99 УК РК: «по мотиву социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести»;
- п. 10 ч. 2 ст. 130 УК Кыргызской республики: «совершенное на почве расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни)»;
- п. 1) ч. 2 ст. 145 УК Республики Молдова: «совершенное на почве социальной, национальной, расовой либо религиозной ненависти»;
- п. л) ч. 2 ст. 104 УК Таджикистана: «на почве национальной, расовой,

религиозной, местнической ненависти или вражды, либо кровной мести»;

– п. м) ч. 2 ст. 101 УК Туркменистана: «на почве социальной, национальной, расовой либо религиозной ненависти или вражды»;

– п. к) абз. 2 ст. 97 УК Республики Узбекистан: «совершенное по мотивам межнациональной или расовой вражды»; п. м) абз. 2 ст. 97: «совершенное из религиозных предрассудков»;

– п. 14 ч. 2 ст. 115 УК Украины: «по мотивам расовой, национальной либо религиозной нетерпимости».

В представленных выдержках из уголовно-правовых норм наблюдается большое терминологическое разнообразие и расхождение в регламентации экстремистского мотива. Стоит заметить, что это влияет на интерпретацию и понимание нормы права при квалификации содеянного. С целью установления сути экстремистского мотива в перечисленных нормах попытаемся выяснить содержание некоторых понятий. Интерес представляет толкование таких терминов, как «вражда», «нетерпимость» и «ненависть».

При регламентации убийства по мотиву экстремистской направленности в УК Азербайджана, Беларуси, РК; Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана используется термин «вражда», а в УК Грузии и Украины – «нетерпимость». Нетерпимость в словаре С.И. Ожегова раскрывается как нежелание или невозможность терпеть что-либо, а под враждой понимаются отношение и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью к чему-либо¹. Думается, что нетерпение не совсем удачно подходит к формулированию квалифицированного вида преступления. Именно вражда и ненависть выступают формами проявления экстремизма.

Интерес также вызывает терминологическое обозначение в уголовном законодательстве стран СНГ, в частности в УК Армении и Узбекистана, убийства по религиозному мотиву. В УК Армении указан мотив, вызванный религиозной ненавистью или религиозным фанатизмом. Традиционно религиозный фанатизм рассматривается как одна из частных форм проявления фанатизма вообще. Та-

¹ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/126230> (дата обращения: 11.08.2019 г.).

ким образом, данное понятие не выделяется в самостоятельную терминологическую единицу. В различных справочных изданиях термин «фанатизм» имеет разные интерпретации, расхождения в частностях, но во многих из них фанатизм трактуется как некий негатив, «анти-бытие» сознания, как некая крайность¹. По общему правилу религиозный фанатизм является слепой, доведённой до крайней степени приверженностью религиозным идеям. УК Узбекистана указывает, что совершение убийства из религиозных предрассудков являетсяотягчающим обстоятельством. Предрассудок является суждением, усвоенным некритически, без размышления. Это иррациональные компоненты (стереотипы) общественного и индивидуального сознания: суеверия и предубеждения².

Необходимо отметить, что совершение преступления по мотиву религиозной ненависти или вражды предполагает стремление виновного лица показать наличие у него определенной неприязни к какой-либо религии, ее представителям. Религиозная ненависть или вражда может стать мотивом, побуждающим к совершению преступления не только против лица, имеющего иное вероисповедание, но и лица, не исповедующего никакую религию, а также атеиста³. В такой ситуации субъект преступления пытается показать, что его взгляды на отношение к религии являются правильными и истинными, а взгляды пострадавшего – ошибочными⁴.

Религиозная ненависть включает в себя, в том числе, религиозный фанатизм и религиозный предрассудок. Полагаем, что названные нормы УК Армении и Узбекистана являют собой примеры нарушения требований юридической техники. Достаточно указания только на религиозную ненависть.

УК Грузии содержит норму, предусматривающую ответственность за убийство, совершаемое в связи с этнической нетерпимостью. Под этносом по-

¹ См.: Кузнецова М.Н. Позитивные и негативные моменты религиозного фанатизма // Омский научный вестник. 2001. Вып. 17 (дек.). С. 47–51.

² См.: Виноградов В.В. Предрассудок // История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1999.

³ См.: Минекаева А.Ф. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 12.

⁴ См.: Кияткина И.А. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6–1. С. 316–318.

нимается исторически сложившаяся межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общим языком, культурой и самосознанием¹. Ключевой характеристикой считается именно самосознание. Этническая нетерпимость – реально значимая форма проявления кризисных трансформаций этнической идентичности. Основой этнической нетерпимости является повышенная чувствительность к лицам других национальностей².

Понятие «национальность» выражает этническую общность. При этом общность генетических характеристик и природных условий бытия представляет собой лишь один из факторов нации и народности³. Понятием национальности охватывается государственно-гражданская принадлежность человека. Так, например: «россиянин» – это национальность, а «русский» – этничность, «американец» – это национальность, а «француз», «шотландец», «ирландец» и т.д. – это этничность и т.д.⁴

Во всех уголовных кодексах стран СНГ, за исключением Грузии и Кыргызстана, в которых предусмотрена ответственность за убийство по экстремистскому мотиву, в том числе и в УК РФ (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), используются такие термины, как «расовая» и «национальная». Раса как генетическая категория соотносится с физической формой народов. Национальность считается социально-политической категорией и связана с понятием государства⁵.

В силу сказанного было бы целесообразным странам СНГ, в том числе и РФ, не сужать мотив экстремистской направленности и при его регламентации избегать казуистичности. В силу этого предлагаем обозначить рассматриваемый

¹ См.: Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. М., 2003. С. 980.

² См.: Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности. Вып. 1. М., 2001. С. 14–16.

³ См.: Мамытов Т.Б. Понятие «нация» и национальность, национальные интересы и цели // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2015. № 10. С. 87–89.

⁴ См.: Владимиров А.А. Этнос – нация – народ – человечество // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 2017. С. 105–108.

⁵ См.: Волков Ю.К. Социальное и национальное: марксистский и неомарксистский взгляд на проблему соотношения наций, этносов и классов // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 2017. С. 144–148.

мотив как экстремистский. Более детальный анализ последнего содержится в разделе, посвященном признаку «мотив» в рассматриваемых преступлениях.

Ненависть и вражда являются теми существенными признаками, которые присущи именно экстремистским преступлениям¹. Убийство из кровной мести также относится к преступлениям, совершаемым в силу ненависти и вражды, но этот мотив отличается своеобразием, поэтому названный вид убийства необходимо рассматривать самостоятельно.

Далее перейдем к анализу убийства, совершаемого при отягчающих обстоятельствах, связанных с целью преступления.

Пункт 14 ч. 2 ст. 104 УК Армении устанавливает ответственность за убийство, совершенное в целях использования частей тела или тканей потерпевшего. Законодатель Беларуси данное отягчающее обстоятельство изложил в п. 9 ч. 2 ст. 139 УК в следующей редакции: «Убийство с целью получения трансплантата либо использования частей трупа». По утверждению Г.В. Касьяновой, под ним следует понимать убийство с целью переработки частей трупа, для добавки их в пищу животных, каннибализм и др.² В УК Литвы отягчающим обстоятельством убийства названа цель «получить какой-либо орган или ткань потерпевшего для трансплантации» (п. 12 ч. 2 ст. 129); в УК Молдовы – цель изъятия и (или) использования, либо продажи органов или тканей потерпевшего (п. «l» ч. 3 ст. 145). Таким образом, законодатель Литвы подходит более узко к регламентации рассматриваемого преступного деяния, чем законодатель Молдовы. В первом случае преступление может быть квалифицировано по данной норме, если преступник преследует цель использования биоматериала именно для его пересадки. В УК Грузии в конструкции рассматриваемого вида убийства предусмотрена цель пересадки или использования иным образом органов, частей органов или тканей тела жертвы (п. «н» ст. 109)³.

Сложно согласиться с законодательной конструкцией, при которой цель в

¹ См.: Кузьмина Н.В. Уголовно-правовая статистика в криминологических исследованиях этнической преступности // Вопросы управления. 2014. № 2 (27). С. 85–90.

² Касьянова Г.В. Квалификация преступлений: учебно-методическое пособие. Витебск, 2006. С. 25.

³ См.: Краев Д.Ю. О субъективной стороне убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего // Криминалистика. 2015. № 2 (17). С. 12–16.

рамках рассматриваемого отягчающего обстоятельства ограничивается лишь трансплантацией или продажей органов. Данная позиция поддерживается и в трудах отечественных ученых. Подобная регламентация неоправданно сужает действие уголовно-правовой нормы, приводит к проблемам при квалификации преступного деяния¹.

В УК РК (п. 12 ч. 2 ст. 99), Кыргызии (п. 12 ч. 2 ст. 97), Таджикистана (п. «о» ч. 2 ст. 104) содержание данного квалифицирующего признака почти тождественно тому, что сформулирован в п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Следующий квалифицирующий убийство признак – совершение деяния с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения. Его предусматривают все уголовные кодексы стран ближнего зарубежья без исключения. Только п. 9 ст. 129 УК Литовской Республики не называет цель облегчения совершения другого преступления.

Ни в одном акте толкования стран ближнего зарубежья, кроме РК, не найдены разъяснения по поводу квалификации названного вида убийства. В п. 16 нормативного постановления Верховного Суда РК № 1 определено, что при установлении мотива не имеет значения, в отношении самого потерпевшего или в отношении других лиц совершено скрываемое преступление или предполагается совершение другого преступления, к какой категории по тяжести это правонарушение относится, время и способ совершения этих правонарушений, сам ли субъект убийства или другие лица совершили скрываемое преступление или намерены после убийства совершить новое преступление, достиг ли виновный в результате убийства своей цели.

Думается, что столь детальные разъяснения относительно названного обстоятельства полезны для точного понимания правоприменителем содержания соответствующей нормы.

Далее перейдем к рассмотрению преступлений против жизни и здоровья, совершенных в состоянии аффекта. Нормы об ответственности за такие посягательства содержатся в уголовном законодательстве всех стран СНГ и Балтии.

¹ См.: Гладких В.И., Федотов П.В., Шутов Р.Н. Уголовное право. Общая и Особенная части: курс лекций. М., 2010. С. 213; Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М., 2008. С. 89.

Законодатели относят названные деяния к преступлениям с привилегирующими признаками. Физиологический аффект является одним из особых признаков субъективной стороны состава преступления, присущих только двум деяниям, – убийству и причинению вреда здоровью¹.

Уголовно-правовые нормы стран ближнего зарубежья, устанавливающие ответственность за преступления, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, схожи по своему содержанию.

В УК Республики Беларусь в ст. 31 сформулированы общие положения, касающиеся уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Данная норма указывает, что наказуемы при его наличии только умышленное причинение смерти, тяжкое или менее тяжкое телесные повреждения.

В ряде уголовных кодексов (ст. 105, 114 УК Армении; ст. 111 и 121 УК Грузии; ст. 106 УК Кыргызстана; ст. 98, 106 УК Узбекистана; ст. 116, 123 УК Украины; ст. 120, 127 УК Латвии; ст. 130, 136 УК Литвы; статьи 103, 109 Пени-тенциарного кодекса Эстонии) термины «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» не являются тождественными. Думается, что такой подход законодателя является верным. Ранее указывалось, что аффект значительно отличается по своему смыслу от внезапно возникшего сильного душевного волнения. Объемы указанных понятий не совпадают.

Верховным Судом РК в постановлении № 1 и в нормативном постановлении от 11 мая 2007 г. № 2 «О применении законодательства о необходимой обороне»² установлены основные правила квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 101 и 111 УК РК. В абз. 4 п. 26 постановления Верховного Суда РК № 1 определено, что понимается под аффективным состоянием. Оно представляет собой кратковременную, интенсивную эмоцию, которая занимает господствующее положение в сознании виновного при сохранении им способности к самообладанию и возможности действовать в связи с поводом, вызвав-

¹ Канадина Н.Е. Указ. соч. С. 150.

² Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 2 «О применении законодательства о необходимой обороне». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000002S_ (дата обращения: 10.08.2019 г.).

шим аффект. Длительный промежуток во времени между действиями потерпевшего и ответными действиями виновного исключает применение ст. 101 или 111 УК РК. Представляется верной позиция Верховного Суда РК относительно наименования рассматриваемого состояния, так как юридическое понятие «аффект» не в полной мере идентично психологическому и психиатрическому, его нельзя использовать в краткой формулировке. Кроме того, в абз. 2 п. 26 названного постановления приводится примерный перечень оснований возникновения аффектированного состояния. К таковым отнесены: причинение смерти или вреда здоровью близких лиц, их изнасилование, доведение до самоубийства, самоуправство, злоупотребление служебным положением и т.п. Думается, что данная позиция полезна для формирования единообразной правоприменительной практики. В связи с этим данный опыт можно использовать и в России.

Пункт 26 постановления Верховного Суда РК № 1 указывает, что только для квалификации убийства в состоянии аффекта необходимым условием является наличие у виновного «физиологического аффекта», его внезапность и связь с действиями потерпевшего. Данное утверждение представляется верным, так как именно физиологический аффект порождает у субъекта преступления сильное кратковременное эмоциональное возбуждение, вспышку таких эмоций, как страх, гнев, ярость, отчаяние, бурно протекающих и характеризующихся внезапностью возникновения, кратковременностью, значительным характером изменений сознания, нарушением волевого контроля.

Вызывающая одобрение позиция казахского правоприменителя изложена в абз. 5 п. 26 постановления Верховного Суда РК № 1, где указано, что для выяснения вопроса, находился ли виновный в состоянии аффекта и в течение какого времени, необходимо проведение судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Статья 129 УК Азербайджана, ст. 114 УК Армении, ст. 113 УК Таджикистана, предусматривающие умышленное причинение вреда здоровью в состоянии сильного душевного волнения, разделены на части в целях дифференциации ответственности за причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. Такой подход видится логичным, его можно учесть при совершенствовании

отечественного законодательства.

Статья 103 ПК Эстонии определяет, что «убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, – наказывается...». Аналогичная диспозиция содержится в ст. 120 УК Латвии. Согласно ст. 130 этого УК «тот, кто совершил убийство, находясь в состоянии внезапно сильного душевного волнения, вызванного незаконным поступком со стороны потерпевшего, либо особо тяжким оскорблением относительно его самого или близкого ему человека, – наказывается...». По сравнению с действующим отечественным законодательством нормы за убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, закрепленные в законах Эстонии, Латвии и Литвы, выглядят менее детальными, так как в них установлен более узкий круг аффектообразующих оснований, порождающих названное состояние.

Изучение уголовных законов стран ближнего зарубежья в части установления ответственности за преступления, совершенные в аффектированном состоянии, позволяет констатировать: указание на то, что аффект может быть спровоцирован противоправным поведением потерпевшего не только в отношении виновного, но и его родных и близких, содержится лишь в УК Эстонии, Молдовы и Литвы.

Далее необходимо рассмотреть регламентацию в УК стран ближнего зарубежья преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны, превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Во всех уголовных кодексах, за исключением УК Литвы и Молдовы, предусмотрены названные виды преступлений. Эти деяния являют собой привилегированные составы, так как в связи с основаниями, закрепленные в уголовном законе, наказание за них смягчено. Совершая преступление в результате превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, виновный стремится пресечь общественно опасное посягательство потерпевшего, то есть руководствуется побуждениями, не порицаемыми правом и моралью. Поэтому закон в данном случае исходит из того, что виновный, хотя и вышел за пределы допустимой обороны или соответствующих

мер, но совершил преступление в условиях, существенно смягчающих его ответственность.

Значительная часть уголовных кодексов стран ближнего зарубежья не акцентирует внимания на факультативных признаках субъективной стороны в рассматриваемых ситуациях. Нормы о необходимой обороне и превышении мер, необходимых для задержания лица, закрепленные в УК государств ближнего зарубежья, показывают их несомненную близость с российскими. Однако нельзя не заметить и существенные различия, которые как раз связаны с факультативными признаками субъективной стороны преступления.

Так, согласно ч. 4 ст. 36 УК Украины лицо не подлежит уголовной ответственности, если вследствие сильного душевного волнения, вызванного общественно опасным посягательством, оно не могло оценить соответствие причиненного им вреда опасности посягательства или обстановке защиты. Такое уточнение, по мнению А.В. Наумова, позволяет учитывать подлинное психологическое состояние обороняющегося и является серьезным препятствием на пути обвинительного уклона, равнодушно-механически взвешивающего опасность посягательства и меры защиты от него¹. Действительно, обороняющийся, испытывая душевное потрясение (волнение), вызванное внезапностью нападения, не всегда способен оценить подлинную опасность и соразмерность своих действий. Следует также указать, что именно эмоции порождают такое психологическое состояние обороняющегося.

В ст. 28 УК Литвы закреплено, что «превышением пределов необходимой обороны не признается деяние, совершенное в состоянии сильного замешательства или испуга, вызванное опасным посягательством, или при защите от вторжения в жилище». Таким образом, законодатель Литвы тоже учитывает особенности эмоционального состояния преступника, исключая его ответственность. Аналогичная позиция отражена и в законодательстве РК. В соответствии со ст. 66 УК РК лицо, превысившее пределы необходимой обороны вследствие страха, испуга или замешательства, вызванного общественно опасным посягательством, может быть с учетом обстоятельств дела освобождено от уголовной ответствен-

¹ Наумов А.В. Новый УК Украины // Государство и право. 2002. № 3. С. 82–89.

ности. Верховный Суд РК дополняет рассматриваемые положения. Согласно абз. 2 п. 15 нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. № 2 «О применении законодательства о необходимой обороне» при реализации нормы следует учитывать, что законодатель предусматривает в качестве основания освобождения лица от уголовной ответственности его эмоционально-психическое состояние, которое характеризуется страхом или испугом, а также неадекватность его действий в результате замешательства, вызванного общественно опасным посягательством, и данные обстоятельства связывает с обстоятельствами дела. Из этого следует, что ст. 66 УК РК лишь допускает возможность освобождения лица, превысившего пределы необходимой обороны в результате страха, испуга или замешательства, от уголовной ответственности, но не предусматривает эти обстоятельства как абсолютное условие, влекущее обязательное, непременное его освобождение от таковой. В п. 16 постановления закреплены разъяснения относительно понимания страха, испуга, замешательства. Кроме того, в п. 1 Верховный Суд РК указал, что при производстве по делам о причинении смерти либо вреда здоровью необходимо учитывать положения ст. 32 УК РК о необходимой обороне и ее пределах и тщательно выяснять цель, мотив, форму вины, способ совершения уголовного правонарушения и другие обстоятельства, имеющие значение для правильной квалификации деяния. Тем самым судебный орган подчеркнул обязательное установление всех обстоятельств преступного деяния, в том числе и факультативных по своей природе признаков субъективной стороны преступления.

Указанные разъяснения представляются важными. Думается, включение таковых в содержание соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ сказалось бы позитивно на правоприменительной практике.

Следующая группа посягательств, подлежащих анализу, – это преступления, связанные с умышленным причинением вреда здоровью.

Уголовные законодательства всех стран, за исключением Латвии, содержат нормы, предусматривающие ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при наличии квалифицирующих обстоятельств, указывающих на интересующие нас признаки.

Уголовные кодексы Азербайджана, Армении, Казахстана, Молдовы, Узбекистана, Украины, Литвы закрепляют квалифицирующие обстоятельства, связанные с факультативными признаками субъективной стороны, только для умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью. Самый объемный перечень низменных мотивов и целей при умышленном причинении тяжкого вреда представлен в УК Армении, Грузии, Кыргызстана.

Согласно ч. 2 ст. 112 УК Армении умышленное причинение тяжкого вреда здоровью может быть совершено, в том числе, из корыстных побуждений, из хулиганских побуждений, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или религиозного фанатизма, в целях использования частей тела или тканей потерпевшего. УК Грузии закрепляет для причинения тяжкого вреда здоровью в качестве квалифицирующих признаков цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение, хулиганские побуждения, мотив расовой, религиозной, национальной или этнической нетерпимости, корыстные побуждения, цель пересадки или использования иным образом органов. Следует также указать, что ст. 117 УК Грузии дифференцирует ответственность за рассматриваемое деяние следующим образом: за совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение установлена ответственность в виде лишения свободы на срок от 5 до 7 лет; за совершение преступления из хулиганских побуждений, вследствие расовой, религиозной, национальной или этнической нетерпимости – на срок от 7 до 9 лет; за совершение преступления из корыстных побуждений, в целях пересадки или использования иным образом органов, частей органов или тканей тела жертвы – на срок от 10 до 13 лет.

Таким образом, законом проводится дифференциация по степени общественной опасности того или иного обстоятельства. Вместе с тем мы не вполне согласны с подобной градацией. Так, корыстные преступления могут обладать меньшей степенью общественной опасности, чем экстремистские.

Часть 2 ст. 138 УК Кыргызстана устанавливает ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью, если оно совершено, в том числе, из хулиганских побуждений, из корыстных побуждений, с целью получения органа или

тканей потерпевшего, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, на почве расовой, этнической, национальной, религиозной и межрегиональной вражды (розни). Как можно заметить, перечень квалифицирующих признаков схож с представленным в отечественном УК.

Таким образом, законодатели названных стран закрепили, что данное преступление может совершаться, в том числе, с квалифицирующими признаками, связанными с факультативными признаками субъективной стороны.

Изучая преступления, сопряженные с посягательствами на здоровье, нельзя обойти стороной побои, истязания и пытки. Рассматривая уголовное законодательство стран ближнего зарубежья, следует отметить, что в их законах данные составы отличаются по своему содержанию и структуре. Так, названные преступления предусмотрены в следующих статьях уголовных кодексов стран ближнего зарубежья: ст. 133 (Истязание) УК Азербайджана; ст. 118 (Истязание); ст. 119 (Пытка) УК Армении; ст. 154 (Истязание) УК Беларуси; ст. 125 (Побои); ст. 126 (Насилие); ст. 126¹ (Насилие в семье) УК Грузии; ст. 110 (Истязание) УК Казахстана; ст. 143 (Пытки); ст. 144 (Истязание) УК Кыргызстана; ст. 116 (Побои); ст. 117 (Истязание) УК Таджикистана; ст. 112 (Побои); ст. 113 (Истязание) УК Туркменистана; ст. 110 (Истязание) УК Узбекистана; ст. 126 (Побои и истязание) ст. 126-1 (Домашнее насилие); ст. 127 (Пытки) УК Украины; ст. 130 (Умышленное легкое телесное повреждение) УК Латвии; ст. 140 (Причинение физической боли либо незначительного телесного повреждения) УК Литвы; ст. 113 (Насильственные действия над личностью); ст. 114 (Истязание) УК Эстонии; 166¹ (Пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение) УК Молдовы. Названные деяния являются умышленными. Интерес вызывают пытки, так как данный состав содержит в качестве обязательного признака цель.

Большинством стран ближнего зарубежья ратифицирована Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Конвенция¹). В ст. 1 Конвенции дается

¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 11.10.2020 г.).

определение пыткам. В частности, в нем указываются цели преступного деяния, к которым относятся цель получения от потерпевшего или от третьего лица сведения или признания; цель наказать потерпевшего за действие, которое совершил он или третье лицо или в совершении которого он подозревается; цель запугать или принудить потерпевшего.

Как видим, в Армении, Кыргызстане; Украине и Молдове данное деяние выделено в качестве самостоятельного. Как отмечается в специальной литературе¹, российский законодатель, вопреки общей тенденции современного уголовного права, отказался от криминализации пыток в качестве самостоятельного преступления. Аналогичную правовую позицию занял и белорусский законодатель. По уголовному законодательству этих стран пытка является одним из квалифицирующих признаков деяний, предусмотренных ст. 117 («Истязание») и 302 («Принуждение к даче показаний») УК РФ, а также ст. 426 («Превышение власти или служебных полномочий») УК РБ.

Ни один из законодателей названных стран не дает определения пыткам, в полном объеме соответствующего международно-правовому понятию, закрепленному в Конвенции против пыток. Ближе всех к нему по смыслу дефиниции, разработанные законодателями Азербайджана и Туркменистана, включившими в них все основные признаки, характеризующие пытки (причинение сильной боли, специальный субъект преступления), и указали цели, аналогичные тем, которые названы в Конвенции².

Полагаем, что для унификации отечественного и международного права целесообразно выделить пытки в качестве самостоятельного состава преступления, дополнив УК РФ ст. 117¹ «Пытки». Обоснование данного предложения будет представлено далее.

Интерес вызывают статьи уголовных законов, предусматривающие ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для транс-

¹ См.: Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2007. № 4. С. 15–18.

² Мухтабаева Р.К. Сравнительно-правовой анализ статьи «пытки» по уголовному законодательству зарубежных стран // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. С.К. Бурякова. Барнаул, 2017. С. 208–210.

плантации. Ряд уголовных кодексов стран ближнего зарубежья закрепляют цель преступного деяния в качестве обязательного признака этого состава:

– ст. 126 УК Армении: «Принуждение лица к отдаче с целью трансплантации или научных экспериментов частей тела или тканей (донорству)...»;

– ст. 158 УК Молдовы: «Незаконное изъятие человеческих тканей и/или клеток путем извлечения их из тела живого или неживого человека ... в целях получения дохода, а равно продажа, покупка, хищение, незаконные использование, хранение, владение, передача, получение, импорт, экспорт или транспортировка таковых»;

– ст. 133 УК Узбекистана: «Изъятие органов или тканей умершего человека в целях их трансплантации, консервации в научных или учебных целях...»;

– ч. 2 ст. 143 УК Украины: «Изъятие у человека путем принуждения или обмана его анатомических материалов с целью их трансплантации...».

Другие уголовный кодексы не указывают на цель преступления, она вытекает из содержания нормы:

– ч. 2 ст. 137 УК Азербайджана: «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации...»;

– ст. 163 УК Беларуси: «Принуждение лица к даче его органов или тканей для трансплантации...»;

– ст. 134 УК Грузии: «Изъятие органов, частей органов или тканей человека для лечения, пересадки, экспериментов или изготовления лечебных препаратов вопреки его воле...»;

– ст. 116 УК РК: «Принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов и тканей живого лица для трансплантации либо иного использования...»;

– ст. 146 УК Кыргызстана: «Принуждение лица к изъятию у него или его близких органов или тканей для трансплантации...»;

– ст. 122 УК Таджикистана: «Принуждение к изъятию органов или тканей потерпевшего для трансплантации...»;

– ст. 139 УК Латвии: «Незаконное изъятие тканей или органов живого или мертвого человека для использования их в медицине, совершенное медицинским лицом...».

Таким образом, можно заключить, что в некоторых представленных нормах цель закреплена в качестве обязательного признака, в других – нет, но она непосредственно вытекает из их смысла.

Следует отметить, что в отдельных УК предусмотрены составы преступлений, включающие факультативные признаки субъективной стороны, отсутствующие в УК РФ. Так, ст. 136.2 УК Азербайджана закрепляет ответственность за проведение без согласия лица операций с целью медицинской стерилизации, ст. 135 УК Грузии – за незаконную торговлю кровью или компонентами крови, совершенную из корыстных побуждений.

Изучив регламентацию факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья, можно сделать ряд *выводов*.

1. Компаративистский анализ показал, что уголовные кодексы стран ближнего зарубежья в целом схожи в части регламентации преступлений против жизни и здоровья. Система последних выстроена с учетом уровня их общественной опасности. Особенно данное замечание касается стран СНГ, так как их уголовные законы в большей степени соответствуют конструкции, представленной в Модельном уголовном кодексе.

2. Нормы Особенной части проанализированных уголовных кодексов, предусматривающие преступления против жизни и здоровья, содержат указание на низменные мотивы и цели, выступающие в качестве квалифицирующих признаков, во многом схожие с названными в отечественном законодательстве.

3. В результате анализа выявлены заслуживающие внимания положения нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека» в части разъяснения содержания факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья. Данное постановление содержит полезные для правоприменительной практики рекомендации по квалификации убийства по мотиву кровной мести; убийства с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения; преступлений против жизни и здоровья, связанных с превышением необходимой обороны; по пони-

манию аффектированного преступления, эмоций страха, испуга, замешательства, а также установления примерного перечня оснований возникновения аффективного состояния.

Считаем полезным заимствование ряда положений из постановлений Верховного Суда РК, касающихся мотивов, целей и эмоций, предусмотренных для преступлений против жизни и здоровья, а именно:

- при квалификации убийства, совершенного с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения, не имеет значения, в отношении самого потерпевшего или в отношении других лиц совершено скрываемое преступление или предполагается совершение другого преступления, к какой категории по тяжести это правонарушение относится, время и способ совершения этих правонарушений, сам ли субъект убийства или другие лица совершили скрываемое преступления или намерены после убийства совершить новое, достиг ли виновный в результате убийства своей цели;

- аффективное состояние представляет собой кратковременную, интенсивную эмоцию, которая занимает господствующее положение в сознании виновного при сохранении им способности к самообладанию и возможности действовать в связи с поводом, вызвавшим аффект. Длительный промежуток во времени между действиями потерпевшего и ответными действиями виновного исключает вменение привилегированного состава преступления;

- только для квалификации убийства в состоянии аффекта необходимым условием является наличие у виновного «физиологического аффекта», его внезапность и связь с действиями потерпевшего;

- для выяснения вопроса, находился ли виновный в состоянии аффекта и в течение какого времени, необходимо проведение судебной психолого-психиатрической экспертизы;

- при реализации нормы о необходимой обороне следует учитывать, что законодатель предусматривает в качестве основания освобождения лица от ответственности (по УК РФ – ее исключения) его эмоционально-психическое состояние, характеризующееся страхом или испугом, а также неадекватность его действий в результате замешательства, вызванного общественно опасным пося-

гательством, и эти обстоятельства связывает с обстоятельствами дела;

– при производстве по делам о причинении смерти либо вреда здоровью в состоянии необходимой обороны и решении вопроса о ее пределах следует тщательно выяснять цель, мотив, форму вины, способ совершения деяния и другие обстоятельства, имеющие значение для правильной уголовно-правовой оценки соответствующей ситуации.

Указанные положения могут быть отражены и в отечественных актах официального судебного толкования, что это будет способствовать формированию единообразной судебной практики, верной квалификации содеянного.

5. Статьи 129 УК Азербайджана, 114 УК Армении, 113 УК Таджикистана, предусматривающие умышленное причинение вреда здоровью в состоянии сильного душевного волнения, разделены на части для дифференциации ответственности за причинение вреда средней тяжести и причинение тяжкого вреда. Такой подход видится вполне логичным, в связи с чем может быть учтен при совершенствовании УК РФ.

2.2.2 Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в законодательстве стран дальнего зарубежья

Компаративистский анализ, проводимый в специальной литературе, сводится обычно к изучению и сравнению уголовного права Германии, Франции, Англии, США, Японии и Китая. Данный подход видится логичным и приемлемым в том числе и для изучения факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья, так как анализ уголовных законов названных стран позволяет выявить специфику регламентации ответственности за эти деяния в государствах, представляющих романо-германскую, англо-саксонскую и дальневосточную правовые семьи. Не нарушая традиций, сложившихся в рамках отечественной доктрины, такому подходу будем следовать и мы. Кроме того, причиной выбора для анализа законодательства указанных стран является то, что их уголовно-правовые системы послужили базой для

формирования уголовного права многих развитых и развивающихся государств.

В Особенной части действующего немецкого Уголовного кодекса (далее – УК ФРГ) содержатся нормы, предусматривающие преступления против жизни и здоровья, размещенные в разд. 16 (Наказуемые деяния против жизни) и 17 (Наказуемые деяния против телесной неприкосновенности)¹.

Книга вторая Уголовного кодекса Франции (далее – УК Франции)² посвящена преступлениям и проступкам против человека, куда и входят посягательства на жизнь и здоровье.

В законодательстве Англии преступления против жизни регламентированы Законом об убийстве 1957 г.³, Законом о детоубийстве 1938 г.⁴, а также Законом об убийстве 1965 г.⁵ Ответственность за преступления против физической неприкосновенности, не причинившие смерти, установлена Законом о преступлениях против личности 1861 г.⁶

Для оценки уголовного законодательства США можно ориентироваться на Примерный уголовный кодекс США 1962 г. (далее – Примерный УК США)⁷ и раздел 18 Свода законов США (далее – СЗ США)⁸, так как большинство УК штатов принимались на основе данных документов.

В Японии в Особенной части УК (далее – УК Японии)⁹ содержатся главы, положения которых регламентируют ответственность за преступления, состоя-

¹ Уголовный кодекс Германии (Strafgesetzbuch (StGB). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 05.08.2019 г.).

² Уголовный кодекс Франции (Code pénal). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719> (дата обращения: 05.08.2019 г.).

³ Закон об убийстве 1957 г. (Homicide Act 1957). URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/5-6/11/contents> (дата обращения: 05.08.2019 г.).

⁴ Закон о детоубийстве 1938 г. (Infanticide Act 1938). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/1-2/36/section/1> (дата обращения: 05.08.2019 г.).

⁵ Закон об убийстве 1965 г. (Murder (Abolition of Death Penalty) Act 1965) // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/71> (дата обращения: 05.08.2019 г.).

⁶ Закон о преступлениях против личности 1861 г. (Offences Against the Person Act 1861). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/24-25/100/contents> (дата обращения: 05.08.2019 г.).

⁷ Примерный уголовный кодекс США 1962. URL: https://archive.org/stream/ModelPenalCode_ALI/MPC%20full%20%28504%20pages%29_djvu.txt (дата обращения: 05.08.2019 г.).

⁸ Свод законов США. URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/uscode/> (дата обращения: 05.08.2019 г.).

⁹ Уголовный кодекс Японии (日本刑法典). URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%97%A5%E6%9C%AC%E5%88%91%E6%B3%95%E5%85%B8> (дата обращения: 05.08.2019 г.).

щие в убийстве (гл. 26); в причинении телесных повреждений (гл. 27); в причинении телесных повреждений по неосторожности (гл. 28); в совершении аборта (гл. 29); в оставлении на произвол судьбы (гл. 30).

Уголовный кодекс Китая (далее – УК Китая)¹ в Особенной части содержит гл. 4, посвящённую преступлениям против личности, включающую более 30 статей. Открывается глава серией норм, регламентирующих ответственность за посягательства на жизнь и здоровье человека². Первое заключается в умышленном убийстве (ст. 232). Статья 233 УК устанавливает ответственность за неумышленное действие, приведшее к смерти человека. К преступлениям, причинившим вред здоровью, относятся умышленное причинение травмы или серьёзной травмы (ст. 234) и неумышленное причинение серьёзной травмы (ст. 235)³.

Для удобства анализа и описания факультативных признаков субъективной стороны в преступлениях против жизни и здоровья в уголовном законодательстве стран дальнего зарубежья нами использовалась иерархия преступлений, предусмотренная отечественным УК, как и в предыдущем разделе работы.

Уголовная ответственность за убийство установлена во всех странах мира. Анализ уголовных законов названных государств позволяет сделать вывод, что все страны дальнего зарубежья дифференцируют убийство на простое, квалифицированное и привилегированное. В свете анализа факультативных признаков субъективной стороны в названных преступлениях интерес главным образом вызывают квалифицированные и привилегированные виды убийства.

Параграф 211 УК ФРГ закрепляет ответственность за убийство (Mord). Абзац 2 § 211 УК ФРГ устанавливает квалифицирующие признаки убийства, а именно: «убийцей является тот, кто под влиянием страстей убивает человека для удовлетворения половой потребности, из корысти или прочих низменных побуждений, коварно или жестко, или общеопасными средствами, для того что-

¹ Уголовный кодекс Китая (中华人民共和国刑法). URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000-12/17/content_5004680.htm (дата обращения: 05.08.2019 г.).

² Коробеев А.И., Чучаев А.И. Уголовный кодекс Китая: общая характеристика (к 20-летию со дня принятия) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87). С. 151–199.

³ См.: Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. СПб., 2013. С. 120.

бы сделать, допустить или сокрыть другое преступление». На основе анализа научных трудов немецких юристов можно сделать вывод, что признаки квалифицированного убийства в германской уголовно-правовой доктрине условно разделяются на две группы¹. Обстоятельства, образующие первую из них, характеризуют субъективную сторону преступления (психическое отношение субъекта преступления к совершаемому деянию, его «особо предосудительные» мотивы и цели), признаки второго вида являются по природе своей объективными и характеризуют способы и средства совершения преступления. Нас интересует первая группа обстоятельств. К ним § 211 УК ФРГ относит: садистские, корыстные, иные низменные побуждения; цель сокрытия другого преступления или облегчения его совершения.

Под убийством из садистских побуждений германская уголовно-правовая доктрина и судебная практика понимают такое лишение жизни другого человека, которое совершается с целью посмотреть, как умирает другой человек². Корыстные побуждения применительно к данному составу преступления трактуются традиционно: это стремление к получению материальной выгоды для виновного или третьих лиц или освобождению от материальных затрат. Затрагивая вопрос об иных низменных побуждениях, следует отметить, что германский законодатель в данном случае не устанавливает их закрытого перечня. Таким образом, это оценочная категория, конкретная наполняемость которой определяется судом по каждому делу индивидуально. Из представленной обобщенной судебной практики Федерального суда Германии (Bundesgerichtshof, BGH) следует, что убийство признается совершенным по низменным мотивам тогда, когда установлено явное неуважение к обществу и признанным всеми нормам морали, вследствие чего обесценивается человеческая жизнь. Такие эмоции, как

¹ См.: Aktueller Begriff. Mord und Totschlag – aktuelle Reformdebatte // Deutscher Bundestag Nr. 17/15 (20. Juli 2015). URL: <https://www.bundestag.de/> (дата обращения: 16.11.2020 г.); Der Mord gemäß § 211 StGB: Wann wird aus einem Totschläger ein Mörder? URL: <https://www.anwalt.org/mord/> (дата обращения: 16.11.2020 г.); Dr. Greco, Luis Ehrenmorde im deutschen Strafrecht. Zeitung für Internationale Strafrechtsdogmatik. Ausgabe 7-8/2014. URL: <https://www.zwangsheirat.de/informationen/materialien/186-fachliteratur> (дата обращения: 16.11.2020 г.); Der Mord gemäß § 211 StGB: Wann wird aus einem Totschläger ein Mörder? URL: <https://www.anwalt.org/mord/> (дата обращения: 16.11.2020 г.).

² Серебrenникова А.В. Виды убийств по Уголовному кодексу Федеративной Республики Германии // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 1. С. 47–49.

гнев, разочаровани, злость, тоже могут быть признаны низменными мотивами¹.

Представляется, что установление открытого перечня низменных мотивов, как это сделано в германском законодательстве, дает возможность для осуществления чересчур расширительного толкования, что может привести к правоприменительным ошибкам.

К квалифицированным видам убийства, выделяемым с учетом факультативных признаков субъективной стороны, в УК Франции отнесены: убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (абз. 1 ст. 221–1); убийство с целью подготовки или содействия совершению преступления, либо облегчения побега, либо обеспечения безнаказанности преступника или соучастника преступления (абз. 2 ст. 221–1). Других квалифицированных видов убийств названной группы УК Франции не закрепляет.

Статья 210.2 Примерного УК США регламентирует ответственность за тяжкое убийство. Так, в п. «а» данной нормы к таковому, в частности, отнесено убийство, совершенное с целью или заведомо. Указанная норма не регламентирует, какая именно цель является признаком состава преступления. Другие факультативные признаки субъективной стороны преступления при конструировании квалифицированного убийства в кодексе не учтены.

В Англии, Японии и Китае отсутствуют законодательные конструкции, связывающие квалифицирующие убийство обстоятельства с факультативными признаками субъективной стороны преступления.

Стоит указать, что в уголовных законах ряда стран дальнего зарубежья предусмотрены привилегированные виды убийства. Большинство из них относят к таковым убийство матерью новорожденного ребенка и убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Ответственность за детоубийство в Англии установлена Законом 1938 г., однако основные положения, касающиеся характеристики данного преступления, содержатся в Законе 1922 г., который был крайне суров, так как предусматривал за совершение подобного убийства наказание в виде пожизненного лише-

¹ BGH 1 StR 422/18 – Решение от 24 октября 2018 г. (LG Traunstein). URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/18/1-422-18.php>. (дата обращения: 12.09.2020 г.).

ния свободы, несмотря ни на какие обстоятельства его совершения¹. Согласно положениям Закона о детоубийстве 1938 г. женщина, убившая своего ребенка, не достигшего возраста 12 месяцев, освобождается от уголовной ответственности за тяжкое убийство, если во время совершения данного деяния ее душевное равновесие было расстроено, поскольку она еще не оправилась от последствий родов или кормления ребенка грудью, и находилась в состоянии стресса². В данном случае заслуживает внимания указание на стресс, так как он является компонентом эмоционального состояния, характеризующегося повышенным напряжением, вызванным неблагоприятными факторами.

В рамках темы исследования интерес вызывают подходы к регламентации преступлений, совершенных в состоянии аффекта. В § 213 УК ФРГ установлена ответственность за убийство в состоянии аффекта. Диспозиция нормы определяет, что если убийца (Totschläger) посредством осуществленного без его собственной вины против него или близкого ему лица жестокого обращения или тяжкого оскорбления со стороны убитого человека приведен в ярость и посредством этого сразу вовлечен в деяние, или если имеет место иной, менее тяжкий случай, то наказанием является лишение свободы на срок от 1 года до 10 лет.

В данном случае речь идет об убийстве, совершенном лицом в состоянии «оправданного» аффекта гнева, достигшего степени ярости («чрезвычайно сильного душевного волнения»), вызванного указанными в законе обстоятельствами³. По смыслу закона данное убийство совершается «на месте, где субъект преступления был спровоцирован», что косвенно свидетельствует о внезапности возникновения аффекта и непосредственной связи совершенного убийства с провокационным поведением потерпевшего, а также об убийстве в состоянии «оправданного» аффекта, то есть при внезапном умысле.

По мнению Е.О. Филипповой, закон не вполне обоснованно определяет лишь один вид аффекта (гнева-ярости), так как состояние «оправданного» аффекта может возникнуть и способствовать выбору преступного варианта пове-

¹ Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Указ. соч. С. 68.

² Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2010. С. 590.

³ См.: Чугунов А.А. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 36.

дения с другим эмоциональным знаком и переживанием (например, состояние ненависти, отчаяния, ужаса)¹. Мы солидарны с позицией автора, так как аффект или состояние сильного душевного волнения не могут быть ограничены только внезапно вспыхнувшим гневом.

Пункт «b» ст. 210.3 Примерного УК США устанавливает ответственность за человекоубийство, которое при иных обстоятельствах было бы тяжким убийством, но совершено под влиянием крайнего психического или эмоционального смятения, для которого есть разумное объяснение или извинение. Разумность такого объяснения или извинения определяется с точки зрения лица, поставившего себя на место деятеля при обстоятельствах, как он их себе представляет. Таким образом, законодательство США и судебная практика указывают, что в случае, если при рассмотрении дела будет доказано, что субъект преступления действовал под влиянием крайнего психического или эмоционального смятения, он может быть освобождён от уголовной ответственности в силу невменяемости либо привлечен к ответственности за непредумышленное убийство в связи с аффектом. Судебная практика исходит из постулата, что крайнее эмоциональное расстройство, которое является психическим недугом, не достигающим уровня безумия, состоит как из объективных, так и субъективных элементов². Объективный элемент складывается из наличия доказательств разумного объяснения или оправдания эмоционального расстройства, а субъективный – из достаточных доказательств, свидетельствующих о том, что поведение потерпевшего повлияло на возникновение у субъекта крайнего эмоционального расстройства в то время, когда предполагаемое преступление было совершено³.

Проиллюстрируем сказанное примером из судебной практики – материалом Апелляционного суда Нью-Йорка по делу «The People &c., Respondent,

¹ См.: Филиппова Е.О. Особенности уголовной ответственности за убийство в состоянии аффекта в законодательстве России и зарубежных стран // Вопросы российского и международного права. 2015. № 10. С. 106–122.

² People v. Ross, 34 AD 3d 1124 – NY: Appellate Div., 3rd Dept. 2006. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=10874442328261362211&q (дата обращения: 14.09.2020 г.).

³ People v. White, 79 NY 2d 900 – NY: Court of Appeals 1992. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=16456277744805983664&q (дата обращения: 14.09.2020 г.).

v. Lydell Harris, Appellant»¹. Подсудимый был осужден судом присяжных за убийство второй степени. Суд первой инстанции отклонил ходатайство ответчика о квалификации преступления, совершенного в крайнем эмоциональном расстройстве, на том основании, что доказательств было недостаточно. В жалобе на судебный акт указываются следующие выдержки: «Высшие судебные инстанции признали, что некоторые умышленные убийства могут быть результатом «человеческой реакции, заслуживающей милосердия» (People v Casassa, 49 NY2d 668, 680-681²; Cert denied 449 US 842). Таким образом, тот факт, что «убийство было совершено под влиянием крайнего эмоционального расстройства, представляет собой смягчающее обстоятельство, сводящее убийство к непредумышленному в первой степени».

Согласно ст. 1112 разд. 18 СЗ США незаконное умерщвление человека, признаваемое осуществленным без злого умысла, может быть произвольным (при внезапной ссоре или в состоянии аффекта) или вынужденным (к примеру, в силу отсутствия должной осторожности и осмотрительности виновного в ходе законного поведения, повлекшего смерть). Данный вид преступления (неумышленное убийство) в законе подразделен на совершенное: а) добровольно – в случае внезапной ссоры или накала страсти; б) недобровольно – при осуществлении противоправного действия, не квалифицируемого как преступление, или законного действия, которое может привести к смерти, незаконным образом или без должной осторожности и осмотрительности. Этот подраздел не распространяется на действия, совершенные при управлении транспортным средством.

Как указывают специалисты в области уголовного права США, добровольное непредумышленное убийство обычно определяется как умышленное убийство, при котором преступник не имел предварительного намерения убить (например, убийство, совершенное в «пылу страсти»). Обстоятельства, приведшие к убийству, должны быть такими, которые могут вызвать эмоциональное или психическое расстройство у человека; в противном случае может быть

¹ The People &c., Respondent, v. Lydell Harris, Appellant. 2000 NY Int. 122. URL: https://www.law.cornell.edu/nyctap/I00_0122.htm (дата обращения: 14.09.2020 г.).

² People v. Casassa, 49 NY 2d 668 – NY: Court of Appeals 1980. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=964669902184471272&q (дата обращения: 14.09.2020 г.).

предъявлено обвинение в убийстве первой или второй степени. Точное значение «накала страсти» варьируется в зависимости от ситуации, но этот термин, как правило, относится к непреодолимой эмоции, которую обычно разумный человек испытывает при тех же фактах и обстоятельствах¹.

С учетом сказанного можно заключить, что законодатель США не раскрывает состояние аффекта, указывая, что в случае доказанности того, что субъект совершил преступное деяние под влиянием крайнего эмоционального расстройства или в силу непреодолимых эмоций, но при этом не достиг уровня безумия (невменяемости), его действия надлежит квалифицировать как неумышленное убийство. Таким образом, при конструировании рассматриваемого состава убийства учитываются в первую очередь эмоции.

В Англии, где правовая система остается некодифицированной и прецедентное право по-прежнему выступают важными регуляторами общественных отношений, в структуре противоправных посягательств на жизнь другого человека не выделяются «привилегированные» убийства. Вместе с тем стоит отметить, что согласно Закону об убийстве 1957 г. к «простым умышленным убийствам», совершенным при смягчающих обстоятельствах, относят случаи убийства, когда «обвиняемый был спровоцирован на убийство, или нанесенные ему оскорбления были рассчитаны на то, чтобы лишить «разумного человека» способности контролировать свои действия»².

Итак, английский законодатель указывает на необходимость выяснения эмоционального состояния преступника, свидетельствующего о невозможности полностью контролировать себя в связи с провокацией потерпевшего или нанесением ему оскорбления.

Умышленное лишение жизни другого человека, совершенное в состоянии аффекта при отсутствии отягчающих обстоятельств, признается обычным («простым») убийством, предусмотренным ст. 221-1 УК Франции³.

¹ Voluntary Manslaughter Overview. URL: <https://criminal.findlaw.com/criminal-charges/voluntary-manslaughter-overview.html> (дата обращения: 14.09.2020 г.).

² Бабичев А.Г. Уголовное законодательство об ответственности за убийство в состоянии «оправданного» аффекта: системная характеристика и критический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 93.

³ Там же. С. 94.

Не предусмотрено убийство в состоянии аффекта в УК Японии и Китая, что свидетельствует об отсутствии системной дифференциации ответственности и сопутствующей ей надлежащей реализации принципа справедливости наказания с учетом определенных смягчающих обстоятельств.

Законы ряда стран устанавливают ответственность за виды убийств, не известные отечественному законодательству. Например, §216 УК ФРГ определяет, что если кто-то по настойчивой или серьезной просьбе потерпевшего лишил его жизни, то он подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до пяти лет. Это положение не применяется, если потерпевший высказал просьбу под воздействием принуждения, обмана, заблуждения либо иных подобных обстоятельств¹.

В рамках темы исследования вызывает интерес использование факультативных признаков субъективной стороны при формулировании составов преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью. Следует отметить, что в этой части уголовное законодательство рассматриваемых государств значительно отличается от отечественного.

В ФРГ нормативные положения, регламентирующие ответственность за преступления против здоровья, находятся в разделе 17 УК. Так, названный кодекс различает следующие виды телесных повреждений, наносимых умышленно: телесное повреждение (§223); опасное телесное повреждение (§224); истязание опекаемых лиц (§225); тяжкое телесное повреждение (§226); телесное повреждение со смертельным исходом (§227); телесные повреждения, наносимые с согласия потерпевшего (§228); причинение вреда в драке (§231). При этом факультативные признаки субъективной стороны в качестве признаков преступлений против здоровья не предусмотрены.

Законодатель Франции расположил нормы о преступлениях против здоровья в первой части книги второго раздела II главы II отдела I (далее – отдел I УК). Отдел I УК состоит из трех параграфов: первый включает в себя статьи, устанавливающие ответственность за пытки или акты жестокости; второй – за

¹ Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия = Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2015. С. 57.

насильственные действия; в третьем расположены две статьи, предусматривающие угрозу совершить преступление или проступок против личности. Статьи, закрепляющие ответственность за преступления против здоровья, указывают только на один квалифицирующий признак субъективного свойства. Так, п. 5 ст. 222–3 УК (применение к лицу пыток или актов жестокости); п. 5 ст. 222–10 УК (насильственные действия, повлекшие смерть без намерения ее причинить); п. 5 ст. 222–12 УК (насильственные действия, повлекшие полную утрату трудоспособности на срок свыше восьми дней); п. 5 ст. 222–13 УК (насильственные действия, повлекшие утрату трудоспособности на срок ниже или равный 8 дням, либо не повлекшие утраты трудоспособности) содержат такой квалифицирующий признак, как совершение деяния «в отношении свидетеля, потерпевшего или гражданского истца *с целью воспрепятствовать сообщению фактов, подаче жалобы или даче показаний в суде* (курсив мой – И.У.), либо в связи с сообщенными им фактами, поданной жалобой или показаниями, данными в суде».

Таким образом, анализ уголовного законодательства стран дальнего зарубежья, относящихся к романо-германской правовой семье, показывает, что нормы, устанавливающие ответственность за причинение вреда здоровью, не содержат указания на факультативные признаки субъективной стороны преступлений. Только УК Франции выделяет один квалифицирующий признак, связанный с целью преступления.

В Англии большинство преступлений против здоровья – это побои и нападение, в результате – множество деяний от малозначительных до серьезных и опасных преступлений. Наиболее распространенными преступлениями являются assault (нападение, угроза физическим насилием)¹ и battery (насилие, побои)². Под «assault» понимается случай, когда виновный путем открытого действия угрожал или пытался коснуться тела потерпевшего без согласия последнего таким образом, что последний имел разумные основания считать, что он способен исполнить свое намерение³. Из понятия «assault» вытекает термин «batter», под которым подразумевается «assault», в котором применение силы действительно

¹ См.: Пивовар А.Г., Осипов В.И. Англо-русский юридический словарь. М., 2003. С. 67.

² См.: Там же. С. 91.

³ См.: Джекенс Э. Свод английского гражданского права. М., 1941. С. 928.

имело место¹. В английском праве устанавливается ответственность не только за нападение и нанесение побоев, но и за квалифицированные их виды, сконструированные с учетом факультативных признаков субъективной стороны: нападение с целью совершить ограбление; нанесение побоев с целью воспрепятствовать законному аресту; нападение на национальной и расовой почве.

В Законе Британии 1998 г. о преступлении при беспорядках² усилена ответственность за все виды посягательств, которые совершаются на расовой почве. На основании этого закона преступлением на расовой почве признается ситуация, если во время совершения преступления или непосредственно перед ним или после него преступник демонстрировал потерпевшему свою враждебность, основанную на том, что он принадлежит к определенной расовой группе, или же если преступление было мотивировано враждебным отношением ко всем членам расовой группы. Таким образом, речь идет об экстремистском мотиве совершения преступлений. При этом расовую группу понимают как группу лиц, которую можно определить по цвету кожи, национальности, национальной принадлежности, расе. Термин «религиозная группа» означает группу лиц, определенную со ссылкой на религиозные убеждения. Таким образом, указанные термины имеют широкое содержание.

В уголовном законодательстве США основное место занимают преступления, направленные против здоровья, – это нападение и побои. Вместе с тем стоит заметить, что в Примерном уголовном кодексе США и СЗ США отсутствует указание на факультативные признаки субъективной стороны при регламентации ответственности за преступления против здоровья.

Анализ англо-саксонского права свидетельствует о недостаточном, с нашей точки зрения, внимании к дифференциации ответственности за указанные преступления в зависимости от эмоций, мотивов и целей.

В уголовном законодательстве Китая установлена ответственность за такие посягательства на здоровье, как «причинение вреда здоровью», «тяжкое те-

¹ См.: Галюкова М.И. Современное зарубежное уголовное законодательство об ответственности за причинение вреда здоровью человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 28 (128). С. 29–37.

² Закон о преступности и беспорядках 1998 года (Crime and Disorder Act 1998). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents> (дата обращения: 21.08.2019 г.).

лесное повреждение» и «тяжкое увечье» (ст. ст. 234, 235 УК КНР). В Общей части кодекса раскрывается понятие тяжкого телесного повреждения. Под ним в ст. 95 УК понимается: нанесение увечий, лишение человека конечностей или обезображивание лица; потеря слуха, зрения либо утрата другими органами их функций; иной серьезный вред здоровью¹.

Законодатель Китая не выделяет какие-либо квалифицирующие умышленные преступления против здоровья признаки, которые были бы связаны с факультативными признаками субъективной стороны.

УК Японии содержит гл. 27, нормы которой регламентируют ответственность за преступления, состоящие в причинении телесных повреждений. Она включает 6 статей, из которых только две закрепляют ответственность за умышленное причинение вреда здоровью – ст. 204 (нанесение телесных повреждений) и 208 (насилие). При этом здесь, как и в УК Китая, не содержатся нормы с указанием на эмоции, мотивы и цели, влияющие на ответственность за умышленное причинение вреда здоровью.

Анализ уголовного законодательства Франции, Англии, США, Германии, Японии и Китая показывает, что здесь не учитываются факультативные признаки субъективной стороны преступления при установлении ответственности за умышленное причинение вреда здоровью (за очень редким исключением).

Интерес вызывает регламентация ответственности за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, так как этот состав предполагает цель преступного деяния. Данное деяние в законодательстве стран дальнего зарубежья не входит в группу преступлений против жизни и здоровья, в отличие от отечественного УК. Кроме того, не во всех государствах предусмотрена уголовная ответственность за незаконные действия в сфере трансплантологии. Так, соответствующей нормы нет в УК Китая и Японии².

Параграф 18 («Торговля органами») Закона ФРГ от 05.11.1997 г. «О донорстве, заборе и пересадке органов и тканей» устанавливает уголовную ответственность за любые действия, связанные с торговлей органами человека. Пункт

¹ Коробеев А.И., Чучаев А.И. Указ. соч. С. 151–199.

² См.: Фабрика Т.А. Проблемы уголовной ответственности за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 86.

1 §18 данного закона закрепляет, что любой, кто вопреки воле другого торгует органом или тканью человека, а также удаляет или передает органы или ткани человека, будет наказан тюремным заключением на срок до 5 лет или штрафом¹. Итак, здесь установлена уголовная ответственность, в том числе, за удаление органов или тканей потерпевшего. Пункт 2 § 18 содержит указание на коммерческую цель названного деяния, т.е. закон учел факультативные признаки субъективной стороны использования органов или тканей потерпевшего.

УК Франции содержит главу «О преступных деяниях в области биомедицинской этики», включающую следующие отделы: «О защите человеческого вида», «О защите человеческого организма», «О защите человеческого эмбриона»². Она содержится в книге V «Прочие преступления и проступки» в разделе I «Правонарушения в области общественного здравоохранения». Следует заметить, что ответственность за преступления, связанные с незаконным использованием органов или тканей потерпевшего, более детально регламентирована во Франции по сравнению с другими изученными уголовными кодексами. С использованием факультативных признаков субъективной стороны в УК Франции сформулированы следующие преступления: распространение или передача органов, тканей, клеточных продуктов для терапевтических целей или продуктов для человека с целью донорства без соблюдения правил безопасности для здоровья (ст. 511–8); деяние, совершенное с целью терапевтического использования, выразившееся в подготовке, консервации или преобразовании тканей или клеток, которые не предназначены для клеточной или генной терапии (ст. 511–8–1); сбор или удаление гамет у живого человека с целью искусственного оплодотворения (ст. 511–11). Необходимо отметить, что названные нормы являются бланкетными, они отсылают к Кодексу законов о здравоохранении. Кроме того, в указанных статьях УК Франции цель предусмотрена в качестве конструктивного признака соответствующих посягательств.

¹ Закон о трансплантации 1997 г. (Gesetz über die Spende, Entnahme und Übertragung von Organen und Geweben (Transplantationsgesetz — TPG) von 05.11.1997. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/> (дата обращения: 21.08.2019 г.).

² Крылова Н.Е. Уголовно-правовая защита прав человека от общественно опасных нарушений биоэтики // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности. М., 2003. С. 288–291.

Проведенный анализ регламентации принуждения к изъятию органов или тканей показывает, что в странах дальнего зарубежья данное деяние не входит в систему преступлений против жизни и здоровья. Помимо этого, в содержание составов соответствующих посягательств, за исключением Франции, не входит цель – использование органов или тканей потерпевшего.

Незаконному проведению искусственного прерывания беременности отведено отдельное место в законодательствах стран дальнего зарубежья. Они предусматривают следующие разновидности преступления: предоставление/сбыт медикаментов для прерывания беременности (УК Франции, ФРГ); агитация за прерывание беременности (УК ФРГ); самостоятельное производства себе аборта (УК Японии) и т.д. Полагаем, что такое разнообразие деяний обусловлено различными подходами к структурированию уголовных законов и различиями в законодательстве о защите репродуктивных прав¹.

Следует указать, что в рамках темы исследования вызывает интерес ст. 219а УК ФРГ, устанавливающая ответственность за агитацию абортотворения. В ней указано, что лицо, которое публично, на собрании или путем распространения письменных материалов ради своей имущественной выгоды или в грубой предосудительной форме предлагает, навязывает, рекламирует средства для осуществления или содействия прерыванию беременности, наказывается лишением свободы на срок до 2 лет или штрафом². В данной норме осуществлено опосредованное указание на мотив – ради имущественной выгоды, что означает наличие корыстных побуждений у преступника.

Подводя итог анализу соответствующего законодательного опыта стран дальнего зарубежья, можно сделать следующее *выводы*:

1. Проведенный анализ позволяет заключить, что законодатели ранее указанных государств не придают большого значения факультативным признакам субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья. Вместе с тем все они указывают на принципы дифференциа-

¹ См.: Дядюн К.В. Особенности конструирования санкции статьи о незаконном производстве аборта: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации, КНР и Японии // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 33. С. 88–92.

² См.: Авраменко Е.А. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности: сравнительно-правовой анализ // Постулат. 2017. № 11 (25). С. 46.

ции ответственности и индивидуализации наказания.

2. Все страны дальнего зарубежья при регламентации убийства предусматривают его виды: «простое», квалифицированное и привилегированное. Выделение двух последних разновидностей убийства в законодательстве указанных государств происходит, в том числе, с учетом факультативных признаков субъективной стороны. Например, для удовлетворения половой потребности, из корысти или прочих низменных побуждений, сделать или сокрыть другое преступление (УК ФРГ); с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, с целью подготовки или содействия совершению преступления, либо облегчения побега, либо обеспечения безнаказанности преступника или соучастника преступления (УК Франции).

Интерес вызывает регламентация ответственности за детоубийство в законодательстве Англии, где установлено: если будет доказано, что женщина находилась в стрессовом состоянии, наказание может быть снижено, либо она может быть вовсе освобождена от уголовной ответственности.

Стоит обратить внимание на регламентацию убийства в состоянии аффекта в США. В п. «b» ст. 210.3 Примерного УК США аффект рассматривается как эмоциональное расстройство, непреодолимая эмоция. Если будет доказано, что субъект преступления совершил убийство в состоянии эмоционального расстройства, но при этом не достиг уровня безумия (невменяемости), его действия квалифицируются как неумышленное убийство.

3. Законодательству стран дальнего зарубежья известны преступления, которые отсутствуют в отечественном уголовном праве. Так, §216 УК ФРГ устанавливает ответственность за убийство из сострадания по настойчивой или серьезной просьбе потерпевшего. В английском праве устанавливается ответственность не только за нападение и нанесение побоев, но и за квалифицированные их виды, сконструированные с учетом факультативных признаков субъективной стороны преступления: нападение с целью совершить ограбление; нанесение побоев с целью воспрепятствовать законному аресту; нападение на национальную и расовой почве.

Вызывает интерес ст. 219а УК ФРГ, устанавливающая ответственность за

агитацию аборт. В ней содержится опосредованное указание на мотив – ради имущественной выгоды, что означает наличие корыстного мотива.

4. Изучение регламентации изъятия органов или тканей человека для трансплантации показало, что в законодательстве ФРГ предусмотрен квалифицирующий признак за подобное деяние. Пункт 2 §18 «Торговля органами» Закона ФРГ «О донорстве, заборе и пересадке органов и тканей» от 05.11.1997 г. устанавливает уголовную ответственность за квалифицированный вид торговли органом или тканью человека – осуществление ее в коммерческих целях.

3 Законодательные подходы к использованию факультативных признаков субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья

3.1 Признак «мотив» в составах преступлений против жизни и здоровья

Верная квалификация преступного деяния, назначение справедливого наказания невозможны без изучения и установления всех обстоятельств субъективной стороны преступления. Мотив преступления, как и другие признаки субъективной стороны состава, важен для дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Понимание природы мотива преступления – одна из более актуальных и далеко не решенных проблем в области правовой науки и юридической практики¹. Это утверждение справедливо и в отношении преступлений против жизни и здоровья, так как большинство их составов в качестве квалифицирующего признака содержат мотив.

Значимость мотива обусловлена потребностями правоприменителя и ученых в комплексном, междисциплинарном подходе к изучению причин преступления, многообразием факторов преступного поведения, влияющих на квалификацию содеянного и назначение наказания.

Сказанное подтверждается законодателем и правоприменителем. Так, согласно ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию, в том числе, мотивы преступления. Учитываются они при назначении уголовного наказания, что подчеркнуто в ст. 61, 63, 64 УК РФ. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ также указывается, что суд должен учитывать мотивы преступления (например, абз. 2 п. 1 ППВС № 1).

Мотив может выступать в качестве обязательного (конструктивного) и квалифицирующего признака преступления, в качестве обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание, а также он учитывается судом при выборе

¹ См. также: Думанская Е.И. Мотив преступления как итог мотивационного процесса: его значение при квалификации убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11.

последнего при его назначении за совершенное преступное деяние. Примером смягчающего наказание может служить обстоятельство, указанное в п. «д» ст. 61, а в качестве отягчающего – в п. «е» ст. 63 УК РФ.

В уголовно-правовой науке существует множество точек зрения относительно содержания понятия «мотив». Еще в конце XIX в. российский криминалист М.П. Чубинский определял мотив преступления как «внутреннюю силу, которая, порождая волевой прогресс, движет индивидом в его сознательной деятельности и приводит при содействии всей его психики к результатам, проявляющимся вовне»¹.

В специальной литературе мотив трактуется как обусловленное определёнными потребностями и интересами побуждение, вызывающее у лица решимость совершить преступление и проявляющееся в нём². В уголовно-правовой науке мотив также понимается как побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении деяния, как внутренняя движущая сила преступления. Она обуславливается потребностями, превращающими соответствующие объекты в интересы, которые вызывают у лица решимость совершить преступление³.

Большинство современных ученых придерживаются мнения, что мотивом преступления выступают внутренние побуждения, интересы, потребности, вызывающие у лица решимость совершить преступление. Мотив – это категория, прежде всего, психологическая, а потом только юридическая⁴. На это указывает и А.П. Музюкин, который пишет, что мотив преступления представляет собой психолого-правовую категорию, имеющую юридическое значение для всех преступлений. Мотив включает в себя интересы, чувства, стремления, побуждающие человека к совершению преступления⁵. Психологический аспект мотива

¹ Чубинский М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве. Ярославль, 1900. С. 25.

² См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. II. Субъективная сторона преступления / под. ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 165.

³ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благоев и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017. С. 199.

⁴ Стрекалов А.Е. Значение мотива преступления в современной уголовной доктрине // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2015. № 32. С. 221–228.

⁵ Круть О.В. Мотивация, мотив и цель преступления: соотношение понятий // Вестник Института экономических исследований. 2017. № 3 (7). С. 177.

преступления характеризует содержание вины; юридический – наполняет субъективную сторону состава преступления, имеет составообразующее значение и влияет на назначение наказания¹.

С учетом сказанного можно заключить, что выявление мотива преступления необходимо для полной и верной квалификации преступления, выяснения всех обстоятельств содеянного и назначения справедливого наказания.

Затрагивая процесс формирования мотива у преступника, необходимо отметить, что он проходит несколько этапов, а именно: ощущение потребности; превращение ее в побуждение к действию. Мотивационное поведение становится мотивом преступления лишь тогда, когда мотив охватывает все существенные свойства последнего, что возможно лишь в умышленных деяниях.

Уголовное право классифицирует мотивы, с точки зрения их морально-правовой оценки, на низменные и не имеющие низменного содержания. Низменные мотивы закреплены в диспозициях статей УК РФ, а мотивы, лишенные низменного содержания, могут выступать в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства (например, мотив сострадания (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ)). Существуют мотивы, не влияющие на уголовную ответственность (например, ревность, месть, личная неприязнь). Вместе с тем следует указать, что нередко установление мотивов, лишенных низменного содержания, помогает разграничивать смежные составы преступлений, а иногда способствует выбору соответствующего справедливого наказания.

Заметим, что в действующем УК РФ отсутствует единообразие при конструировании в диспозициях норм Особенной части мотива, что касается и преступлений против жизни и здоровья. В ряде норм, закрепляющих ответственность за эти деяния, законодатель использует термин «мотив» во множественном числе, в других же, наоборот, в единственном. Например, п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ указывает на мотив в единственном числе, а п. «з», «и» «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ – во множественном. Данный подход законодателя противоречит требованиям юридической техники и нарушает единообразие в использовании морфологических признаков существительного. Язык закона должен адекватно пе-

¹ Музюкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение. М., 2015. С. 161.

редать содержание правовых норм и отражать волю законодателя¹. Словам и выражениям закона следует придавать смысл, в котором они употреблены в момент его издания; значение сложных выражений следует устанавливать в соответствии с синтаксическими правилами языка, на котором сформулирована интерпретируемая норма². Соответственно, если законодатель указывает на множественное число, значит в преступном деянии должно содержаться как минимум два мотива, а не один. С учетом этого предлагается указание на мотив в нормах УК РФ сформулировать единообразно. Такие коррективы будут способствовать верной квалификации, так как суду необходимо не только сослаться на уголовно-правовую норму, но и конкретизировать мотив содеянного.

Кроме того, в УК РФ отсутствует единообразие в употреблении соответствующей терминологии. Например, в п. «з» и «и» ч. 2 ст. 105; п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 113, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ используется термин «побуждение», а в п. п. «е¹» и «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ – категория «мотив».

Вместе с тем полагаем, что «побуждение» и «мотив» не являются тождественными понятиями. Мотивом выступают внутренние побуждения, интересы, потребности, вызывающие у лица решимость совершить преступление. Мотивы в современной психологии понимаются только в связи с деятельностью; мотивы – то внутреннее, что инициирует и динамизирует деятельность. Мотив – это функциональный термин, призванный объяснить причину направленности деятельности, применимый только в рамках поведения личности³.

Вопрос возникновения и развития мотивов важен для понимания сущности человеческой деятельности, а для уголовного права его выявление необходимо для правильной квалификации преступления и для решения вопросов, связанных с назначением справедливого наказания.

В теории деятельности определен механизм образования мотивов, получивший название «механизма сдвига мотива на цель». Его суть состоит в том,

¹ Иванчин А.В. Еще раз к вопросу о понятии законодательной техники (на примере уголовного права) // Юридическая гносеология. 2016. № 2. С. 69-78.

² См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2007. С. 348.

³ См.: Горчакова Е.Б. Взаимосвязь мотива и деятельности // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2003. № 135. С. 178.

что цель, ранее побуждаемая к ее осуществлению каким-то мотивом, со временем приобретает самостоятельную побудительную силу, то есть сама становится мотивом, но превращение цели в мотив может произойти только если накапливаются эмоции.

Анализируя процесс возникновения мотива, А.Л. Файзуллаев указывает, что его формирование проходит ряд этапов, каждый из которых характеризуется растущей его интегрированностью со сложившейся мотивационно-смысловой системой личности. Он выделяет следующие этапы этого процесса: 1) возникновение побуждения; 2) его осознание; 3) принятие личностью осознанного побуждения в качестве мотива, т.е. принятие мотива личностью¹. С принятием осознанного побуждения в качестве мотива завершается формирование последнего в сознании человека и начинается его реализация во внешнем или внутреннем действии.

По мнению А.А. Файзуллаева, чтобы какое-либо побуждение стало мотивом личности, человек должен осознать, «осмыслить» это побуждение.

Таким образом, побуждение выступает в качестве компонента мотива и не может выступать его синонимом. Под побуждением понимается стремление индивида к осуществлению действий, при этом оно может исходить от самого субъекта либо проистекать извне.

Данный вывод подтвержден и результатами анкетирования экспертов: 74 % опрошенных согласны с тем, что термины «мотив» и «побуждение» не синонимичны².

На основании изложенного можно заключить, что для точного понимания и применения норм уголовного права термин «побуждение» необходимо заменить на «мотив». Это устранил нарушение юридической техники и будет способствовать правильной интерпретации уголовно-правовой нормы.

Пункт «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ закрепляет ответственность за убийство по мотиву кровной мести. Преступления, совершаемые по мотиву кровной мести, имеют давнюю историю. Первоначально, на ранних этапах зарождения госу-

¹ Файзуллаев А.А. Принятие мотива личностью. // Психологический журнал. 1985. Т. 6, № 4. С. 87–96.

² См.: Приложения.

дарств, указание на кровную месть содержалось в религиозных предписаниях. Как правовой обычай она упоминается в Законах Хаммурапи, но с оговоркой, что допускается для людей одинакового общественного статуса¹. Обычай кровной мести был известен и в Древней Руси. Так, например, ст. 1 пространной редакции Русской правды признавала право кровной мести за убийство². По закону оно возлагалось исключительно на мужчин³. В дальнейшем убийство по мотиву кровной мести стало предусматриваться в памятниках отечественного законодательства с изменением своей конструкции.

Под кровной местью следует понимать обычай, сложившийся при родо-вом строе как средство защиты жизни, чести, достоинства и имущества рода, который состоял в обязанности родственников убитого или оскорбленного отомстить убийце либо лицу, оскорбившему их родственника, в случае совершения убийства или нанесения другой тяжкой обиды⁴. Необходимо подчеркнуть, что основанием для совершения преступления по мотиву кровной мести является не любая обида, а только такая, которая признается тяжким оскорблением в соответствии с местными обычаями⁵.

Верховный Суд РФ поясняет, что по смыслу закона убийство по мотиву кровной мести имеет место, когда виновное лицо, разделяющее и признающее этот обычай, лишает жизни потерпевшего, стремясь соблюсти его. Следовательно, мотив кровной мести формируется не только местью как таковой – «чувство возмездия», но и стремлением следовать обычаю⁶.

Н.В. Бутырева приводит примеры оснований возникновения кровной мести. Это такие, как причинение смерти, нанесение ран, изнасилование, похище-

¹ Яворский М.А., Логинова Э.С. К вопросу о кровной мести: история и современность // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2018. С. 329–333.

² Русская Правда. Пространная редакция. URL: <http://doc.histrf.ru/10–16/russkaya-pravda-prostrannaya-redaksiya/> (дата обращения: 13.02.2020 г.).

³ Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2003. С. 333–335.

⁴ Рудяк В.В. Уголовная ответственность за убийство, совершенное по мотиву кровной мести: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 154.

⁵ Бутырева Н.В. Психологические аспекты убийства по мотиву кровной мести // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 84–92.

⁶ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2007 г. № 299–П07 // ИПС «ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/1784694/> (дата обращения: 12.02.2020 г.).

ние девушки¹.

Затрагивая вопрос зарождения мотивационной составляющей совершения названного вида преступления, следует указать, что обычай как норма поведения способен оказать влияние только на выбор конкретного способа поведения из возможных, а мотив образуется на фоне негативных чувств к обидчику. Таким образом, обычай выступает формой реализации уже сформированных под воздействием негативных чувств к обидчику намерений².

Н.В. Кузьмина придерживается противоположной точки зрения, полагая, что такое намерение может отсутствовать вовсе, а само совершение преступления должно вытекать из обязанностей «примирения кровников»³. В ряде родовых строев такая обязанность может быть возложена по указанию «старших»⁴.

Считаем, что у субъекта преступления, предусмотренного п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ, формируется осознанное побуждение как по объективным, так и по субъективным причинам, но выбор действий остается за ним.

Специалисты в области уголовного права сходятся во мнении, что для квалификации названного вида преступлений следует установить не только то обстоятельство, что виновный является представителем народа, признающего обычай кровной мести, но и что он сам признавал этот обычай и руководствовался им⁵. Таким образом, для квалификации убийства по п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо доказать, что оно совершено по мотиву кровной мести, а не в связи с кровной местью⁶. Можно согласиться с данной позицией, поскольку именно мотив является определяющим для уголовно-правовой оценки содеянного в рассматриваемой ситуации.

¹ Бутырева Н.В. Психологические аспекты убийства по мотиву кровной мести // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 84–92.

² Улитин И.Н. Дискуссионные вопросы квалификации убийства по мотиву кровной мести // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы: сборник научных статей по материалам V Международного научно-практического форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 20 марта 2020 г.). Саратов, 2020. С. 231–233.

³ Кузьмина Н.В. Этническая преступность как предмет криминологического и уголовно-правового изучения: вопросы становления теории // Российский следователь. 2010. № 5. С. 25–29.

⁴ Албогачиева М. Из истории борьбы с кровной местью в Ингушетии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 3–22.

⁵ См., напр.: Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 271.

⁶ См.: Даурбеков А.А., Ужахов А.С. Дискуссионные вопросы понятия и квалификации убийств по мотиву кровной мести // Российский следователь. 2013. № 15. С. 20–23.

В правоприменительной деятельности необходимо разграничивать месть и кровную месть. Мечь в буквальном смысле слова – это «действие в оплату за причиненное зло, возмездие за что-нибудь»¹. По общему правилу совершение убийства из чувства мести на почве межличностных отношений охватывается составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. На это указывает и п. 4 ППВС № 1. При квалификации убийства по мотиву кровной мести основанием возникновения мести является обычай, а при совершении убийства из мести основанием выступает личная месть².

Для верного применения п. «е»¹ ч. 2 ст. 105 УК РФ суду следует установить, что субъект деяния руководствовался обычаями кровной мести, а не просто признает их или относится к соответствующей группе населения.

Рассматриваемый вид преступления ранее предусматривался в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, содержащем указание и на другие разновидности низменных мотивов убийства. Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ он выделен в самостоятельный³. По мнению ряда специалистов, эти изменения следует оценивать положительно, так как мотивы, названные в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и мотив кровной мести не имеют общей связи между собой⁴. Мы солидарны с данной позицией, поскольку мотивы, содержащиеся в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по своему содержанию отличаются от мотива кровной мести и сущностно (внутренне) с ним не связаны.

Дефицит судебной практики по делам о названном преступлении не может служить основанием для оставления его без внимания. При её изучении установлено, что в преобладающем большинстве дел проигнорирована мотивационная составляющая, что впоследствии привело к переквалификации пре-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1999. С. 308.

² См.: Краев Д.Ю. Отграничение убийства по мотиву кровной мести от иных преступлений // Уголовная политика и правоприменительная практика: материалы V Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 03 ноября 2017 г.) / отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб., 2018. С. 202–210.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ (ред. от 22.02.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4008; СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52146/.

⁴ Буторов Д.И. К вопросу о квалификации убийств, совершенных по мотиву кровной мести // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2017. № 2 (8). С. 48–52.

ступления.

Например, приговором Шалинского городского суда Чеченской Республики от 19 ноября 2019 г. по делу № 1–200/2019 М. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Судом установлено, что убийство потерпевшего произошло при следующих обстоятельствах. После совершения убийства родственников М. между семьей осужденного и семьей потерпевших состоялся процесс примирения. По результатам данного процесса, согласно обычаям и нормам чеченского менталитета, близкие родственники второй семьи должны были покинуть постоянное место жительства, переехать в другой населенный пункт и не показываться представителям семьи М. Однако после примирения М., двигаясь по улице, заметил идущего рядом родственника второй стороны, который, не выполняя условия договоренности, свободно передвигался по селу. В этой связи у М. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений возник преступный умысел на причинение ему смерти. В процессе совершения преступления М. нанес потерпевшему двадцать одно ножевое ранение по различным частям тела. При рассмотрении уголовного дела он показания давать отказался, вину признал полностью. Допрошенные в судебном заседании свидетели – родственники потерпевшего указали на то, что убийство было совершено по мотиву кровной мести в силу того, что потерпевший проигнорировал обычаи и нормы чеченского менталитета, что и привело к преступлению. Таким образом, можно заключить, что М. является представителем народа, признающего обычай кровной мести, сам его принимал и руководствовался им при совершении преступного деяния.

Однако суд указал, что хоть в судебном заседании и проверялись доводы о том, что убийство совершено на почве кровной мести, они не нашли подтверждения. В частности, из показаний одного из свидетелей следует, что кровная месть была объявлена только непосредственному виновнику смерти родственников М. Остальные члены второй семьи должны были покинуть село. Из показаний самого подсудимого также следует, что намерения убить потерпевшего у него не было. Кроме того, суд приходит к выводу о том, что убийство потерпевшего не связано с кровной местью и потому, что с момента убийства род-

ственников М. прошло более двух лет. Умысел на убийство возник у М. внезапно, нож у него в руках находился в связи с тем, что он направлялся к сестре на жертвоприношение¹.

Представляется, что доводы суда в части опровержения мотива кровной мести являются необоснованными. Кроме того, судом оставлена без внимания особая жестокость, проявленная в процессе убийства

Подводя итог, отметим, что в настоящее время отсутствуют полновесные разъяснения по применению п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что приводит к правоприменительным ошибкам. Несмотря на то, что данный вид убийства в настоящее время не имеет широкого распространения, необходима разработка рекомендаций по вопросам содержания его состава и квалификации для того, чтобы избежать неверной уголовно-правовой оценки содеянного.

Глава 16 УК РФ, кроме названного, закрепляет еще три низменных мотива, а именно: корыстные побуждения (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ); хулиганские побуждения (п. «и» ч. 2 ст. 105; п. «д» ч. 2 ст. 111; п. «д» ч. 2 ст. 112; п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ) и экстремистские мотивы (п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115 и п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Следует указать, что в ст. 116 УК РФ в диспозиции указаны как хулиганские мотивы, так и экстремистские, а в ч. 2 ст. 119 УК РФ – два разнородных признака.

Рассматривая корыстный мотив преступления, следует заметить, что в уголовном законе его дефиниция отсутствует. Однако законодателем и правоприменителем этот термин активно используется. В отношении к преступлениям против жизни и здоровья корыстный мотив закреплен только в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Как следует из содержания и смысла закона, он относится к числу низменных. Вместе с тем его нет в перечне обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ).

В п. 11 ППВС № 1 указано, что как осуществленное из корыстных побуждений следует квалифицировать убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав

¹ Приговор Шалинского городского суда Чеченской Республики от 19 ноября 2019 г. по делу № 1–200/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rX1ZRKlrV1lp/> (дата обращения: 13.09.2020 г.).

на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ раскрывает корыстный мотив через цель преступного деяния. Учеными также высказывается мнение, что названный мотив реализуется исключительно путем достижения цели¹. Но данная позиция представляется спорной. Корыстный мотив убийства предполагает достаточно широкую его трактовку, так как получателями материальной выгоды могут быть не только убийцы, но и иные люди (например, близкие). Следовательно, стремление обеспечить имущественную выгоду другим лицам при совершении убийства также необходимо трактовать как разновидность корысти².

Следует обратить внимание, что Пленум Верховного Суда РФ использует и такой термин, как «корыстная заинтересованность». Согласно абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»³ корыстная заинтересованность – это стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера ...». В данном случае Верховный Суд РФ указывает, что корыстная заинтересованность реализуется через стремление.

Бесспорно, цель преступления, как правило, фактически характеризует субъективную сторону названного деяния, но она не может быть положена в основу понимания рассматриваемого квалифицирующего признака.

Во многих случаях корысть проявляется явно, неприкрыто. Иными сло-

¹ Варанкина Ю. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых из корыстной или иной личной заинтересованности (на примерах судебно-следственной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 145¹ УК РФ) // Уголовное право. 2008. № 6. С. 18; Романова В.В. Корыстная заинтересованность как мотив совершения злоупотребления должностными полномочиями // Криминалистика. 2012. № 1 (10). С. 26–30.

² Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 112; Нафиев С.Х. Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 1999. С. 15.

³ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 13.09.2020 г.).

вами, она всегда связана с тем, что преступник никогда не забывает свою личную выгоду¹. Однако такое широкое понимание корысти, конечно, неприемлемо для уголовного закона, поскольку носит общий характер. Поэтому понятие корысти должно быть более конкретным и закрепленным в уголовном законе либо в актах судебного толкования.

В уголовном праве сложилось единое мнение, что корыстное преступление совершается в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц или избавления от материальных затрат. По мнению В.Н. Кудрявцева, мотив корысти означает не что иное, как стремление удовлетворить потребность (действительную или мнимую) в материальных благах². В результате сделан вывод, что мотив корысти в первую очередь предполагает удовлетворение потребности, а не достижение конкретной цели.

С учетом изложенного предлагается закрепление следующей трактовки убийства, совершаемого по корыстному мотиву, в ППВС № 1: «По п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство по корыстному мотиву) следует квалифицировать убийство, совершенное для удовлетворения потребности в получении материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)».

В литературе высказано мнение³, что убийство не может быть признано совершенным из корыстных побуждений, если преследовалась цель противоправного изъятия чужого имущества, поскольку в этом случае содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений – как разбой и убийство, сопряженное с разбоем. На данное положение указывает и Верховный Суд РФ в п. 11 ППВС № 1. Данная позиция видится спорной, так как корыстный мотив является побуждением к действию для достижения определенной цели. Помимо

¹ Симоненко О.О. Мотивация и характер насилия групповых корыстно-насильственных преступлений против собственности граждан // Российский следователь. 2009. № 22. С. 32.

² Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968. С. 134.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. С. 117.

этого, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ закрепляет такой квалифицирующий признак, как «из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом». Таким образом, закон устанавливает, что убийство по корыстному мотиву, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, должно квалифицироваться по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Исходя из этого, считаем, что позиция Верховного Суда РФ относительно квалификации содеянного в данной ситуации по совокупности преступлений сомнительна.

Несомненный интерес вызывают преступления против жизни и здоровья, совершаемые из хулиганских побуждений.

Трактовка убийства из хулиганских побуждений представлена в п. 12 ППВС № 1, согласно которому под ним понимается преступление, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства). Для правильного установления рассматриваемых побуждений в случае совершения виновным насильственных действий в ходе ссоры либо драки судам необходимо выяснять, кто явился их инициатором, не был ли конфликт спровоцирован для использования его в качестве повода к совершению противоправных действий. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, лицо не подлежит ответственности за совершение в отношении него преступления из хулиганских побуждений.

Квалифицирующий признак совершения преступления из хулиганских побуждений является оценочным понятием, поэтому в науке уголовного права нет однозначного мнения относительно дефиниции названного мотива¹. В ней, как и в правоприменительной практике, предлагаются различные признаки хулиганского мотива. Например, С.В. Борисов считает, что хулиганский мотив

¹ См.: Гостькова Д.Ж. Хулиганские побуждения в преступлениях против жизни и здоровья // Уголовное право. 2018. № 2. С. 20–24.

обладает такими признаками, как совершение деяния в общественном месте, в условиях очевидности для других людей; отсутствие внешнего повода со стороны потерпевшего¹. И.А. Тараканов, С.А. Пичугин полагают, что хулиганскому мотиву присущи признаки, которые связаны с нарушением общественного порядка (для уголовной ответственности необходима грубость такого нарушения); явное неуважение к обществу². По мнению Л.А. Есиной, хулиганский мотив характеризуют следующие черты: внезапность появления и скоротечность формирования, явная недостаточность повода или несоразмерность его с учиненным действием, относительная легковесность мотивации хулиганских действий³.

Можно заметить, что названные позиции объединяет указание на признак, который выделяют все, – это проявление неуважения к обществу. Таким образом, доминирующим обстоятельством выступает внутреннее психическое отношение лица, совершающего преступное деяние, охватывающее осознание факта причинения вреда обществу в целом.

При признании преступлений совершенными по указанному мотиву следует устанавливать, что он выступал в качестве доминирующего.

Правоприменители при квалификации преступлений нередко ошибочно «смешивают» хулиганский мотив и личную неприязнь к потерпевшему. Примером, иллюстрирующим данный тезис, может служить дело Н., осужденного за убийство по п. «в» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Установлено, что Н. пришел в дом престарелой потерпевшей и попросил в долг деньги. Получив отказ, он нанес потерпевшей удар молотком по голове. После этого облил ее бензином и поджег. Смерть женщины наступила от отравления окисью углерода. В надзорной жалобе осужденный указывал, что хулиганских побуждений в его действиях не было, а конфликт с потерпевшей произошел на бытовой почве. Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил жалобу осужденного в этой части. Н. в ходе

¹ Борисов С.В. Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 136.

² Тараканов И.А., Пичугин С.А. Хулиганские побуждения как признак субъективной стороны состава преступления // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 1 (15). С. 105.

³ Есина Л.А. Квалификация хулиганства и иных преступлений, совершенных из хулиганских побуждений (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 20.

следствия и суда утверждал, что «попросил у потерпевшей в долг деньги, но она отказала и стала упрекать его в попрошайничестве и злоупотреблении спиртными напитками. Он обиделся, взял молоток и убил потерпевшую». Эти доводы не опровергнуты судом. Президиум пришел к выводу, что при таких обстоятельствах действия виновного были вызваны личными неприязненными отношениями. Осуждение Н. по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ было исключено¹.

Недопустимо делать вывод о совершении преступного деяния из хулиганских побуждений исключительно на основании отсутствия каких-либо иных мотивов, поскольку первые имеют свое содержание и отличительные особенности. Приведем пример не очень удачного описания наличия хулиганских побуждений в действиях виновного: личных мотивов для совершения преступлений в отношении потерпевших К. не имел, мотивами мести, личной неприязни не руководствовался, своими действиями нарушал общественный порядок, совершил их в общественном месте, т.е. из хулиганских побуждений².

С учетом сказанного можно сделать вывод, что именно субъективная направленность индивида на нарушение общественного порядка, проявляемая в форме наглых, циничных, оскорбительных действий является главным аргументом при распознавании хулиганского мотива при умышленном причинении вреда жизни или здоровью человека.

Немаловажное значение для надлежащей квалификации преступлений против жизни и здоровья является установление экстремистского мотива. Как следует из положений абз. 2 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»³ (далее – ППВС № 11), квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политиче-

¹ Цит. по: Кабурнеев Э.В. Проблемы квалификации по объективным признакам преступлений против жизни, предусмотренных специальными нормами УК РФ // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 1. С. 142.

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19 июня 2014 г. № 22–5144/2014 // Судебные и нормативные акты РФ: база судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.07.2020 г.).

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307089/ (дата обращения: 23.11.2020 г.).

ской, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по п. «л» ч. 2 ст. 105, или по п. «е» ч. 2 ст. 111, или по п. «е» ч. 2 ст. 112, или по п. «б» ч. 2 ст. 115, или по ст. 116 УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений).

Вместе с тем следует указать, что официального закрепления содержание данного мотива в ППВС № 1 и ППВС № 11 не получило. В ППВС № 11 используется как полная конструкция рассматриваемых мотивов, так и формулировка «преступления экстремистской направленности».

Думается, что для «облегчения» конструкции составов преступлений, указанных в п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ч. 2 ст. 119 УК РФ было бы целесообразнее заменить существующую формулировку на «экстремистский мотив», а в примечании к ст. 105 УК РФ представить содержание названного мотива в полном объеме. Предлагая исчерпывающее наполнение экстремистского мотива, законодатель придал казуистичный характер нормам уголовного права. В свете динамической модернизации закона необходимо избегать такого подхода.

Стоит также обратить внимание на то, что в рамках УК РФ роль рассматриваемого мотива может быть различной. Он выступает в качестве конструктивного, квалифицирующего признака, а также в качестве отягчающего наказание обстоятельства. Поэтому диспозиции статей, содержащие указание на экстремистский мотив, сформулированы по-разному: в одном случае он входит в конструкцию основного состава, в другом – нет (например, ст. 116, ч. 2 ст. 119 УК РФ).

Федеральным законом от 07.02.2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ побои были декриминализованы. Однако законодатель сохранил ответственность за них при наличии

¹ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212385/ (дата обращения: 23.09.2020 г.).

соответствующего мотива. Вместе с тем думается, что уравнивание мотивов, указанных в диспозиции ст. 116 УК РФ, является неверным, так как это нарушает правила дифференциации ответственности. Это утверждение касается и ч. 2 ст. 119 УК РФ.

Аргументируя данную точку зрения, следует отметить, что хулиганский мотив менее опасен для общества, чем экстремистский. Логика хулиганского мотива, в отличие от экстремистского, заключается в формуле «не свой», то есть любой человек, не принадлежащий к «нашей группе». Он и может быть объектом воздействия. Судебная практика применения ст. 213 УК РФ свидетельствует, что хулиганские действия совершаются по незначительным поводам в отношении любого человека¹. По логике экстремизма «чужой» выбирается по какому-то признаку – не все подряд, а принадлежащий «к иной, чем наша, группа». Кроме этого, следует указать, что законодатель использует конструкцию указанного мотива с целью усиления уголовно-правового противодействия наиболее опасным проявлениям экстремизма.

Анализируя ч. 2 ст. 119 УК РФ, следует указать, что данная норма содержит в себе два самостоятельных признака. По нашему мнению, закрепление их в одной части статьи нарушает юридическую технику, а также способствуют смешению двух преступных деяний в рамках одной статьи. В связи с этим предлагаем в ст. 116 и 119 УК РФ выделить соответствующие признаки, связанные с мотивом преступления, в самостоятельные части нормы сообразно критерию степени их общественной опасности.

Мотивы, не имеющие низменного содержания, тоже имеют уголовно-правовое значение. Изучение специальной литературы и судебной практики показало, что чаще всего мотивами совершения преступлений против жизни и здоровья могут выступать ревность; месть, возникшая на почве личных неприязненных отношений; трусость; зависть; стремление к самоутверждению; обида; злость и т.д. Ряд из них содержатся в примерном перечне мотивов применительно к деянию, предусмотренному ч. 1 ст. 105 УК РФ, в п. 4 ППВС РФ № 1.

¹ См.: Батюкова В.Е., Гримальская С.А. Хулиганский и экстремистский мотив как конструктивный признак некоторых составов преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 43–46.

Следует заметить, что установление мотивов вовсе не означает, что их наличие «автоматически» образует состав преступления. С учетом сопутствующих этим мотивам обстоятельств, оснований и условий их возникновения они могут предопределять иную квалификацию содеянного¹.

Нередко преступления против жизни и здоровья совершаются в драке или в ссоре. В науке высказано мнение, что в правоприменительной деятельности драка и ссора приравниваются к мотиву преступления². С данной позицией нельзя согласиться, так как драка и ссора выступают сопутствующим основанием возникновения мотива, что приводит к формированию и реализации преступного намерения. Таким образом, данные категории отождествлять нельзя³.

Е.И. Думанская полагает, что ППВС РФ № 1 необходимо дополнить дефинициями «драка» и «ссора», что поможет избежать правоприменительных ошибок⁴. Поддержать эту точку зрения мы не можем, так как при изучении судебных актов установлено, что правоприменители не испытывают сложностей при разграничении данных категорий. Считаем, что наполнение официальных разъяснений общеизвестными понятиями усложнит их структуру и необоснованно «утяжелит» содержание.

Небезынтересен также мотив мести. Он выступает одним из весьма распространенных мотивов преступления. Месть – мощный эмоциональный механизм, подвигающий к совершению преступного деяния. Она является отрицательной реакцией лица на причиненную ему обиду, причем не обязательно всегда реальную, но субъективно оцениваемую данным лицом как тяжкую и требующую от него ответной реакции в виде причинения смерти обидчику.

Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений

¹ См.: Батурина М.А. Проблемы квалификации простого убийства // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 16. С. 802–805.

² См.: Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 34.

³ См.: Улитин И.Н. Мотивы и цели убийств, совершенных без квалифицирующих и привилегированных обстоятельств // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы: сборник научных статей по материалам IV Международного научно-практического форума магистров, аспирантов и молодых ученых (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 22 марта 2019 г.). Саратов, 2019. С. 347–350.

⁴ Думанская Е.И. Мотив преступления как итог мотивационного процесса: его значение при квалификации убийств: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 153.

в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму»¹ ст. 63 и ч. 2 ст. 105 УК РФ были дополнены п. «е¹». Если отсутствуют специальные виды мести, закрепленные в ч. 2 ст. 105 УК РФ, то действия виновного надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Помимо этого, в п. 6 ППВС № 1 указано, что по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство лица или его близких, совершенное с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность.

Основанием для возникновения мотива мести могут быть слова, действия, совершенные потерпевшим непосредственно перед убийством, а могут быть и поступки потерпевшего, имевшие место в прошлом.

Трудности определения мотива мести, так же, как и ревности, возникают при разграничении «простого» убийства со смежными составами преступлений, такими как убийство в состоянии аффекта и убийство при превышении пределов необходимой обороны. В последнем случае хоть и присутствует мотив мести, но нужно решать вопросы квалификации убийства, исходя из совокупности всех обстоятельств дела². Например, если месть или ревность вызваны глубоко аморальными действиями потерпевшего (потерпевшей), то при наличии и иных необходимых признаков будет применяться не ч. 1 ст. 105, а ст. 107 УК РФ.

Таким образом, полагаем, что конкретизация понятия мотива мести в ППВС № 1 поможет определить его содержание, а также отграничить от других видов мотивов.

Рассмотрению подлежит и убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. В диспозиции статьи, его предусматривающей, не указаны фа-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ (ред. от 22.02.2014 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52146/ (дата обращения 13.09.2020 г.).

² См.: Колокольцева К.А. Уголовно-правовая характеристика простого убийства // Молодой ученый. 2015. № 21. С. 614–617.

культуративные признаки субъективной стороны. Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ, истолковывая содержание данного преступления, указывает на мотив и цель. Таким образом, он подходит к разъяснению вопросов квалификации названного деяния с позиции расширительного толкования, а также указывает на то, что мотив мести при совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, отличается от мести, характерной для «простого убийства»¹.

Мы солидарны с позицией Пленума, так как помимо факультативного признака объекта преступления в виде потерпевшего в содержании данного состава присутствуют также и факультативные признаки субъективной стороны. Таким образом, согласно позиции Верховного Суда РФ, в случае отсутствия мотива мести рассматриваемое преступление должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Полагаем, что в целях точного понимания и толкования рассматриваемого квалифицирующего признака в статье, предусматривающие ответственность за преступления против жизни и здоровья при его наличии, необходимо добавить указание на мотив преступления. Его субъективная сторона предполагает и цель, подробнее об этом будет сказано далее.

Обращая внимание на мотив ревности, следует отметить, что он всегда имеет личностную направленность. Ревность представляет собой спектр эмоций, переживаний человека, вызванных реальной или воображаемой изменой близкого человека. В общей психологии данное состояние трактуется как совокупность тревоги, отчаяния, ненависти, гнева, жажды мести и т.д. В связи с этим представляется, что мотив ревности может формировать у личности подмотивы, образуя целый мотивационный процесс, побуждающий к совершению преступления. Интеллектуальная и волевая сферы при ревности у личности искажаются, что приводит к лишению жизни близкого человека.

По мнению К.К. Станкевича, отличие «простого» убийства из ревности от убийства, совершенного в состоянии аффекта, состоит в том, что чувство ревно-

¹ Курсеев В.В. Особенности квалификации убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 2 (21). С. 103–105.

сти, как правило, развивается постепенно и, следовательно, возникновение умысла на убийство лишено присущей аффекту внезапности¹.

Данный тезис видится весьма спорным. При изучении судебной практики установлено, что аффектированное убийство в большинстве случаев совершается по мотивам ревности, а также мести. В порыве ревности или мести человек может осознавать общественную опасность своих действий, предвидеть наступление последствий и желать их. Но в силу сужения сознания из-за провоцирующего поведения потерпевшего это действие совершается в состоянии аффекта и, соответственно, подпадает под все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ. Таким образом, каждый случай убийства индивидуален, поэтому при рассмотрении дел об этом преступлении необходимо объективно и содержательно изучать как все обстоятельства, так и свойства субъекта, совершившего посягательство.

Нельзя обойти вниманием убийство из сострадания. Одним из обстоятельств, смягчающих наказание, согласно п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ является совершение преступления по мотиву сострадания. Вместе с тем в уголовном законе применительно к составу убийства данное обстоятельство в качестве привилегировющего признака не предусмотрено. Однако названный мотив весьма интересен в контексте уголовного права. Сострадание входит в категорию нравственности. Под ним понимается сочувствие, жалость, вызываемые страданием другого человека. Оно рассматривается как одна из высших форм проявления эмпатии. Последняя в свою очередь является эмоциональным отождествлением себя с другим человеком, представляет собой способность видеть его ситуацию, чувства, мотивы, а также вызвать у себя чувства, которые тот переживает. В основе сострадания лежит эмоционально-чувственная способность личности. Оно заключается в умении понимать чувства, боль и переживания другого человека².

Таким образом, если данный мотив относится к «добрым» побуждениям, то, соответственно, действия в рамках сострадания направлены на достижения

¹ Станкевич К.К. Указ. соч. С. 259–265.

² См.: Моор И.В. Развитие чувства сострадания в процессе духовно–нравственного воспитания // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: сборник материалов Международной научно-практической конференции / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2018. С. 30–31.

«благородных» целей.

В контексте рассматриваемого вида убийства вызывает интерес эвтаназия, которую можно признать частным случаем убийства из сострадания (если, конечно, она не узаконена государством). Под эвтаназией подразумевается практика прекращения жизни по просьбе человека, страдающего от неизлечимого заболевания. Выделяются два вида эвтаназии: пассивная и активная¹. Под пассивной понимается умышленное прекращение врачами поддерживающей терапии больного с его согласия, а под активной подразумевается умышленное умерщвление из сострадания по требованию жертвы или без него. По мнению М.М. Антоненко, основное отличие активной и пассивной эвтаназии состоит в том, что в первом случае смерть больного становится следствием прямых и целенаправленных действий врача, во втором случае, напротив, врач ничего не делает и смерть пациента становится следствием его заболевания².

В России любой вид эвтаназия запрещен. Так, в частности, ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указывает, что медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии. В международном праве, а также в законодательстве некоторых зарубежных стран эвтаназия узаконена. Так, в Лиссабонской декларации прав пациента³ закреплено, что пациент, получив «адекватную информацию, имеет право согласиться на лечение или отказаться от него», а также право «умереть достойно». Согласно п. 3.1 Венецианской Декларации о терминальном состоянии врач не продлевает мучения умирающего, прекращая по его просьбе, а если больной без сознания – по просьбе его родственников, лечение, способное лишь отсрочить наступление неизбежного конца⁴. Эвтаназия легализована в Голландии, Бельгии, Франции, в некоторых штатах США и т.д. Так, например, в Бельгии

¹ Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 462.

² Антоненко М.М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. С. 61.

³ Лиссабонская декларация прав пациента (принята 34-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Лиссабон, Португалия сентябрь/октябрь 1981 г.). URL: <http://www.med-pravo.ru/Ethics/LisbonDecl.htm> (дата обращения 13.09.2020 г.).

⁴ Венецианская Декларация о терминальном состоянии (принята 35-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, октябрь 1983 г.). URL: <http://www.med-pravo.ru/International/Terminal.htm> (дата обращения 13.09.2020 г.).

действует «Закон об эвтаназии», который допускает прекращение жизни по требованию умершего врачами¹.

Вопрос легализации эвтаназии, требующий отдельного исследования, остается открытым. Возможно, отечественный законодатель когда-нибудь придет к его решению с учетом международного опыта, но в настоящее время мы придерживаемся позиции, что любой вид умышленного лишения жизни необходимо рассматривать в контексте уголовного права, что относится и к эвтаназии, расцениваемой как частный случай убийства из сострадания.

Уголовная ответственность за эвтаназию регламентирована во многих странах. Законодатели ряда государств выделяют в качестве самостоятельного деяния убийство по просьбе (требованию) жертвы, относя его к привилегированному составу. Вместе с тем следует констатировать, что изучение положений, содержащихся в законодательстве зарубежных государств, свидетельствует о недостаточной разработанности норм, устанавливающих ответственность за рассматриваемый вид преступлений.

В процессе анализа уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за убийство по просьбе (требованию) жертвы, установлено, что оно может совершаться как по мотиву сострадания, так и по иному мотиву. Представляется, что убийство по просьбе потерпевшего должно быть обязательно связано с мотивом сострадания, который и обуславливает смягчение ответственности за такое преступное деяние.

Рассматривая законодательство советского периода, следует отметить, что в УК РСФСР 1922 г. содержалось положение, что за убийство из чувства сострадания ответственность не наступает (примечание к ст. 143)². Вместе с тем разъяснения, что понимать под состраданием, закон не содержал.

При условии выделения убийства из сострадания в самостоятельный состав мотив превращается в обязательный признак его субъективной стороны,

¹ Länder mit Regelung zur Suizidhilfe oder der Aktiven Sterbehilfe. URL: http://www.dignitas.ch/index.php?option=com_content&view=article&id=54&Itemid=88&lang=de (дата обращения 13.09.2020 г.).

² См.: Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

оказывая, соответственно, решающее влияние на квалификацию содеянного¹. Для установления мотива сострадания и отграничения данного преступления от смежных необходимо выявить, какие эмоции испытывал субъект в момент совершения наказуемого деяния, так как именно они лежат в основе формирования целей и мотивов.

Отечественная судебная практика нередко сталкивается с прецедентами совершения убийств по мотиву сострадания. Так, приговором Курганского областного суда от 2 сентября 2011 г. лицо осуждено по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ с учетом положений ст. 64 УК РФ с назначением наказания в виде 4 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима². Виновный совершил убийство своей супруги, имеющей тяжелое онкологическое заболевание, по ее просьбе. Следствием установлено, что состояние женщины с каждым днем ухудшалось, сопровождалось сильными болями, она практически не принимала пищу. Перед совершением преступного деяния супруга попросила субъекта преступления задушить ее, так как не могла переносить мучения от боли.

По другому делу лицо осуждено по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 13 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 2 года с учетом положений п. «д», «и» ч. 1, ч. 2 ст. 61 УК РФ. Согласно приговору Свердловского областного суда от 30 января 2018 г. виновный из чувства жалости и сострадания к потерпевшему, который был полностью парализован, убил его. В ходе рассмотрения уголовного дела виновный пояснил, что потерпевший сам просил лишить его жизни из-за болезни³.

Как известно, отечественный законодатель подобное убийство из сострадания относит к квалифицированному виду преступления. Из представленных судебных решений видно, что суды при его квалификации «сглаживают» позицию закона, применяя положения ст. 61 и 64 УК РФ.

¹ См. также: Ардашева Н.А. Эвтаназия как метод искусственного прерывания жизни и право // Актуальные проблемы юриспруденции. Вып. 1. Тюмень, 2010. С. 107.

² См.: Приговор Курганского областного суда от 2 сентября 2011 г. по делу № 2–52/2011. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uf9YS8E1biN1/> (дата обращения 13.09.2020 г.).

³ См.: Приговор Свердловского областного суда от 30 января 2018 г. по делу № 1–49/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CrZZAZX4nTdl/> (дата обращения 13.09.2020 г.).

В судебной практике встречаются приговоры, которыми виновные за подобные деяния осуждались по ч. 1 ст. 105 УК РФ (например, приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 31 октября 2014 г. по делу № 22–3569/2014¹). Исходя из законодательных установлений, такую квалификацию следует признать неверной.

Позиция законодателя, отказавшегося от выделения убийства по мотиву сострадания, представляется нам необоснованной. Степень общественной опасности такого деяния, несомненно, гораздо меньше по сравнению с другими видами убийств, предусмотренными ст. 105 УК РФ².

Данный вид убийства должен быть предусмотрен в качестве привилегированного состава преступления. Такое решение, во-первых, будет справедливым, во-вторых, исключит споры при квалификации содеянного, доктринальные дискуссии. При этом в конструкцию состава названного убийства в качестве обязательных должны быть включены такие факультативные признаки субъективной стороны, как мотив и цель – избавление неизлечимо больного человека от невыносимых физических страданий, вызванных имеющимся заболеванием. Мотив сострадания при этом должен признаваться определяющим обстоятельством, обуславливающим смягчение наказания. Заметим, что из опрошенных экспертов 91 % указал на необходимость введения в УК РФ привилегированного состава убийства – из сострадания³.

Кроме того, как показывает мировая практика, убийство из сострадания может совершаться специальным субъектом – медицинским работником. Таким образом, в санкции соответствующей нормы целесообразно установить такое дополнительное наказание, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

С учетом изложенного предлагаем выделить в качестве самостоятельного состава убийство из сострадания, дополнив УК РФ новой статьей в следующей редакции:

¹ См.: Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 31 октября 2014 г. по делу № 22–3569/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6Kkxbuq4vng/> (дата обращения 26.07.2020).

² Улитин И.Н. Убийство из сострадания и особенности его субъективной стороны // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 15 (1). С. 144-151.

³ См.: Приложения.

«Статья 105¹. Убийство из сострадания

Убийство, совершенное по мотиву сострадания по просьбе потерпевшего с целью избавления его от невыносимых страданий, вызванных имеющимся у него тяжелым заболеванием, – наказывается...».

Резюмируя анализ признака «мотив» в составах преступлений против жизни и здоровья, можно сделать следующее *выводы*:

1. Мотив лежит в основе любой целенаправленной деятельности человека. Именно он определяет вид и содержание деятельности, от него зависит личностный смысл и готовность к реализации ее цели. Мотив побуждает, направляет, регулирует деятельность. В то же время в процессе последней он может изменяться, развиваться, а также могут появляться новые мотивы. Успешность изучения различных сторон человеческой активности, закономерностей ее изменения и возможностей регулирования в выгодном для общества направлении обязательно предполагает понимание мотивационных процессов и проникновение в их сущность, что определяет выполнение задач, стоящих перед законодателем, правоприменителем и уголовным правом.

2. При формулировании мотива для преступлений против жизни и здоровья законодатель использует как единственное, так и множественное число. В рамках гл. 16 УК РФ предложено указание на мотив сформулировать единообразно – в единственном числе. Это будет способствовать верной квалификации преступных деяний, так как суду необходимо не только ссылаться на норму уголовного закона, но и конкретизировать мотив преступления.

3. При изучении мотивов интересующих нас посягательств установлено, что в УК РФ отсутствует единообразие в использовании терминов. Закон оперирует категориями «мотив» и «побуждение». Представляется, что термин «побуждение» следует заменить на «мотив», так как побуждение выступает в качестве компонента мотива и не может выступать его синонимом.

4. В настоящее время отсутствуют полновесные разъяснения по применению п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что приводит к ошибкам в квалификации преступления и при назначении наказания. Несмотря на то, что этот вид убийства не имеет широкого распространения, необходима разработка рекомендаций по

вопросам содержания его состава и квалификации для того, чтобы избежать неверной уголовно-правовой оценки содеянного.

5. В связи с тем, что дефиниция корыстного мотива в уголовном законе отсутствует, а соответствующая трактовка Верховного Суда РФ не в полной мере отражает его содержание, а также связывает последнее с целью преступления, что является неверным, так как мотив корысти в первую очередь предполагает удовлетворение потребности, а не достижение конкретной цели, видится целесообразным закрепление следующей трактовки убийства, совершаемого по корыстному мотиву, в ППВС № 1: «По п. «з» ч. 2 ст.105 УК РФ (убийство по корыстному мотиву) следует квалифицировать убийство, *обусловленное стремлением удовлетворить потребности* в получении материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или в избавлении от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).»

6. Квалифицирующий признак совершения преступления из хулиганских побуждений является оценочным понятием, поэтому в науке уголовного права нет однозначной дефиниции названного мотива. В процессе его изучения установлено, что доминирующим обстоятельством выступает внутреннее психическое отношение лица, совершающего преступное деяние, охватывающее осознание факта причинения вреда обществу в целом.

Правоприменители при квалификации преступлений нередко ошибочно «смешивают» хулиганский мотив и личную неприязнь к потерпевшему. При рассмотрении данной проблемы выявлено, что субъективная направленность индивида на нарушение общественного порядка, объективируемая в форме наглых, циничных, оскорбительных действий, является главным аргументом при распознавании хулиганского мотива при умышленном причинении вреда жизни или здоровью человека.

7. Действующая формулировка экстремистского мотива не отвечает требованиям юридической техники, придает казуистичный характер нормам уголовного права. Для «облегчения» конструкции составов преступлений, указан-

ных в п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ч. 2 ст. 119 УК РФ, предложено заменить существующую формулировку на «экстремистский мотив», одновременно в примечании к ст. 105 УК РФ представив его содержание в полном объеме.

8. Современная конструкция мотивов, закрепленных в ст. 116 и ч. 2 ст. 119 УК РФ, нарушает правила дифференциации ответственности. В связи с этим предложено в ст. 116 УК РФ и ч. 2 ст. 119 УК РФ выделить соответствующие признаки, связанные с мотивом преступления, в самостоятельные части нормы сообразно критерию степени их общественной опасности.

9. При квалификации преступлений немаловажное значение играют мотивы, не имеющие низменного содержания. Следует заметить, что установление мотивов вовсе не означает, что их наличие «автоматически» образует состав преступления. С учетом сопутствующих этим мотивам обстоятельств, оснований и условий их возникновения они могут предопределять иную квалификацию содеянного.

В связи с тем, что в правоприменительной практике возникают проблемы и коллизии при квалификации преступлений против жизни, предложено в абз. 2 п. 1 ППВС РФ № 1 добавить формулировку «По каждому такому делу должны быть установлены и отображены в приговоре форма вины, мотив, цель ... причинения смерти другому человеку, а также исследованы и указаны иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания». Такое дополнение обяжет судебную инстанцию указывать в приговоре все признаки субъективной стороны преступления, что приведет к полному пониманию логики суда при квалификации содеянного, а также будет способствовать соблюдению принципов обоснованности и справедливости принимаемого решения.

10. Особое значение для квалификации преступлений против жизни и здоровья имеют мотивы мести и ревности. Трудности определения мотива мести, так же, как и ревности, возникают при разграничении «простого» убийства со смежными составами, такими как убийство в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны. Таким образом, полагаем, что кон-

кретизация понятия мотива мести и ревности в ППВС № 1 поможет определить их содержание, отграничить от других видов мотивов.

11. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ относительно квалификации убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга дается расширительное толкование п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также указывается на то, что мотив мести при совершении данного преступного деяния отличается от мести при совершении простого убийства. В целях точного понимания и толкования рассматриваемого квалифицирующего признака в названную норму и п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ необходимо добавить указание на этот мотив.

12. С учетом мировой практики и существенно меньшего уровня общественной опасности преступления предложено выделить в качестве самостоятельного состава убийство из сострадания, дополнив УК РФ новой ст. 105¹, редакция которой представлена в данном разделе работы.

3.2 Признак «цель» в составах преступлений против жизни и здоровья

Наряду с мотивом закон говорит и о цели преступления. Деяния, для которых цель выступает в качестве обязательного признака субъективной стороны, характеризуются повышенной общественной опасностью. В теории уголовного права цель преступления традиционно рассматривалась и рассматривается «в связке» с мотивом, что несколько принижает ее автономность. В результате, как отмечается в специальной литературе, цели уделяется недостаточное внимание при изучении ее в качестве самостоятельного признака преступления¹. Бесспорно, все признаки субъективной стороны преступления взаимосвязаны друг с другом, но в качестве обязательного признака выступает тот из них, который преобладает в преступном деянии в силу указания закона.

Для преступлений против жизни и здоровья цель, как и мотив, может вы-

¹ См.: Черепенников Р.В. Цели преступного деяния и их уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11.

ступать в качестве обязательного или факультативного (как правило, квалифицирующего) признака состава преступления, а также являться основанием для смягчения или ужесточения уголовного наказания. Установление цели помогает выявлять другие признаки состава преступления, обнаруживать в неоконченных преступлениях, какие действия намеревался совершить виновный, а также правильно квалифицировать содеянное.

В специальной литературе указано, что цель преступления в рамках уголовного права выполняет такие функции, как:

- 1) составообразующую, то есть именно цель позволяет отграничить преступное деяние от непроступного (в этом случае ее отсутствие исключает наличие в деянии лица того или иного состава преступления);
- 2) разграничивающую, то есть именно цель позволяет отличить друг от друга внешне одинаковые деяния, являющиеся различными преступлениями;
- 3) квалифицирующую, то есть цель выступает отягчающим обстоятельством, наличие которого повышает степень общественной опасности;
- 4) индивидуализирующую, то есть цель может быть учтена судом как обстоятельство, отягчающее или смягчающее наказание¹.

В уголовно-правовой науке общепризнанным считается видение цели преступления как представления лица о конечном результате своей деятельности, как того, чего лицо собирается достичь, совершая преступное деяние².

Следует отметить, что в дореволюционный период в основном обращалось внимание именно на психологическую сущность цели, и она не рассматривалась в качестве признака состава преступления.

Так, А.Ф. Бернер под целью понимал «желаемое удовлетворение самого себя, которое субъект думает найти в последствиях своего деяния»³.

П.Д. Калмыков определял цель как «то, к чему человек стремится и чего

¹ См.: Смирнов В.А. Цель как признак субъективной стороны преступления // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1 (64). С. 65–72.

² Научные основы квалификации преступлений: учебник / С.Н. Шатилов и др. Тюмень, 2015. С. 148.

³ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. Т. 1: Часть Общая. СПб., 1867. С. 466.

желает достичь приведением в исполнение своего умысла»¹.

Н.С. Таганцев писал, что цель, являясь одним из проявлений желания, представляет собой «полагаемый нашим сознанием предел, достижением которого должна завершиться наша деятельность»².

Приведенные определения дают основание утверждать, что ученые того времени уже акцентировали внимание на том, что цель взаимосвязана с психологическими особенностями личности.

В советский период сложилось два мнения о месте цели в преступлении. Одни авторы считали, что цель преступления необходимо рассматривать как результат, к достижению которого стремится лицо³; другие обращали внимание на субъективно-психологическую составляющую личности, а именно на психологическую модель результата преступного деяния, которая формулируется в сознании субъекта преступления⁴.

Современные ученые указывают, что цель преступления и ее реализация могут быть не взаимосвязаны. А.И. Рарог подчеркивает, что квалификация определяется постановкой цели, а вовсе не ее реализацией. «Именно наличием цели, находящейся за рамками объективной стороны преступления с материальным составом, обусловлено повышение общественной опасности деяния»⁵.

Цель присуща только осознанным действиям человека. На это указывают представители психологической науки. Так, А.Н. Леонтьев пишет, что цель есть задача. Задача же неразрывно связана с действием личности и операцией, то есть условиями⁶. Автор акцентирует, что цель – это моделируемый в субъективном осознанном образе конечный результат действий⁷.

В психологии принято считать, что любая цель – это то, к чему стремится человек, для чего он работает, за что борется, чего хочет достичь в своей дея-

¹ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1866. С. 113–114.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. СПб., 1902. С. 593.

³ См.: Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань, 1982. С. 7.

⁴ См.: Шаргородский М.Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. М., 1945. С. 7.

⁵ Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2008. С. 115.

⁶ Леонтьев А.А. Деятельностный ум. М., 2001. С. 130.

⁷ Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М., 2000. С. 434.

тельности. Без нее сознательная деятельность невозможна¹. Таким образом, цель всегда является предполагаемым осознанным результатом.

С учетом психологического и правового подхода можно утверждать, что цель присуща только преступлениям с умышленной формой вины.

Цели, как и мотивы преступления, в уголовно-правовой науке разделены на два вида: низменные и лишённые низменного содержания. Данная классификация основана на нравственной и правовой оценке целей.

Глава 16 УК РФ содержит указания на следующие виды низменных целей: скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ); использовать органы или ткани потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ). Пункт «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ устанавливает ответственность за истязание с применением пыток. В примечании к статье указано, что применение пытки направлено на достижение названной в нем цели.

В первую очередь необходимо обратить внимание на стилистическую конструкцию признака «цель», применяемую при описании преступлений против жизни и здоровья. При рассмотрении соответствующих норм можно заметить, что законодатель термин «цель» использует как во множественном числе, так и в единственном. В п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ он употребляется в единственном числе, а в п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ – во множественном. В связи с этим Е.В. Маслова отмечает, что юридическая техника формулирования норм уголовного законодательства в части указания на цели преступного деяния нарушена². Мы солидарны с этим замечанием автора, так как подобный разнобой усложняет точное понимание цели. Безусловно, использование органов или тканей потерпевшего, например, предполагает неограниченный спектр посткриминальных действий субъекта (поедание частей тела, их продажа, трансплантация и др.), но по смыслу уголовного закона цель в подобных преступлениях одна, многообразны лишь формы ее реализации.

Таким образом, считаем, что формулировку цели в п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ необходимо изложить в единственном числе. Эти из-

¹ См.: Максименко С.Д. Общая психология М., 2001. С. 342.

² Маслова Е.В. Указ. соч. С. 229.

менения позволят правоприменителю правильно подходить к оценке обстоятельств совершенного преступления и его квалификации.

Пункт «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ закрепляет ответственность за убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. Для его квалификации не имеет значения, удалось ли преступнику в результате совершения убийства достичь цели. Это лежит за рамками состава убийства¹: для квалификации по указанной норме достаточно установить лишь то, что умышленное причинение смерти было совершено в целях скрыть или облегчить другое преступление.

Для данного деяния необходимым признаком выступает цель сокрытия именно преступления или облегчения его совершения. В случае если виновный скрывает или облегчает «мнимое» преступление, то его действия не могут охватываться п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ». К данному выводу приходит большинство специалистов уголовного права².

Указание на такую цель преступления, как использование органов или тканей потерпевшего, содержится в ряде статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за деяния против жизни и здоровья.

Термин «использовать» означает воспользоваться (пользоваться) кем-чем-нибудь³. Исходя из этого, любые действия, которые намеревался совершить виновный с полученными органами, должны пониматься в качестве использования⁴. В литературе отмечается, что рассматриваемые преступления могут быть совершены с любой последующей целью, которая предполагает в дальнейшем использование органов или тканей потерпевшего⁵.

¹ См. также: Краев Д. Квалификация убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение при юридической ошибке // Уголовное право. 2014. № 3. С. 50–55.

² См., напр.: Бабий Н.А. Квалификация убийств при отягчающих обстоятельствах: монография. М., 2014. С. 115; Лопашенко Н.А. Убийства: монография. М., 2013. С. 397; Павлуцкая С.В. Убийства, совершаемые при отягчающих обстоятельствах, характеризующих особенности субъективной стороны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 22 и т.д.

³ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2019. С. 256.

⁴ См.: Шванская А.Д., Чеснокова О.А. Проблемные аспекты убийства в целях использования органов и тканей потерпевшего // Научные открытия 2018: материалы XXXVIII Международной научно-практической конференции, 25–28 мая 2018 г. М., 2018. С. 273–276.

⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 2: Осо-

Содержание рассматриваемой цели как законом, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ не определено. Считаем, что в ее нормативной конкретизации (то есть в указании в законе, для какого именно использования виновному нужны те или иные компоненты тела или ткани) нет необходимости, поскольку она может только усложнить правоприменительную деятельность, так как способна ограничить сферу применения п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Как правило, виновный использует их для трансплантации, но возможно также применение таковых для каннибализма, ритуальных действий, коллекционирования и т.д.¹ Все возможные варианты вряд ли можно предусмотреть и «уложить» в рамки уголовно-правовой нормы.

В отечественном законодательстве предусмотрены условия законного использования тела, органов и тканей умершего человека (ст. 68 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»²). Указанная норма определяет, что тело, органы и ткани умершего человека могут использоваться в медицинских, научных и учебных целях. Думается, что для чистоты квалификации соответствующего преступного деяния целесообразно п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120 УК РФ дополнить указанием на все компоненты, названные в ст. 68 ранее названного Федерального закона.

В науке обсуждается вопрос об уточнении цели в п. «м» ч. 2 ст. 105 и п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ. В частности, Н.А. Колчина предлагает расширить ее за счет указания на «осуществление религиозных или иных культовых обрядов либо каннибализма»³. Данная позиция видится спорной. Установление закрытого перечня для рассматриваемой цели ограничит рамки возможного применения соответствующей нормы. Полагаем, что перечень наиболее часто встречающих-

бенная часть. Разделы VII – VIII // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 31.08.2020 г.).

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2016. С. 291.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 19.03.2021 г.).

³ Колчина Н.А. Организационно-правовой механизм борьбы с убийствами, совершенными в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 83–84.

ся форм использования тела, органов и тканей потерпевшего необходимо закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Важное значение для правильной оценки преступлений имеет момент возникновения цели. Применительно к умышленным преступлениям цель всегда возникает до совершения соответствующих деяний. Цель, как и мотив, является доминирующей психологической причиной квалифицированного общественно опасного деяния¹.

Сложности в квалификации могут вызывать ситуации убийства, в которых цель использования тела, органов или тканей потерпевшего возникла после преступного деяния. По мнению В. Смирнова, если цель изъятия органов или тканей потерпевшего возникла у виновного до начала совершения действий, составляющих объективную сторону лишения жизни, то в этом случае будет правильным квалифицировать такое деяние по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В случае, если указанная цель возникла после убийства, такие действия должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ без вменения квалифицирующего признака. Если изъятие органов потерпевшего произошло после убийства, необходимо вменение дополнительно ст. 244 УК РФ².

Мы солидарны с позицией автора, так как момент возникновения цели является определяющим при квалификации преступного деяния.

Интерес вызывает конструирование признака «цель» применительно к субъективной стороне истязания с применением пытки (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Под истязанием следует понимать причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Одной из проблем, вызывающих озабоченность как международного сообщества, так и на национальном уровне, является распространённость фактов применения пыток. Конституция РФ в ст. 21 закрепляет положение о том, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство об-

¹ См.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 197.

² Смирнов В.А. Уголовно-правовая характеристика целей убийства, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 20.

ращению или наказанию». Отечественный законодатель в п. «д» ст. 117 УК РФ регламентировал ответственность за истязание с применением пыток. В примечании к названной статье раскрывается понятие последних. Закон подчеркивает, что применение пытки является для истязания квалифицирующим признаком¹.

Считаем, что дефиниция пытки, закрепленная в ст. 117 УК РФ, не соответствует природе этого феномена, а также международно-правовым установлениям. Отнесение применения пыток к квалифицирующему признаку, указанному в ст. 117 УК РФ, создает проблему разграничения «простого» истязания и истязания, сопряженного с пыткой, так как пытка и истязание – понятия синонимичные, а какая-либо цель есть у любого истязателя.

В научной литературе указывается, что обозначение пыток, предусмотренное ч. 2 ст. 117 УК РФ, порочно с точки зрения юридической техники, так как порождает тавтологию при раскрытии соответствующих квалифицированных составов и лингвистически не вписывается в конструкцию статьи².

Обязательным признаком субъективной стороны пытки выступает цель: получение определенной информации (в том числе и показаний); наказание; принуждение к каким-либо действиям, противоречащим воле человека; какая-либо иная цель. Деяние может быть квалифицировано как пытка в том случае³, когда виновный стремится достичь своей цели как посредством действий потерпевшего, так и когда получение информации или выполнение действия ожидается им от третьего лица.

Ввиду того, что понятия пыток и истязания схожи, разграничение основного и квалифицированного составов в настоящее время представляется условным. В.П. Курочкин отмечает, что отличие истязаний и пыток заключается в содержании вины⁴. Уголовный закон устанавливает, что истязание содержит

¹ Улитин И.Н. К вопросу о «персональной» криминализации пыток и содержании их субъективной стороны // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5 (82). С. 85–89.

² Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за пытки в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 9. С. 62–71.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 02.04.2020 г.).

⁴ Курочкин В.П. Уголовно-правовая характеристика истязания // Современные научные исследования: теория, методология, практика. 2013. Т. 1. № 3 (3). С. 167.

умышленную форму вины, при этом не конкретизируя ее.

Таким образом, субъективная сторона истязания характеризуется умышленной виной в виде прямого или косвенного умысла¹. В свою очередь субъективная сторона пытки предполагает только прямой умысел, что обусловливается наличием у виновного той или иной цели, названной в законе. На это справедливо указывается в специальной литературе².

Мы солидарны с представленными позициями, так как истязание может быть совершено с косвенным умыслом в отличие от пыток. Косвенный умысел выражается в том, что субъект преступления осознает общественную опасность и характер совершаемых действий и предвидит возможность причинения потерпевшему страданий, не желая этого, но допуская либо относясь безразлично. Пытки же всегда совершаются только с прямым умыслом и направлены на достижение конкретной цели.

Впервые понятие пыток на международном уровне было закреплено в Токийской декларации 1975 г.³ Позже Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращений и наказаний 1984 г.⁴ (далее – Конвенция против пыток), ратифицированная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1987 г. № 6416–XI, в ст. 1 также закрепила определение пыток. Различия примечания, содержащегося в ст. 117 УК РФ, и положений ст. 1 Конвенции против пыток заключаются в том, что международное право конкретизирует цель преступного посягательства и закрепляет специального субъекта преступления. Относительно цели необходимо отметить, что Конвенция против пыток указывает, что они могут совершаться для получения сведений или признаний, наказания за действия, а также запуги-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 02.04.2020 г.).

² См.: Кривошеин П. Пытка: понятие и признаки // Уголовное право. 2005. №5. С. 41.

³ Токийская декларация (принята 29-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Токио, Япония, октябрь 1975 г.). URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:5zvPB0MYqFwJ:ocmp.belzdrav.ru/> (дата обращения: 16.02.2020 г.).

⁴ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1984 г.). URL: www.un.org (дата обращения: 02.04.2020 г.).

вания или принуждения.

Обращаясь к опыту стран ближнего зарубежья, подчеркнем, что большинство стран регламентируют ответственность за пытки в отдельной статье уголовного закона, выделяя их в качестве самостоятельного состава преступления (например ст. 119 УК Армении, ст. 144¹ УК Грузии, ст. 146 УК РК, ст. 143 УК Кыргызстана, ст. 166¹ УК Молдовы, ст. 143(1) УК Таджикистана, ст. 235 УК Узбекистана и ст. 127 УК Украины). Кроме того, УК Беларуси, РК, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана закрепили определение пыток, аналогичное дефиниции, представленной в Конвенции 1984 г.

Обратим внимание, что в п. 16 и 17 нормативного постановления Верховного Суда РК от 28 декабря 2009 г. № 7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания» (далее – нормативное постановление № 7) содержатся разъяснения относительно квалификации пыток¹.

Отечественный законодатель указывает, что квалификация по ст. 117 УК РФ осуществляется тогда, когда отсутствуют последствия, названные в ст. 111 и 112 УК РФ. Его позиция относительно формулирования названного состава преступления в части применения пыток видится уязвимой, так как они могут сопровождать и деяния, влекущие причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, а также смерть по неосторожности. Это предопределяет целесообразность самостоятельной криминализации пыток. Представляется верной позиция законодателей зарубежных стран, где она осуществлена.

Верховный Суд РК в нормативном постановлении № 7 подчеркивает, что если в результате пытки здоровью потерпевшего умышленно причинен легкий, средней тяжести или тяжкий вред либо смерть по неосторожности, то дополнительной квалификации не требуется.

¹ Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 г. № 7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P09000007S_ (дата обращения: 16.02.2020 г.).

Кроме того, нормы международного уголовного права позволяют установление еще одного основания для квалификации преступного деяния как пытки – по всякой причине, основанной на дискриминации любого характера¹. В данном случае под дискриминацией понимается мотивационная составляющая, закрепленная в п. «з» ст. 117 УК РФ. Вместе с тем п. «з» ст. 117 УК РФ указывает на квалифицированный вид истязания. Однако, как было указано ранее, истязание и пытки различаются.

УК РФ не рассматривает пытки как преступление, совершаемое специальным субъектом, и устанавливает, что ответственность за совершение данного деяния может наступать и при наличии общего субъекта. Этому подходу придерживается и судебная практика. Например, приговором Костомукшского городского суда Республики Карелия гражданин был осужден по п. «д» ст. 117 УК РФ в связи с тем, что он умышленно и неоднократно причинял физические и психические страдания путем систематического нанесения побоев с применением пытки своей супруге. Суд установил, что пытки применялись с целью признания факта супружеской неверности².

Полагаем, что пытки могут совершаться как общим, так и специальным субъектом. Вместе с тем во втором случае содеянное обладает большей степенью общественной опасности. Совет при Президенте РФ по правам человека в сентябре 2018 г. рекомендовал российскому Правительству рассмотреть вопрос о включении в УК РФ новой статьи «Пытки», в соответствии с которой наказывались бы только должностные лица³. Причиной такой рекомендации послужили резонансные скандалы в колониях Ярославской области, где к осуждённым применялись пытки. Бесспорно, они требуют отдельной криминализации. Вместе с тем считаем неверным выделение в составе преступления только специального субъекта.

На основании проведенного анализа считаем необходимым выделение

¹ См.: Логунова О.С. Вопросы квалификации истязания с применением пытки // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 139.

² См.: Приговор Костомукшского городского суда Республики Карелия от 13 июня 2019 года по делу № 1–71/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8Lm4DpS77i3/> (дата обращения: 16.02.2020 г.).

³ Сайт «Комитет против пыток». URL: <https://www.pytkam.net/ru/news/> (дата обращения: 16.02.2020 г.).

новой статьи в рамках гл. 16 УК РФ, устанавливающей ответственность за пытки. Полагаем, что данное деяние должно иметь квалифицирующие признаки, что в свою очередь подразумевает закрепление дифференцированной ответственности в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств.

На необходимость криминализации пыток неоднократно указывал и Комитет ООН против пыток¹. В заключительных замечаниях по шестому периодическому докладу Российской Федерации он рекомендует предусмотреть уголовную ответственность за пытки как за самостоятельный состав преступления.

Термин «пытки» необходимо трактовать в соответствии с определением, которое дано в ст. 1 Конвенции против пыток.

Учитывая изложенное, думается, что в п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ признак «с применением пытки» необходимо заменить на признак совершения преступления «с особой жестокостью».

Опыт Верховного Суда РК по разъяснению вопросов квалификации пыток видится позитивным. Считаем, что подобное толкование в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ может способствовать минимизации правоприменительных ошибок и устранению неточностей в понимании содержания состава рассматриваемого преступления.

Подводя итог анализу, заключим, что для унификации отечественного законодательства, правильного конструирования составов преступлений и обеспечения соответствия отечественного уголовного закона требованиям международного права было бы целесообразным выделить пытки в качестве самостоятельного состава преступления путем дополнения УК РФ статьёй 117¹ («Пытки»). В ней необходимо предусмотреть квалифицирующие признаки такого преступления. С учетом отечественного законодательного опыта думается, что квалифицирующие признаки, указанные в ст. 117 УК РФ, полностью могут быть заимствованы для регламентации таковых для пыток. Кроме того, в данный перечень необходимо добавить признак, связанный со специальным субъектом преступления.

¹ Заключительные замечания по шестому периодическому докладу Российской Федерации. URL: <http://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 02.03.2020 г.).

Наша позиция подтверждается и данными анкетирования экспертов: 68 % опрошенных подтвердили необходимость введения в УК РФ обособленной нормы, предусматривавшей ответственность за пытки¹.

Цель для пыток, в свою очередь, является обязательным признаком состава преступления, что прямо закреплено в примечании к ст. 117 УК РФ. В случае отсутствия таковой действия виновного не могут быть квалифицированы как пытки.

В уголовно-правовой науке сложилось несколько позиций относительно содержания пыток. Ряд авторов считает, что под пытками надо понимать совокупность умышленных действий, сопровождающихся причинением потерпевшему физической боли и душевных страданий и совершаемых исключительно с целью принуждения потерпевшего к определенному поведению, выгодному виновному². Другие полагают, что пытка характеризуется не только определенными действиями, целями, но и специальным субъектом³. Третьи придерживаются позиции, что в понимание пыток входит не цель и субъект преступления, а само содержание деяния⁴.

Представляется, что обязательным признаком названного преступления будет выступать именно цель. Субъект преступления может быть как специальным, так и общим.

В разъяснениях Верховного Суда РФ упоминаются и другие цели преступлений против жизни и здоровья, не закрепленные в нормах УК РФ. Например, в ППВС № 1 указано, что убийство из корыстных побуждений предполагает цель получения материальной выгоды для субъекта преступления или других лиц или избавления от материальных затрат. Таким образом, Пленум Верховно-

¹ См.: Приложения.

² См., напр.: Мусаев А.А. Понятие пытки в уголовном праве // Юридический факт. 2019. № 71. С. 67–68.

³ Борисенкова Н.В. Уголовно-правовая оценка жестокости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11; Дворянсков И.И. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с заключенными // Уголовное право. 2013. № 4. С. 19–21; Кондрашова Т.В. Наказание или пытка: парадокс уголовного закона // Уголовное право. 2015. № 1. С. 15–17 и др.

⁴ Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 62; Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 167.

го Суда РФ определяет корыстный мотив через цель, придавая ей обязательный признак субъективной стороны. Однако в данном случае обязательным признаком состава преступления, указанным в законе, выступает именно мотив преступного деяния¹.

В науке сложилось несколько позиций относительно квалификации корыстных преступлений. Так, Н.И. Загородников и С.В. Бородин указывают, что зачастую мотив и цель в корыстных преступлениях, в частности при убийстве, совпадают². Н.К. Семернева подчеркивает, что убийства, совершенные с корыстным мотивом, различаются по цели, то есть по внутреннему представлению о результате, которого стремится достичь виновный, и подразделяются на группы в зависимости от целей и как следствие характера имущественной выгоды³. Исходя из единства мотива данного преступления, автор указывает на различные цели, которые виновный преследует в процессе его совершения.

Верной представляется позиция, согласно которой при совершении преступления мотив служит побуждением для достижения цели и изменяется в зависимости от конкретной цели, которую ставит перед собой преступник⁴.

С учетом сказанного можно констатировать, что корысть в характеристике субъективной стороны состава преступления может выступать как в качестве мотива, так и в качестве цели совершения преступления. При этом возможно содержательное совпадение мотива и цели.

В разъяснениях Верховного Суда РФ также есть указание на цель применительно к преступлениям, совершаемым в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. В п. 6 ППВС РФ № 1 указано, что целью преступления, названного в п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является воспрепятствование правомерному осуществлению лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга, но обязательным признаком данного состава, прямо

¹ См.: Улитин И.Н. Мотивы и цели убийств, совершенных без квалифицирующих и привилегированных обстоятельств. С. 347–350.

² Загородников Н.И. Преступления против жизни. М., 1961. С. 48.

³ Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособ. Екатеринбург, 2010. С. 200–205.

⁴ Печников Н.П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России. Тамбов, 2009. С. 19.

указанным в законе, выступают свойства потерпевшего. По мнению Верховного Суда РФ, цель названного преступления прямо вытекает из содержания иных его признаков. Таким образом, ППВС РФ № 1 предлагает, по сути, совершенно иной признак рассматриваемого состава преступления. Следует указать, что Пленум Верховного Суда РФ дает расширительное толкование соответствующей нормы. В специальной литературе также отмечается, что используемый в диспозиции п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ термин «в связи» означает, что при совершении данного вида убийства субъект должен преследовать определенные мотив и цель¹.

Таким образом, полагаем, что в целях точного понимания и толкования квалифицирующего признака, указанного в п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ, необходимо изложить его в рамках УК РФ в следующей редакции: «...в отношении лица или его близких *с целью* воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотиву мести за такую деятельность».

Кроме того, считаем, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 119 УК РФ, необходимо дифференцировать на два самостоятельных квалифицированных состава. Таким образом, предлагаем следующую редакцию диспозиции ч. 2 ст. 119 УК РФ:

«2. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью:

а) совершенные по экстремистскому мотиву;

б) совершенные в отношении лица или его близких *с целью* воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотиву мести за такую деятельность».

Резюмируя анализ признака «цель» применительно к преступлениям против жизни и здоровья, можно сделать следующее *выводы*.

1. Цель преступления представляется как часть, признак субъективной

¹ См.: Практикум по квалификации отдельных видов преступлений: учебник / М.Н. Косарев, С.Н. Сабанин [и др.]. Екатеринбург, 2017. С. 117.

стороны преступления, конкретизирующий черты осознанного мысленного образа будущего желаемого результата, который в свою очередь предопределяет содержание совершаемых виновным действий (бездействия). Цель преступления характерна только для преступлений, характеризующихся прямым умыслом. Наличие цели предполагает желание наступления определенного результата, соответственно, и наступления общественно опасных последствий. Цель преступного деяния может выступать в качестве обязательного признака состава преступления, в качестве его квалифицирующего признака, а также в качестве обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание.

2. Формулировку цели в п. «м» ч. 2 ст. 105 и п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ необходимо изложить в единственном числе. Это изменение позволит правоприменителю верно оценивать обстоятельства совершенного преступления и осуществлять грамотную его квалификацию.

3. Для «чистоты» вменения такого квалифицирующего признака преступного деяния, как «использование органов или тканей потерпевшего», целесообразно п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120 УК РФ дополнить указанием на все компоненты, названные в ст. 68 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Таким образом, предлагаем изложить его в следующей редакции: «с целью использования тела, органов или тканей потерпевшего».

4. Для унификации отечественного законодательства, правильного конструирования составов преступлений и обеспечения соответствия отечественного уголовного закона требованиям международного права было бы целесообразным выделить пытки в качестве самостоятельного состава преступления путем дополнения УК РФ ст. 117¹ («Пытки»). При этом думается, что квалифицирующие признаки, указанные в ст. 117 УК РФ, полностью могут быть использованы применительно к пыткам. Вместе с тем в данный перечень необходимо добавить обстоятельство, указывающее на специального субъекта преступления. Цель для пыток является обязательным признаком состава, будучи непосредственно закрепленной в примечании к ст. 117 УК РФ, содержащем нормативное определение пытки.

5. Используемый в диспозиции п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ предлог «в связи» означает, что при совершении данного вида убийства субъект должен руководствоваться определенным мотивом и преследовать соответствующую цель. Полагаем, что для точного понимания и толкования квалифицирующего признака, указанного в п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ, необходимо его изложить в следующей редакции: «...в отношении лица или его близких *с целью* воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотиву мести за такую деятельность».

6. Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 119 УК РФ, необходимо дифференцировать на два самостоятельных квалифицированных состава. Предлагаем следующую редакцию диспозиции ч. 2 ст. 119 УК РФ:

«2. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью:

а) совершенные по экстремистскому мотиву;

б) совершенные в отношении лица или его близких с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность».

3.3 Признак «эмоциональное состояние» в составах преступлений против жизни и здоровья

Осуществление личностного подхода к установлению и реализации уголовной ответственности обеспечивает соблюдение принципа справедливости, закрепленного законом¹. Важной чертой уголовной отечественной политики на современном этапе ее развития является все более углубляющийся процесс дифференциации и индивидуализации ответственности². Именно в целях его исполнения необходим, в том числе, учет эмоционального состояния и психоло-

¹ См.: Улитин И.Н. Эмоции и их уголовно-правовое значение: дискуссионные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2019. № 5. С. 74–78.

² Манойлова С.А. Указ. соч. С. 15.

гических особенностей виновного, так как любое поведение человека окрашено теми или иными эмоциями.

Отметим, что 61 % опрошенных экспертов согласны с мнением, что эмоциональное состояние лица во время совершения преступления влияет на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания¹.

В уголовно-правовой литературе ученые сравнительно недавно стали акцентировать внимание на эмоциональном состоянии преступников во время совершения противоправного деяния. Вместе с тем история отечественного уголовного законодательства показывает, что нормы, регламентирующие некоторые составы преступлений, и ранее содержали указания на эмоции.

К настоящему времени не сложилось единой точки зрения о месте и роли эмоций в уголовном праве. Ряд ученых до сих пор считает, что эмоции не являются самостоятельным признаком субъективной стороны преступлений². Другие, напротив, отмечают, что эмоции обладают всеми свойствами для того, чтобы их расценивать в качестве самостоятельного признака субъективной стороны преступления³. Третьи утверждают, что эмоции являются составной частью субъекта преступления⁴. Бесспорно, оценка эмоционального состояния преступника является сложным процессом. Но при изучении судебной практики можно наблюдать, что эмоции в отдельных ситуациях влияют на квалификацию содеянного, на оценку обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также на назначение наказания.

По мнению С.А. Манойловой⁵, ограниченность учета эмоций в общей структурной модели субъективной стороны преступления негативно сказывается на качестве уголовного правотворчества. Напротив, опора на понимание зна-

¹ См.: Приложения.

² См., напр.: Наумов А.В. Мотивы убийств: учебное пособие / под ред. Н.А. Огурцова. Волгоград, 1969. С. 9; Подольный Н.А. Понятие «аффект» в уголовном праве // Государство и право. 2003. № 4. С. 67 и др.

³ См., напр.: Котова А.С. О необходимости повышения роли эмоций в уголовном праве // Academy Journal. 2018. № 1 (3). С. 41–45; Маслова Е.В. Эмоции как факультативный признак субъективной стороны состава преступления // Актуальные проблемы юридической науки: итоги научных исследований аспирантов и соискателей: сборник научных трудов. Н. Новгород, 2011. С. 63–68.

⁴ Рарог А.И. Указ. соч. С. 59.

⁵ Манойлова С.А. Указ. соч. С. 15.

чимости эмоций в любом поведенческом акте привносит полноту и системность при установлении особенностей подготовки и осуществления преступного деяния, при применении уголовно-правовых институтов. Указанная позиция представляется верной. Можно с уверенностью заявить, что оценка эмоций преступника является серьезным фундаментом для правильного рассмотрения уголовного дела и вынесения справедливого решения.

Произошедшая в последнее время в зарубежной юридической психологии, а также в рамках уголовно-правовых школ революция в сфере изучения эмоций и их влияния на поведение человека, в восприятии целей преступного деяния сформировала представление о том, что эмоции уникальны по своим физиологическим, неврологическим и поведенческим последствиям. Данное утверждение поддержано и зарубежными исследователями¹.

Вместе с тем современное отечественное уголовное законодательство не уделяет должного внимания факультативным признакам субъективной стороны преступления, в том числе не учитывает в должной мере человеческие эмоции, сопровождающие процесс совершения любого деяния.

Как было указано ранее, в доктрине уголовного права выработались различные позиции по вопросам учета эмоционального состояния лица, совершившего преступное деяние, при квалификации преступления и реализации уголовной ответственности. В науке сложилось несколько подходов относительно включения эмоций в структуру состава преступления: 1) эмоции являются факультативным признаком субъективной стороны; 2) эмоции образуют характеристику субъекта преступления; 3) эмоции являются сопутствующим элементом умышленной формы вины, не обладая самостоятельным значением.

Представляется, что первая позиция верна, так как любые эмоции лежат в основе формирования целей и мотивов, имея при этом в некоторых случаях самостоятельное значение при квалификации преступного деяния. Закон особо указывает на наличие эмоций при регламентации отдельных составов преступ-

¹ См., напр.: Erin Cassese. Emotion, attribution, and attitudes toward crime // Journal of Integrated Social Sciences www.jiss.org, 2011. 2(1). P. 63–97.

лений, не рассматривая их как составляющую определенных целей и мотивов¹.

Возвращаясь к вопросу о борьбе противоположных мнений, следует выделить некоторые точки зрения ученых относительно эмоций и их месте в структуре состава преступления.

По мнению А.И. Рарога², эмоции – это признак субъекта преступления, так как нельзя отнести эмоциональное состояние к элементам психического отношения лица к им содеянному. В то же время автор указывает, что в тех случаях, когда эмоции имеют значение для оценки психологического содержания преступления, они являются самостоятельным признаком субъективной стороны преступления. Таким образом, А.И. Рарог придерживается мнения о двойственном значении эмоций в оценке преступления в зависимости от обстоятельств его совершения. Иные авторы придают эмоциям статус признака исключительно субъективной стороны преступления³.

Ряд ученых поддерживает позицию, что эмоции, сопровождающие приготовление к преступлению, могут играть роль мотивообразующего фактора⁴. Если эмоции связывать с мотивационной деятельностью субъекта, то этот аргумент выступает предпосылкой для отнесения их к признакам субъективной стороны. Вместе с тем сложно согласиться с тезисом об исключительно мотивообразующем значении эмоций, ибо эмоции и мотивы по своему содержанию могут различаться, выступая, таким образом, самостоятельными проявлениями психической активности лица и, соответственно, относительно автономными признаками субъективной стороны преступления.

Нередко ученые, придерживающиеся позиции, что эмоции относятся к субъекту преступления, не вполне, на наш взгляд, обоснованно предлагают перенять опыт зарубежных стран в части рассмотрения аффекта в рамках характеристики видов вменяемости⁵.

Так, в частности, Б.А. Спасенников и С.Б. Спасенников указывают, что

¹ См.: Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 257.

² Рарог А.И. Указ. соч. С. 59.

³ Манойлова С.А. Указ. соч. С. 17.

⁴ См., напр.: Наумов А.В. Мотивы убийств: учеб. пособие. Волгоград, 1969. С. 10.

⁵ См.: Чернова Н.А. Эмоции в структуре субъективной стороны преступления // Современный юрист. 2016. № 2. С. 108–119.

необходимо осуществить заимствование подходов европейских стран, где аффект соотносится с такими категориями, как «вменяемость», «уменьшенная вменяемость», «невменяемость»¹. Таким образом, аффект будет расцениваться как фактор, оказывающий воздействие не на степень вины, а на объем вменяемости, относясь, тем самым, к субъекту.

Однако полагаем, что отождествлять аффект с разновидностью психического расстройства нельзя, поскольку он возникает при определенных аффектообразующих факторах на короткий промежуток времени, тогда как психическое расстройство, не исключаяющее вменяемости, предполагает уже по своему наименованию наличие у лица такового. В связи с этим нельзя сопоставлять аффект с вменяемостью, рассматривая такое эмоциональное состояние в рамках характеристики субъекта преступления.

Некоторые специалисты утверждают, что эмоции вообще не имеют уголовно-правового значения и не влияют на квалификацию преступления после совершения противоправного деяния. Таким образом, они не могут быть отнесены к субъективной стороне преступления².

С данным тезисом сложно согласиться. Для аргументации утверждения о том, что эмоции имеют уголовно-правовое значение, приведем пример из судебной практики. Приговором Новосибирского областного суда от 20 января 2020 г. по делу № 2–37/2019 судом примерены положения п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ с учетом того, что в рамках рассмотрения дела экспертами установлено эмоциональная неустойчивость реакций подсудимого в конфликтных ситуациях и его склонность к деструктивным поступкам в состоянии ослабленного самоконтроля, которые привели к совершению преступных деяний, ответственность за которые предусмотрена п. п. «а», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 1 ст. 105 УК РФ³.

Кроме того, считается, что эмоции отражают отношение человека к преступному деянию и к его последствиям. Выяснение эмоционального состояния

¹ См.: Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение: учеб. пособие. М., 2011. С. 113.

² Российское уголовное право / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 161.

³ См.: Приговор Новосибирского областного суда от 20 января 2020 г. по делу № 2–37/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m7uWhXqdG35x> (дата обращения: 26.07.2020 г.).

позволяет оценить мотивационные, целевые характеристики и внутреннюю сущность субъекта преступления. Для аргументации данного тезиса необходимо обратиться к работам психологов, так как первоначально психология ориентирована на изучение рассматриваемого признака.

С психологической точки зрения, эмоцией называется психическое отражение в форме пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленное отношением их объективных свойств к потребностям субъекта¹. Таким образом, эмоции выступают высшими чувствами человека.

Согласно мнению С.Л. Рубинштейна, указанные чувства определяются мотивационными процессами². Он отмечает, что именно эмоция с внутренней необходимостью зарождается через потребность³. Обобщенно предлагаемая автором формула единства и взаимопроникновения эмоционального и мотивационного («потребностного») выглядит следующим образом. Эмоции являются субъективной, конкретной психической формой существования потребностей. «Потребность как активная тенденция может испытываться как чувство, так что и чувство выступает в качестве проявления потребности»⁴. Это единство обусловлено, прежде всего, тем, что в эмоциях осознается предмет потребности. Такое опредмечивание потребности, заключенное в эмоции, проявляется в виде отраженной в ней зависимости индивида от чего-то и одновременно стремления, влечения к нему, желания чего-то конкретного, и является первой формой проявления потребности в эмоции. В ходе удовлетворения потребности порождаются различные эмоциональные состояния⁵.

По мнению Р.У. Липера, эмоции являются доминирующей мотивацией в психике человека⁶. В частности, автор рассматривал эмоции как психический познавательный процесс, который, с одной стороны, отражает реальность, а с

¹ Коваль Ю.Б. Эмоции как предмет психологического изучения // URL: http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/09_2010/09.pdf (дата обращения: 23.01.2019 г.).

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. С. 518.

³ См.: Там же.

⁴ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 387.

⁵ Ольшанникова А.Е. Проблема эмоций в трудах С.Л. Рубинштейна // <https://www.studentlibrary.ru/doc/ISBN9785927002177-SCN0002/060.html> (дата обращения: 23.09.2020 г.).

⁶ См.: Липер Р.У. Мотивационная теория эмоций // Психология эмоций. СПб., 2007. С. 210–234.

другой – направляет поведение на результаты отражения. Таким образом, по мнению ученого, эмоции зарождают мотивацию, а в последующем она выводится из доминирующего эмоционального состояния¹.

П.М. Якобсон утверждает, что поведение человека мотивируют (порождают) именно сильные эмоции². Таким образом, автор считает, что поведение человека порождают эмоции и другие компоненты психики.

По мнению К.О. Меджидова, эмоции являются основой для зарождения мотива и цели деятельности человека. Он подчёркивает, что такие эмоции, как чувства, настроение, страсти, мотивируют поведение, активизируя, направляя и поддерживая³.

Изложенные тезисы позволяют утверждать, что представители психологической науки по-разному подходят к определению эмоций. Вместе с тем они едины в том, что эмоции порождаются из потребности, а также являются основой для возникновения мотивации, выступая самостоятельной формой психической активности человека.

В психологии существует большое количество теорий эмоций. Это такие, как периферическая теория Ульяма Джемса; таламическая теория; биологическая теория П.К. Анохина; потребностно-информационная теория П.В. Симонова и т.д. Все они сводятся к поиску механизма запуска поведения человека. Например, идея таламической теории (теории эмоций Кеннона-Барда) заключается в том, что выражение эмоций является результатом функции гипоталамических структур, и эмоциональное переживание – результатом стимуляции таламуса. Согласно потребностно-информационной теории П.В. Симонова, эмоция является некой силой, задающей программу действий для индивида.

Таким образом, психология ориентирована на выявление происхождения эмоций, поиск их детерминантов, их программирование. При этом, подчеркнем еще раз, рассматривая их в качестве самостоятельной формы психической активности человека.

¹ См. также: Пырьев Е.А. Оценка мотивационных возможностей эмоций // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2-4. С. 972–976.

² См.: Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

³ Меджидова К.О. Мотивация как предмет научных исследований // Психология и психотехника. 2012. № 4 (43). С. 50.

Цель преступления также связана с эмоциональным состоянием. В психологических и социологических науках указывается, что целью выступают осознанные и запланированные результаты деятельности человека. С.Л. Рубинштейн пишет, что человек является сознательным существом, ставящим себе определённые цели, в связи с этим положительное или отрицательное качество эмоции определяется соотношением между целью и результатом действия¹.

В отечественной психологии целеобразование понимается как процесс порождения новых целей в деятельности человека. В соответствии с принятой терминологией оно зависит от мотивации деятельности, эмоций. Последние предшествуют и подготавливают вербальные конкретизации конечной цели и окончательную ее формулировку². Вместе с тем существует и обратная связь. Целеобразование также является существенным условием возникновения и развития эмоциональных оценок, возникающих в мыслительной деятельности личности³. Таким образом, поставленная цель в свою очередь формирует систему положительных и отрицательных эмоций.

Итак, эмоции лежат в основе формирования мотивации и конечной цели. Кроме того, эмоции могут видоизменяться в процессе реализации сформированной мотивации и цели. Можно представить следующую формулу психического процесса: осознание потребности → эмоции → мотив + эмоции → цель + эмоции → процесс реализации цели (т.е. процесс совершения общественно опасного деяния) + эмоции → достижение цели (как правило, наступление преступных последствий) + эмоции.

Следует указать, что для уголовного права интерес вызывают именно те эмоции, которые сопровождают процесс совершения преступления. Данные эмоции могут совпадать с теми, которые лежали в основе формирования мотива и цели, а могут и не совпадать. Например, эмоция негодования породила мотив мести, что привело к формированию цели – лишить другого человека жизни. Во время совершения убийства субъект преступления испытал жалость к жертве,

¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. С. 520.

² Тихомиров О.К. Психология мышления: Учебное пособие. М., 1984. URL: <http://www.persev.ru/book/psihologiya-myshleniya> (дата обращения: 25.11.2020 г.).

³ См.: Черлюнчакевич А.И. Влияние эмоций на структуру личности педагога в процессе служебной деятельности // Человеческий капитал. 2016. № 4 (88). С. 60–62.

что в результате образовало иное эмоциональное состояние. Оно не имеет уголовно-правового значения, если преступление будет оконченным, но может и изменить вектор поведения виновного, прерывающего под воздействием такой эмоции процесс лишения жизни потерпевшего.

Эмоции, цели и мотивы являются самостоятельными компонентами человеческой деятельности, выступая разными формами психологической активности, но при этом они взаимосвязаны и неотделимы друг от друга. Указанные факты являются значимыми при квалификации преступных деяний и выбора соответствующей меры наказания. Стоит заметить, что формирование эмоций, целей и мотивов происходит из потребности человека.

В специальной литературе отмечается, что действующему российскому уголовному законодательству известны следующие состояния лица во время совершения им общественно опасного деяния: состояние невменяемости; состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости; состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения – состояние аффекта; состояние необходимой обороны; состояние крайней необходимости¹. Все названные состояния включают в себя эмоциональные характеристики. Однако эмоции именно как признак преступления содержатся только в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

В уголовном праве существует мнение, что эмоции являются составной частью вины. Так, П.С. Дагель, как отмечалось ранее, отстаивал точку зрения, согласно которой субъективная сторона преступления и вина – тождественные понятия, основываясь на том, что интеллектуально-волевая деятельность преступника напрямую связана с мотивацией и эмоциональным состоянием человека². Мы не разделяем данную позицию, но она значима в том ракурсе, что автор разделяет мотивацию и эмоциональное состояние, не отождествляет их. Бесспорно, мотивация выводится из доминирующего эмоционального состояния, свойственного конкретному человеку. В свою очередь эмоциональное состояние имеет нейрофизиологические, физиологические и психологические ис-

¹ Маслова Е.В. Указ. соч. С. 187.

² Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 40.

токи, что делает данное явление универсальной мотивационной доминантой в психологии человека¹.

Уголовное законодательство относит к содержанию вины лишь психическое отношение, отражающее сознание и волю. Однако нельзя не признать, что интеллектуально-волевая деятельность человека зависит и от его эмоций.

Безусловно, связь между виной и эмоциями существует, но нельзя включать последние в содержание вины, так как, несмотря на тесную взаимосвязь между ними, они имеют самостоятельное значение для психической характеристики деятельности лица. Таким образом, необходима надлежащая оценка указанных понятий, недопустимо их отождествление.

Как известно, субъективная сторона преступления – это психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления². Она включает в себя вину (обязательный признак), мотив, цель и эмоции (факультативные признаки). Данное высказывание не означает, что в конкретном деянии лица будет присутствовать только вина. Каждый поступок в виде действий или бездействия является результатом взаимодействия совокупности элементов психической деятельности лица. Выявление интеллектуальных, волевых, мотивационных и эмоциональных моментов помогают правоприменителю принять верное решение при рассмотрении уголовного дела. Несомненно, эмоции должны влиять на дифференциацию уголовной ответственности, а также выступать обстоятельствами, смягчающими или отягчающими наказание.

Таким образом, эмоциональное состояние является самостоятельным признаком субъективной стороны состава преступления.

Умышленные преступления, в том числе и те, ответственность за которые закреплена в гл. 16 УК РФ, содержат в себе все факультативные признаки субъективной стороны состава.

Рассматривая законодательную конструкцию составов интересующих преступлений, а также анализируя правоприменительную практику, можно увидеть, что эмоциональное состояние может выступать в двух ипостасях:

¹ Пырьев Е.А. Эмоциональная мотивация: психофизиологический аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 2 (163). С. 199–203.

² Парог А.И. Указ. соч. С. 54.

– как факультативный признак субъективной стороны преступления, который может учитываться судом при назначении наказания либо освобождении от него и служить обстоятельством, смягчающим или отягчающим уголовное наказание;

– как привилегирующий признак составов определенных деяний.

Уголовный закон содержит в себе только две статьи, в соответствии с которыми квалификация преступления зависит от эмоционального состояния, – 107 и 113 УК РФ¹.

В специальной литературе справедливо отмечается, что проблемы уголовно-правовой оценки аффектированного преступления кроются не только в правоприменительном поле, но и в несовершенстве закона².

Характеризуя аффектированное преступление, следует отметить, что его специфика заключается в совершении соответствующего деяния в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Аффектированным преступление признается при одновременном наличии двух условий³:

- сильное душевное волнение и умысел возникают внезапно;
- аффект вызван виктимным поведением потерпевшего.

Вопрос установления сильного душевного волнения остается одной из достаточно сложных уголовно-правовых проблем, так как порой эмоциональное состояние трудно оценить и осуществить верную квалификацию действий преступника. Помимо этого, использование термина «аффект» как синонима «внезапно возникшего сильного душевного волнения» в рамках отечественного уголовного законодательства породило неоднозначное теоретическое понимание его места и роли при квалификации преступления.

В результате развития наук термин «аффект» стал употребляться в трех значениях: общепсихологическом, экспертном судебно-психологическом; уголовно-правовом. Законодатель определил термины «аффект» и «внезапно воз-

¹ Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А., Напханенко И.П., Попандопуло Д.В. Понятие и виды аффектов // *Философия права*. 2017. № 4 (83). С. 35-42.

² Пуляева Е.В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 17.

³ См.: Розенко С.В., Рожин А.А. Убийство, совершенное в состоянии аффекта // *Міжнародний науковий журнал Інтернаука*. 2017. Т. 2. № 3. С. 184–186.

никшее сильное душевное волнение» как идентичные¹. Вместе с тем, с точки зрения других наук, их содержание может не совпадать. Кроме того, считаем, что использование психологического термина вызывает путаницу как в науке, так и в практической деятельности.

Анализ научных трудов по психологии позволяет сделать вывод, что в психологическом смысле аффект – это происходящий у индивида кратковременный эмоциональный «всплеск», обладающий своей динамикой и оказывающий значительное влияние на сознание и психику личности. В частности, советский психолог С.Л. Рубинштейн указывал, что аффект – это бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать не подчиненную сознанию разрядку в действии индивида².

В психологии отмечается, что отличие аффекта от обычного эмоционального процесса заключается в том, что он возникает быстро, протекает стремительно и бурно (имеет взрывной характер), длится короткое время, сопровождается безотчётными действиями, не подчинёнными волевому контролю, характеризуется диффузностью, то есть захватывает всю личность, делая её неспособной к переключению внимания с объекта, вызывающего аффект, на другие объекты. Таким образом, аффект, в определённом смысле, может рассматриваться как эмоция предельно высокой интенсивности³.

В юридической психологии и психиатрии общепризнанным считается деление аффекта на физиологический, патологический, кумулятивный и прерванный⁴. В рамках исследования интерес представляют физиологический и кумулятивный аффекты. Под кумулятивным понимается такой его вид, который вызван длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением потерпевшего, а под физиологическим – эмоциональное состояние, вызванное

¹ Жерасова А.Р. Убийство, совершенное в состоянии аффекта // Аллея науки. 2017. Т. 5. № 16. С. 774–779.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1976. С. 341.

³ Психология: учеб. пособие / отв. ред. Е.В. Казакова, М.В. Корехова, Э.В. Леус. Архангельск, 2018. С. 103.

⁴ Федотова О.Ю. К вопросу об определении видов аффекта в теории уголовного права // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Могилев, 27 февраля 2014 г.). Могилев, 2014. С. 77-78. См. также: Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А., Напханенко И.П., Попандопуло Д.В. Понятие и виды аффектов. С. 35-42.

единичным (разовым) психотравмирующим воздействием поведения потерпевшего на виновного. В рамках УК РФ законодатель не конкретизирует, какой вид аффекта необходимо учитывать правоприменителю.

Впервые понятие «сильное душевное волнение» появилось в российском праве в Уголовном Уложении 1903 г., заменив «запальчивость и раздражение». Отражая определённые реалии, оно укоренилось в законе и, переходя из кодекса в кодекс, сохранило свои позиции в УК РФ¹. Тем не менее, новое понятие долгое время оставалось обыденным, а его содержание толковалось в духе общекультурных представлений своего времени на уровне простого здравого смысла². В психологической науке указанный термин используется редко. Психологи апеллируют устоявшимся термином – аффект.

Ключевое слово анализируемого понятия – «волнение». В обычном словоупотреблении оно означает «сильная тревога, душевное беспокойство»³. Представляется, что слово «душевное» в качестве синонима слова «психическое» в наши дни устарело и звучит архаично.

К сильному душевному волнению следует относить не только различного рода аффекты, но и другие эмоциональные состояния, которые возникают в результате неправомерных действий потерпевшего и характеризуются большой силой своего проявления, отличающей их от некоторых других эмоций – фрустрации, транса, стресса, эмоционального возбуждения и др.

Понятие «сильное душевное волнение» в изложении законодателя не имеет определённого объёма и содержания. Оно включает всю гамму эмоциональных состояний от простого волнения до патологического аффекта и проявляется различной степенью снижения способности осознавать свои действия и руководить ими – от незначительной до её полного уничтожения. Такой широкий подход к пониманию состояния сильного душевного волнения влечёт за собой отсутствие определённости.

Проблема тождества терминов «аффект» и «внезапно возникшее сильное

¹ Первомайский В.Б., Илейко В.Р., Простаков И.Я. Сильное душевное волнение: объём и содержание понятия в законодательстве // Архів психіатрії. 2005. Т. 11, № 4. С. 102–106.

² Шишков С. Установление «внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» // Законность. 2002. № 11. С. 25.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 124.

душевное волнение» в науке уголовного права рассматривается давно, но по-прежнему остается неразрешенной¹. Опрошенные эксперты также не могут сойтись в мнении о их соотношении. Так, 41 % опрошенных считает, что данные термины по своему содержанию совпадают, 51 % указывают на их различие².

В юридической науке существует множество споров о месте и роли аффекта в рамках отечественного законодательства. Например, рабочей группой из ведущих ученых и специалистов ГНЦ им. В.П. Сербского предложено исключить психологический термин «аффект» и употребляемое в ст. 107, 113 УК РФ в качестве его синонима понятие «внезапно возникшее сильное душевное волнение», заменив их одним понятием (термином) «внезапно возникшее выраженное эмоциональное переживание»³. Аргументируя свою позицию, ученые отмечают, что аффект как психологическое понятие сильно отличается от уголовно-правового термина «внезапно возникшее сильное душевное волнение». Употребление их в качестве синонимов ошибочно. Кроме того, внезапно возникшее сильное душевное волнение не исчерпывается только аффектами.

Полагаем, что с представленной аргументацией можно согласиться только в части, так как аффект значительно отличается по своей сути от внезапно возникшего сильного душевного волнения. Вместе с тем предложенная замена термина «душевное волнение» на «эмоциональное переживание» видится не вполне удачной, так как нам они представляются идентичными.

Поскольку юридические понятия «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» не в полной мере отображают объем и содержание привилегированного преступного деяния, а также в связи с тем, что в науке существует множество споров о значении названных терминов, представляется, что в ст. 107 и 113 УК РФ необходимо «внедрить» более обобщенное понятие. Для облегчения процесса правоприменения предлагаем в примечании к ст. 107 УК РФ представить определение термина «аффектированное состояние», понимая под ним «состояние, оказывающее определяющее влияние на сознание и

¹ См.: Лысков Б.Д. Проблема психических состояний в практике судебно-психологической экспертизы // Психические состояния: межвузовский сборник. Л., 1981. С. 39.

² См.: Приложения.

³ Предложения по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (часть 1) // Российский психиатрический журнал. 2014. № 4. С. 69.

волю лица, совершившего преступное деяние, не исключающее вменяемости, вызванное насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо его иными противоправными или аморальными действиями, а равно обусловленной ими длительной психотравмирующей ситуацией».

Данный вывод поддержало большинство принявших участие в анкетировании экспертов: 47 % респондентов согласны с необходимостью замены названных терминов, 40 % против, 13 % воздержались от ответа¹.

Согласно п. 15 ППВС РФ № 19 обязательным признаком преступлений, совершаемых в аффектированном состоянии, вызванном неправомерными действиями потерпевшего, является причинение вреда под влиянием именно внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Особенность деяний, названных в ст. 107 и 113 УК РФ, заключается в том, что им свойственна усложненная субъективная сторона². В их конструкции вина имеет специфические свойства, что позволяет отличать ее от вины в других смежных составах³.

В уголовном праве до сих пор ведутся споры относительно вида умысла, свойственного рассматриваемым преступлениям. Мы поддерживаем точку зрения тех авторов, которые считают, что аффектированное преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом⁴.

Другие исследователи утверждают, что аффектированное состояние свидетельствует исключительно о косвенном умысле. Так, в частности, В.Н. Ткаченко пишет, что аффектированный умысел является разновидностью косвенного, поскольку возникает внезапно⁵. Однако с указанной точкой зрения сложно согласиться, поскольку круг обстоятельств, при которых может быть совершено убийство в состоянии аффекта, достаточно широк, и нет необходимости огра-

¹ См.: Приложения.

² Гнездилова Д.С. Проблемы квалификации убийств, совершаемых в состоянии аффекта // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 2 (18). С. 567–570.

³ Гасанова Я.О. Убийство в состоянии аффекта: актуальные проблемы и особенности нормы // Адвокатская практика. 2006. № 3. С. 21–27.

⁴ Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. М., 2002. С. 78–79.

⁵ Ткаченко В.Н. Квалификация убийства и причинение тяжких последствий, совершенных в состоянии сильного душевного волнения // Вопросы криминалистики. 1967. № 12. С. 79–88.

ничивать субъективную сторону в части определения вины лишь косвенным умыслом. Например, совершая убийство или причиняя вред здоровью в порыве ревности или мести, человек осознает общественную опасность своих действий, предвидит наступление последствий и может желать их. Другое дело, что из-за провоцирующего поведения потерпевшего это действие совершается в состоянии аффекта при ограниченном волевом контроле виновного за своим поведением и, соответственно, подпадает под признаки ст. 107 или 113 УК РФ.

Имеет место и противоположная точка зрения о том, что природа аффекта должна исключать умышленный характер действий лица, совершившего преступление, и предполагать неосторожную форму вины, когда лицо не предвидело возможности наступления соответствующих последствий от своих действий, хотя при необходимой осмотрительности должно было и могло их предвидеть¹. Однако содержание ст. 107 и 113 УК РФ не позволяет поддержать данную точку зрения, поскольку в диспозиции ст. 107 УК РФ, а также в ее названии используется понятие «убийство», а в диспозиции 113 УК РФ – термин «умышленное». Кроме того, содержание вины при аффектированном преступлении не позволяет отнести его к деянию, совершаемому по неосторожности.

С точки зрения психологии, аффект свидетельствует исключительно о прямом умысле, так как виновный стремится устранить раздражитель, вызывающий переживания². Сложно согласиться с данной позицией, так как при совершении преступного деяния виновный может безразлично относиться к последствиям или сознательно допускать их, поскольку причинение любого вреда так или иначе нейтрализует раздражитель.

Возникновение в правоприменительной деятельности спорных вопросов при реализации указанных норм во многом предопределено отсутствием соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, касающихся вида умысла, свойственного данным преступлениям.

Названные статьи УК РФ содержат указание на семь аффектообразующих оснований. Однако вряд ли можно утверждать, что в них определен исчерпыва-

¹ См.: Гнездилова Д.С. Указ. соч. С. 567–570.

² См.: Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2012. С. 393.

ющий перечень таковых. Причиной возникновения указанного состояния могут стать и другие обстоятельства.

По мнению Е.В. Масловой, перечень оснований возникновения состояния аффекта необходимо исключить. Она полагает, что такое состояние должно подлежать уголовно-правовой оценке само по себе – без учета оснований его возникновения¹. С данной позицией сложно согласиться. Вместе с тем представляется, что для надлежащего понимания содержания составов рассматриваемых преступлений необходимо раскрыть суть аффектообразующих оснований в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Следует заметить, что в УК РФ перечень оснований намного шире по сравнению с теми, что устанавливались предыдущими российскими кодексами. Но, тем не менее, остается нерешенным вопрос, что законодатель понимает под «иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего». Необходимы их детализация и конкретизация в рамках разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ во избежание правоприменительных ошибок, а также злоупотреблений со стороны соответствующих должностных лиц. Думается, что можно предложить следующую дефиницию иных противоправных или аморальных действий – это действия (бездействие), как предусмотренные статьями УК РФ, но не подпадающие под признаки насилия, издевательства или оскорбления, так и не предусмотренные уголовным законом, но связанные с нарушением требований норм иных отраслей права или морали.

Заметим, что 87 % респондентов, принявших участие в анкетировании, согласились с представленным авторским определением².

Что касается мотивов, то на квалификацию рассматриваемого преступления они влияния не оказывают, однако их выявление необходимо для ответа на вопрос, возникало ли состояние аффекта у лица, совершившего преступление³. Анализ правоприменительной практики показал, что аффектированное преступление в большинстве случаев совершается по мотивам ревности или мести. В связи с этим следует согласиться с мнением авторов, указывающих на обяза-

¹ Маслова Е.В. Указ. соч. С. 27.

² См.: Приложения.

³ Сидоров Б.В. Указ. соч. С. 84.

тельность установления мотива преступления при квалификации аффектированного преступления¹.

С учетом осуществленного анализа специфики эмоций в структуре субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья предлагаем редакции диспозиций ст. 107 и 113 УК РФ:

«Статья 107. Убийство, совершенное в аффектированном состоянии

1. Убийство, совершенное в аффектированном состоянии....

Примечание. Под аффектированным состоянием в настоящей статье и в статье 113 настоящего Кодекса понимается состояние, оказывающее определяющее влияние на сознание и волю лица, совершившего преступное деяние, не исключающее вменяемости, вызванное насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо его иными противоправными или аморальными действиями, а равно обусловленной ими длительной психотравмирующей ситуацией».

«Статья 113. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в совершенное в аффектированном состоянии

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, совершенное в аффектированном состоянии...

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в аффектированном состоянии...».

Следует указать, что дифференциацию уголовной ответственности в ст. 113 УК РФ с учетом тяжести причиняемого здоровью вреда поддержал 91 % опрошенных экспертов².

Подобные изменения, как представляется, будут способствовать устранению проблем в толковании соответствующей нормы, облегчат правоприменительную деятельность, а также помогут отграничить убийство, совершённое в состоянии аффекта, от смежных составов преступлений.

Безусловно, в этих же целях необходимо принятие постановления Плену-

¹ См.: Бердило Р. Отграничение убийства, совершенного в состоянии аффекта, от смежных составов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 1–1 (45). С. 94–102; Пуляева Е.В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 210 и т.д.

² См.: Приложения.

ма Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в аффективном состоянии» для дачи разъяснений относительно квалификации содеянного по ст. 107 и 113 УК РФ.

При квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ эмоции также подлежат оценке, так как детоубийство тоже может быть совершено в условиях психотравмирующей ситуации. В рамках темы анализу подлежит только указанная ситуация убийства матерью новорожденного ребенка, поскольку именно данное проявление этого преступления содержит эмоциональный компонент.

Как известно, действия человека разграничиваются на рефлекторные, инстинктивные, импульсивные и волевые¹. Вся совокупность их видов образует деятельность человека. При совершении рассматриваемого вида убийства присутствуют только импульсивные и волевые действия. Волевое действие опосредуется через сознание личности. Таким образом, общественно опасные волевые акты индивида, к которым относится и данное деяние, подпадают под действие уголовного закона.

Импульсивные действия совершаются по первому побуждению (желанию), когда человек недостаточно полно обдумал возможные последствия от их воспроизведения². При детоубийстве они представляют собой эмоциональную разрядку, происшедшую в результате аффективных переживаний. Импульсивные действия совершаются в психотравмирующей ситуации, воздействующей на эмоциональное состояние субъекта преступления, которое оказывает влияние на сознание и поведение матери.

В состоянии эмоциональной напряженности поведение субъекта преступления определяется аффективной мотивацией, что снижает его возможность в полной мере объективно оценивать свои действия, ограничивает способность контролировать поступки и прогнозировать их последствия³. В связи с этим полагаем, что для надлежащей квалификации преступления необходимо эксперт-

¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2011. С. 590.

² Там же. С. 98.

³ См.: Огородникова Н.В. Об уголовно-правовом статусе психического расстройства // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского. СПб., 2005. С. 120; Улитин И.Н. Некоторые вопросы субъективной стороны убийства матерью новорожденного ребенка // Znanstvena Misel. Прага, 2019. № 29. С. 33–36.

ное определение состояния эмоциональной напряженности, которое было вызвано у матери условиями психотравмирующей ситуации.

Отметим, что только определив факультативные признаки субъективной стороны детоубийства, можно установить вид умысла.

Отдельно остановимся на анализе психотравмирующей ситуации. Определение термина вызывает ряд проблем при квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ¹. Названная ситуация по своему содержанию – не просто негативное воздействие на психику. Её можно оценить как психотравмирующую лишь после детального анализа психологического состояния субъекта преступления во время его совершения и обстановки преступного события.

В уголовно-правой науке ученые разделись на две группы при оценке места и роли психотравмирующей ситуации в составе названного преступления. Так, ряд авторов указывает, что психотравмирующая ситуация отражает обстановку совершения преступления, в связи с чем является признаком объективной стороны². Вторая группа ученых придерживается мнения, что психотравмирующая ситуация входит в субъективную сторону преступления, так как этот признак связан с эмоциональным состоянием матери³.

По мнению Ю.И. Ляпунова, под указанной ситуацией понимается эмоционально-внутренняя напряженность субъекта, способная в сочетании с беременностью и психической дестабилизацией вызвать отрицательную реакцию в виде совершения деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ⁴. Согласно точке зрения М.А. Махмудовой, психотравмирующая ситуация является своеобразным срывом нервной деятельности человека. Автор считает, что дать ей точное определение с точки зрения права и психиатрии в общем смысле вряд ли воз-

¹ См. также: Лукомская А.С. Понятие психотравмирующей ситуации в ст. 106 УК РФ // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 74–77.

² См., напр.: Махмудова М.А. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: по материалам Республики Дагестан: дис... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 41–42.

³ См., напр.: Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка: теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ: дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. С. 95.

⁴ См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов. М., 2007. С. 71.

можно¹. А.Н. Красиков полагает, что психотравмирующая ситуация складывается не сразу, а в результате повторения негативного воздействия на психику матери². А.В. Наумов относит ее к объективной стороне преступления, а именно к обстановке. По мнению автора, такая ситуация вызывается разнообразными фактами негативного воздействия на психику матери, решившейся на убийство своего ребенка³.

А.С. Лукомская понимает под рассматриваемой ситуацией конкретный набор обстоятельств, препятствующих достижению цели и субъективно способных оказать влияние на психическое состояние субъекта преступления в виде внешнего и внутреннего конфликта, выраженное определенным эмоциональным состоянием⁴. В данном случае автор подразумевает под рассматриваемой ситуацией совокупность обстоятельств, которые входят в объективную и субъективную стороны преступления. Мы солидарны с указанной позицией, так как ограничение содержания психотравмирующих ситуаций только объективными или только субъективными факторами препятствует целостному пониманию ее роли в составе преступления.

Подводя итог, необходимо согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что некоторые признаки, указанные в диспозиции ст. 106 УК РФ, нуждаются в легальном уточнении⁵. Представляется целесообразным дополнить данную норму примечанием, содержащим понятие «психотравмирующая ситуация». Мы предлагаем следующую дефиницию последней: «Примечание. Под психотравмирующей ситуацией в настоящей статье следует понимать совокупность объективных и субъективных обстоятельств, связанных с беременностью, родами, состоянием матери и ребёнка, отрицательно воздействующих на психику женщины, вызывающих отрицательные эмоции у матери, что снижает ее возможность адекватно оценивать свои действия, ограничивает способность

¹ Махмудова М.А. Указ. соч. С. 42.

² Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 124.

³ Наумов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 286.

⁴ Лукомская А.С. Указ. соч. С. 74–77.

⁵ Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Lex russica (Русский закон). 2018. № 3 (136). С. 94–114.

контролировать свои поступки и прогнозировать их возможные последствия».

Анкетирование экспертов показало, что 69 % из них видят проблемы в толковании термина «психотравмирующая ситуация», содержащегося в ст. 106 УК РФ. Кроме того, 72 % считают приемлемым определение психотравмирующей ситуации, представленное нами¹.

В действующем уголовном законе отсутствует указание на обстоятельства, смягчающие наказание, связанные с эмоциональной составляющей благих намерений. К примеру, в случае совершения лицом деяния, предусмотренного ст. 116¹ УК РФ, при защите третьего лица от натисков потерпевшего не учитывается первичная эмоциональная реакция субъекта преступления. В указанных случаях правоприменителю необходимо рассматривать эмоции в виде смягчающего обстоятельства. Безусловно, законодатель установил, что при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ. Вместе с тем думается, что указание на благие намерения в качестве обстоятельства, смягчающего уголовное наказание, будет способствовать формированию единообразной судебной практики и послужит основанием для должной индивидуализации уголовного наказания.

Противоположным примером могут служить эмоциональная несдержанность, вспыльчивость, агрессивность как черты характера субъекта преступления. Они могут выступать так называемым «спусковым крючком», фактором совершения преступного деяния, которого можно было бы избежать при должном самообладании. Полагаем, что выявление указанных эмоций и психологических склонностей должно служить одним из «кирпичиков» фундамента индивидуализации наказания.

Наглядным примером, когда эмоции присутствуют в качестве фактического признака субъективной стороны преступления, является совершение соответствующего деяния при превышении пределов необходимой обороны. Эмоции оказывают сильное влияние на поведение человека в экстремальной ситуации, что способно дестабилизировать его волевую сферу. У лица, действующего в подобной ситуации, может происходить так называемое сужение сознания. В

¹ См.: Приложения.

специальной литературе отмечается, что оно характеризуется тем, что человек осознает суженный круг явлений, только лишь ближайшие цели действий, непосредственно связанные с испытываемыми в тот момент переживаниями, что ведет к снижению уровня волевого контроля поведения¹. В большинстве случаев для обороняющегося характерен аффект страха, естественного защитного рефлекса реакции самосохранения, возникающий в ответ на угрозу причинения вреда. При таком аффекте человеком движет потребность в устранении источника опасности, все силы направляются на её удовлетворение. Именно эмоция страха прежде всего предопределяет превышение пределов необходимой обороны. Поэтому в п. 4 ППВС РФ № 19 закреплено, что при рассмотрении дела суд изучает эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т.п.).

Так, приговором Кунцевского районного суда г. Москвы от 20 сентября 2017 г. деяния лица были квалифицированы по ч. ст. 114 УК РФ. При рассмотрении дела суд учел заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы, согласно которому субъект преступления в момент совершения преступления находился в состоянии эмоционального напряжения, обусловленного поведением потерпевшего, и испытывал переживания, страх, опасения за свою безопасность, растерянность, что несколько снижало возможность интеллектуального опосредования действий, прогноза их возможных последствий².

Вместе с тем в большинстве случаев при рассмотрении дел, в том числе о преступлениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 108 и 114 УК РФ, суды формально подходят к оценке эмоций преступника.

Оценка судом эмоционального состояния как обстоятельства, влияющего на назначение наказания, прослеживается и применительно к другим составам преступлений против жизни и здоровья. Так, согласно приговору Верховного Суда Республики Татарстан от 24 ноября 2017 г. несовершеннолетнее лицо со-

¹ Еникеев М.И. Юридическая психология: с основами общей и социальной психологии. М., 2008. С. 85.

² См.: Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://vsrf.ru> по состоянию на 02.07.2019 г. (дата обращения: 14.09.2020 г.).

вершило преступления, предусмотренные, в том числе, п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При рассмотрении апелляционной жалобы Верховным Судом РФ указано, что судом в соответствии со ст. 89 УК РФ при назначении осужденному наказания учтены индивидуально-психологические особенности, такие как эмоциональная незрелость, ориентация на авторитетное лицо, ослабленный контроль над эмоциями, а также уровень психического развития и особенности личности, влияние на виновного старших преступников¹.

Подводя итог анализу признака «эмоциональное состояние» в составах преступлений против жизни и здоровья, можно сделать следующее *выводы*:

1. В настоящее время в уголовно-правовой науке существует несколько позиций относительно определения места и роли эмоций в уголовном праве:

- эмоции являются факультативным признаком субъективной стороны преступления;
- эмоции образуют характеристику субъекта преступления;
- эмоции являются сопутствующим элементом умышленной формы вины.

В разделе обоснован вывод, что эмоции являются самостоятельным признаком субъективной стороны преступления. Применительно к посягательствам на жизнь и здоровье личности они обладают индивидуальными особенностями, так как эмоциональное состояние учитывается при квалификации аффектированных преступлений, причем последние предусмотрены только в гл. 16 УК РФ.

2. Эмоциональное состояние может выступать в двух ипостасях: во-первых, как факультативный признак субъективной стороны преступления, который может учитываться судом при назначении наказания либо освобождении от него, и служить обстоятельством, смягчающим или отягчающим наказание; во-вторых, как привилегирующий признак состава преступления.

3. Законодатель определил термины «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» как идентичные. Вместе с тем, с точки зрения других наук, их содержание может не совпадать. Кроме того, считаем, что исполь-

¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.01.2018 г. № 11-АПУ18-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://onlineovp1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=140511596011501255920685804&cacheid=EA0487067E8F11404C42600DA643C306&mode=splus&base=ARB&n=529464> (дата обращения: 14.09.2020 г.).

зование психологического термина вызывает путаницу как в науке, так и в практической деятельности. Поскольку юридическое понятие «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» не в полной мере отображает объём и содержание привилегированного преступного деяния, а также в связи с тем, что в науке существует множество споров о сути и значении названных терминов, видится целесообразным включение в ст. 107 и 113 УК РФ более обобщенной категории. В связи с этим в работе предложены редакции диспозиций ст. 107 и 113 УК РФ. Кроме того, полагаем, что необходимо раскрыть содержание сути аффектообразующих оснований в специализированном постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в аффектированном состоянии», принятие которого считаем целесообразным. При изучении аффектированных состояний разработана дефиниция термина «иные противоправные или аморальные действия», представленная в настоящем разделе работы.

4. В рамках рассмотрения такого признака субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, как эмоциональное состояние, были затронуты проблемы детоубийства. Определение термина «психотравмирующая ситуация» вызывает ряд проблем при квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ. В связи с этим представляется целесообразным дополнить данную норму примечанием, содержащим понятие психотравмирующей ситуации, редакция которого представлена в данном разделе диссертации.

5. Установлено, что в действующем УК РФ отсутствует указание на обстоятельства, смягчающие наказание, связанные с эмоциональной составляющей благих намерений. Представляется, что их закрепление в рамках ст. 61 УК РФ будет способствовать формированию единообразной судебной практики и послужит дополнительным основанием для индивидуализации наказания.

6. Верховным Судом РФ в рамках разъяснений должна быть официально поставлена задача установления по каждому уголовному делу субъективной стороны преступления в полном объеме, включая эмоции. Это необходимо не только для правильной квалификации содеянного, но и для назначения справедливого уголовного наказания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведения теоретико-прикладного исследования факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, изучения философских, психологических и уголовно-правовых характеристик и особенностей мотивов, целей и эмоций, свойственных названным деяниям, сформулирован ряд выводов, положений, предложений и рекомендаций, которые отвечают требованиям научной новизны, имеют теоретическое и практическое значение.

Первую их группу составляют положения, вытекающие из философского и уголовно-правового анализа, заключающиеся в следующем:

1. Использование философско-логического инструментария позволило констатировать, что причинность выступает необходимой связью между эмоциями, мотивами и целями преступлений. Они являются не только составляющими субъективной стороны преступления, но и входят в систему его причинности. Эмоциональное состояние лица выступает первопричиной возникновения цели и мотива совершения преступления, а цель и мотив в свою очередь являются первопричиной возникновения эмоционального состояния, формирующегося во время совершения преступления. Таким образом, рассматриваемые категории выступают первопричинами по отношению друг к другу, оказывая существенное, а порой определяющее влияние на процесс формирования и реализации преступного намерения.

В результате проведенного философского анализа сформулировано предложение о дополнении ст. 60 УК РФ частью 4 в следующей редакции: «При назначении наказания лицу, признанному виновным в умышленном преступлении, учитываются его эмоциональное состояние во время совершения преступления, мотивы и цели преступления».

2. При анализе уголовно-правового значения указанных признаков установлено, что только преступления с умышленной формой вины содержат в своем составе соответствующие обстоятельства. Они могут быть учтены непосредственно в уголовном законе, а могут присутствовать фактически, влияя на реа-

лизацию принципа справедливости при назначении наказания. Дополнительно обосновано, что каждый поведенческий акт субъекта преступления является результатом взаимодействия всей совокупности элементов его психической деятельности. «Расчленение» субъективной стороны преступления на интеллектуальные, волевые, мотивационные, целеполагающие и эмоциональные компоненты является необходимым условием для верной квалификации деяния и назначения справедливого наказания.

3. Глава 16 УК РФ закрепляет ряд преступных деяний, для которых факультативные признаки субъективной стороны преступления выступают в качестве обязательного (конструктивного), квалифицирующего или привилегирующего обстоятельства. Подобное деление может рассматриваться как классификация факультативных признаков субъективной стороны и применительно к преступлениям против жизни и здоровья. В УК РФ в гл. 16 предусмотрены посяательства, составы которых включают в себя в качестве обязательных либо квалифицирующих и подлежащих установлению обстоятельств низменные мотивы и цели преступного деяния. Эмоциональное состояние как признак субъективной стороны в таком качестве в УК РФ не используется. Вместе с тем в ст. 106, 107 и 113 УК РФ указаны привилегирующие признаки, связанные с эмоциями, переживаемыми субъектом во время совершения деяния.

4. Для синтеза материального и процессуального права и единого подхода к уголовно-правовому значению факультативных признаков субъективной стороны преступления в законодательстве предлагается содержание п. 2 ст. 73 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию....

2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины, мотивы, цели и *эмоции во время совершения преступного деяния*».

Вторая группа выводов вытекает из компаративистского анализа исторических памятников отечественного права и законодательства зарубежных стран в соответствующей его части:

1. Изучение эволюции интересующих нас признаков позволяет сделать вывод, что предпосылки их формирования возникли еще в древности с появле-

нием первых памятников отечественного права. Для конкретизации названного процесса в работе предложена авторская его этапизация. Изучение процесса законодательного закрепления мотивов, целей и эмоций в составах преступлений против жизни и здоровья позволяет заключить, что эволюция интересующего нас института должна продолжаться.

3. Анализ законодательства стран ближнего зарубежья показал, что уголовные кодексы в целом схожи в части регламентации преступлений против жизни и здоровья. В результате анализа выявлены заслуживающие внимания положения нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека» в части разъяснения содержания факультативных признаков субъективной стороны в составах этих преступлений. Считаем полезным заимствование ряда положений из постановлений Верховного Суда РК, которые касаются мотивов, целей и эмоций, предусмотренных для преступлений против жизни и здоровья, а именно вопросов квалификации убийства, совершенного с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения; понятия аффективного состояния; условий вменения такого привилегированного состава убийства, как его совершение в состоянии аффекта; реализации нормы о необходимой обороне, требующей учета эмоционально-психического состояния лица, характеризующегося страхом или испугом, а также неадекватностью его действий в результате замешательства, вызванного общественно опасным посягательством; а также требования тщательно выяснять цель, мотив, форму вины, способ совершения деяния и другие обстоятельства, имеющие значение для правильной уголовно-правовой оценки соответствующей ситуации.

Подобные положения могут быть отражены и в отечественных актах официального судебного толкования, что будет способствовать формированию единой судебной практики, верной уголовно-правовой оценке содеянного.

4. Проведенный анализ уголовного права стран дальнего зарубежья позволяет заключить, что их законодатели не придают большого значения факультативным признакам субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья при конструировании составов последних. Вместе с тем все

законодатели указывают на принципы дифференциации ответственности, индивидуализации наказания. Законодательству стран дальнего зарубежья известны преступления, которые отсутствуют в отечественном уголовном праве. Так, §216 УК ФРГ устанавливает ответственность за убийство из сострадания по настойчивой или серьезной просьбе потерпевшего. Видится вполне обоснованной имплементация подобной нормы в УК РФ путем его дополнения ст. 105¹ в предложенной в диссертации редакции.

В *третью группу* входят выводы, вытекающие из исследования законодательных подходов к использованию факультативных признаков субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья:

1. Анализ подходов к использованию признака «мотив» субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья показал, что при его формулировании законодатель использует как единственное, так и множественное число. В рамках гл. 16 УК РФ предложено указание на мотив сформулировать единообразно в единственном числе.

2. При изучении мотивов преступлений против жизни и здоровья установлено, что в УК РФ отсутствует единообразие в использовании терминов. Закон оперирует категориями «мотив» и «побуждение». Представляется, что термин «побуждение» необходимо заменить на «мотив», так как первое выступает в качестве компонента мотива и не может выступать его синонимом. Подобная замена устранила нарушение юридической техники и будет способствовать правильному пониманию содержания нормы.

3. В настоящее время отсутствуют полновесные разъяснения по применению п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что приводит к ошибкам в квалификации преступления и при назначении наказания. Несмотря на то, что этот вид убийства не имеет широкого распространения, необходима разработка рекомендаций по вопросам содержания его состава и квалификации для того, чтобы избежать неверной уголовно-правовой оценки содеянного.

4. В связи с тем, что дефиниция корыстного мотива в уголовном законе отсутствует, а его трактовка Верховным Судом РФ не в полной мере отражает его содержание, а также связывает последнее с целью преступления, что является

ся неверным, так как мотив корысти в первую очередь предполагает удовлетворение потребности, а не достижение конкретной цели, видится целесообразным закрепление следующей трактовки убийства, совершаемого по корыстному мотиву, в ППВС № 1: «По п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ (убийство по корыстному мотиву) следует квалифицировать убийство, совершенное *для удовлетворения потребности* в получении материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).»

5. Квалифицирующий признак совершения преступления из хулиганских побуждений является оценочным понятием, поэтому в науке уголовного права нет однозначной дефиниции названного мотива. В процессе его изучения установлено, что в данном случае доминирующим обстоятельством выступает внутреннее психическое отношение лица, совершающего преступное деяние, охватывающее осознание факта причинения вреда обществу в целом.

На практике при квалификации преступлений нередко ошибочно «смешиваются» хулиганский мотив и личная неприязнь к потерпевшему. При рассмотрении данной проблемы выявлено, что субъективная направленность индивида на нарушение общественного порядка, объективируемая в форме наглых, циничных, оскорбительных действий, является главным аргументом при распознавании хулиганского мотива при причинении вреда жизни или здоровью.

6. Конструкция экстремистского мотива не отвечает требованиям юридической техники, придает казуистичный характер нормам уголовного права. В связи с этим для «облегчения» конструкции составов преступлений, указанных в п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ч. 2 ст. 119 УК РФ, предложено заменить существующую формулировку на «экстремистский мотив», одновременно представив его содержание в полном объеме в примечании к ст. 105 УК РФ.

7. Современная конструкция мотивов, закрепленных в ст. 116 и ч. 2 ст. 119 УК РФ, нарушает правила дифференциации ответственности. В связи с этим предложено в ст. 116 УК РФ и ч. 2 ст. 119 УК РФ выделить соответствующую

щие признаки, связанные с мотивом преступления, в самостоятельные части нормы сообразно критерию степени их общественной опасности.

8. При квалификации преступлений немаловажное значение играют мотивы, не имеющие низменного содержания. В связи с тем, что в правоприменительной практике возникают проблемы и коллизии при квалификации преступлений против жизни, предложено в абз. 2 п. 1 ППВС РФ № 1 добавить следующую формулировку: «По каждому такому делу должны быть установлены и отображены в приговоре форма вины, мотив, цель ... причинения смерти другому человеку, а также исследованы и указаны иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания». Такое дополнение обяжет судебную инстанцию указывать в приговоре все признаки субъективной стороны преступления, что приведет к полному пониманию логики суда при квалификации преступного деяния, а также будет способствовать соблюдению принципов обоснованности и справедливости принимаемого решения.

9. Особое значение для квалификации преступлений против жизни и здоровья имеют мотивы мести и ревности. Трудности определения мотивов мести и ревности возникают при разграничении «простого» убийства со смежными составами преступлений, такими как убийство в состоянии аффекта и убийство при превышении пределов необходимой обороны. Полагаем, что конкретизация понятия мотива мести и ревности в ППВС № 1 поможет определить их содержание и отграничить от других видов мотивов.

10. При изучении подходов к конструированию признака «цель» установлено, что ее формулировку в п. «м» ч. 2 ст. 105 и п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ необходимо изложить в единственном числе. Это изменение позволит правоприменителю верно оценивать обстоятельства совершенного преступления и осуществлять грамотную его квалификацию.

11. Для «чистоты» вменения такого квалифицирующего признака преступного деяния, как «использование органов или тканей потерпевшего», целесообразно п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120 УК РФ дополнить указанием на все компоненты, названные в ст. 68 Федерального закона от

21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Предлагается изложить указанный признак в следующей редакции: «с целью использования тела, органов или тканей потерпевшего».

12. Для унификации отечественного законодательства, правильного конструирования составов преступлений и обеспечения соответствия отечественного уголовного закона требованиям международного права видится целесообразным выделение пыток в качестве самостоятельного состава преступления путем дополнения УК РФ ст. 117¹ («Пытки»). Думается, что квалифицирующие признаки, указанные в ст. 117 УК РФ, могут быть полностью использованы применительно к пыткам. Вместе с тем в данный перечень необходимо добавить признак, указывающий на специального субъекта преступления.

13. Используемый в диспозиции п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ предлог «в связи» означает, что при совершении данного вида убийства субъект должен руководствоваться определенным мотивом и целью. Полагаем, что для точного понимания и толкования квалифицирующего признака, указанного в п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ, необходимо его изложить в следующей редакции: «...в отношении лица или его близких *с целью* воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность».

14. В рамках изучения подходов к использованию признака «эмоциональное состояние» установлено, что законодатель определил термины «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» как идентичные. Вместе с тем с точки зрения других наук их содержание может не совпадать. Кроме того, считаем, что использование психологического термина вызывает путаницу как в науке, так и в практической деятельности. Поскольку юридическое понятие «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» не в полной мере отображают объем и содержание привилегированного преступного деяния, а также в связи с тем, что в науке существует множество споров о значении названных терминов, видятся вполне обоснованными включение в закон более обобщенного понятия – аффектированное состояние и корректировка названий

и диспозиций ст. 107 и 113 УК РФ, которые представлены в тексте диссертации. Считаем необходимым произвести дифференциацию уголовной ответственности в ст. 113 УК РФ сообразно тяжести причиняемого здоровью вреда.

Кроме того, считаем, что для надлежащего понимания аффектированного состояния необходимо раскрыть содержание аффектообразующих оснований в специализированном постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в аффектированном состоянии», принятие которого видится целесообразным. При изучении аффектированных состояний предложена дефиниция термина «иные противоправные или аморальные действия».

15. При изучении эмоций, свойственных детоубийству, выявлено, что определение термина «психотравмирующая ситуация» вызывает ряд проблем при квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ. Поэтому представляется целесообразным дополнить данную норму примечанием, содержащим понятие психотравмирующей ситуации, редакция которого представлена в тексте работы.

16. В действующем уголовном законодательстве отсутствуют обстоятельства, смягчающие наказание, связанные с эмоциональной составляющей благих намерений. Представляется, что их закрепление в рамках ст. 61 УК РФ будет способствовать формированию единообразной судебной практики и послужит дополнительным основанием для индивидуализации уголовного наказания.

17. Полагаем, что Верховным Судом РФ в рамках разъяснений должна быть официально поставлена задача установления по каждому уголовному делу субъективной стороны преступления в полном объеме, включая эмоции. Это необходимо не только для правильной квалификации содеянного, но и для назначения справедливого наказания. Выяснение эмоционального состояния позволяет оценить мотивационные, целевые характеристики и психическое состояние субъекта во время совершения преступного деяния. Выявление интеллектуальных, волевых, мотивационных, целеполагающих и эмоциональных компонентов содержания субъективной стороны содеянного поможет правоприменителю принять верное решение. Несомненно, эмоции должны влиять на индивидуализацию уголовной ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Нормативные правовые акты

1.1 Нормативные правовые акты и иные официальные материалы Российской Федерации

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 24.02.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

3 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (ред. от 24.02.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) 1994 г. (ред. от 09.03.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

5 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ (ред. от 22.02.2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52146/.

6 О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212385/.

7 О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-I (ред. от 08.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/.

8 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

9 Приказ Минздрава России № 305н, РАН № 2 от 04.06.2015 г. «О признании утратившим силу приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Российской академии медицинских наук от 25 мая 2007 г. № 357/40 «Об утверждении Перечня органов и (или) тканей человека – объектов трансплантации, Перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих трансплантацию органов и (или) тканей человека, и Перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор и заготовку органов и (или) тканей человека» (зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2015 № 37703) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181442/.

1.2 Международные правовые акты

10 Токийская декларация (принята 29-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Токио, Япония, октябрь 1975 г.). URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:5zvPB0MYqFwJ:ocmp.belzd-rav.ru/>.

11 Лиссабонская декларация прав пациента (принята 34-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Лиссабон, Португалия сентябрь/октябрь 1981 г.). URL: <http://www.med-pravo.ru/Ethics/LisbonDecl.htm>.

12 Венецианская Декларация о терминальном состоянии (принята 35-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, октябрь 1983 г.). URL: <http://www.med-pravo.ru/International/Terminal.htm>.

13 Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.

14 Модельный Уголовный кодекс (с изм. на 16 ноября 2006 г.) (принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества независимых государств (постановление № 7–5 от 17 февраля 1996 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490>.

1.3 Памятники отечественного права

15 Закон СССР от 25.12.1958 г. (ред. от 08.04.1989 г.) «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 501.

16 Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) (ред. от 30.07.1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/.

17 Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Собрание узаконений 1926. № 80. Ст. 600.

18 Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Собрание узаконений 1922. № 15. Ст. 153.

19 Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

20 Указ Президиума Верховного Совета от 21.01.1987 г. № 6416–XI «О ратификации Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 4. Ст. 59.

21 Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков. / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1988. Т. 6.

22 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845.

23 Свод законов Российской империи // Российское законодательство X–XX вв. Том 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986.

- 24 Артикул Воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX вв. Том 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков; под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986.
- 25 Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX вв. Том 3: Акты Земских соборов / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985.
- 26 Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985.
- 27 Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985.
- 28 Псковская судная грамота. [Электронный ресурс] // Библиотека древних рукописей. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php
- 29 Русская Правда. Краткая и пространная редакции // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т.1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984.
- 30 Договоры Руси с Византией. Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре 911 г. // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984.

1.4 Современное зарубежное законодательство

- 31 Закон о детоубийстве 1938 г. (Infanticide Act 1938). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/1-2/36/section/1>.
- 32 Закон о преступлениях против личности 1861 г. (Offences Against the Person Act 1861). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/24-25/100/contents>.
- 33 Закон о преступности и беспорядках 1998 г. (Crime and Disorder Act 1998). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents>.

34 Закон о трансплантации 1997 г. (Gesetz über die Spende, Entnahme und Übertragung von Organen und Geweben (Transplantationsgesetz – TPG) von 05.11.1997 г. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/>.

35 Закон об убийстве 1957 г. (Homicide Act 1957). URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/5–6/11/contents>.

36 Закон об убийстве 1965 г. (Murder (Abolition of Death Penalty) Act 1965). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/71>.

37 Примерный уголовный кодекс США 1962. URL: https://archive.org/details/ModelPenalCode_ALI.

38 Свод законов США. URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/uscode/>.

39 Уголовный (Пенитенциарный) кодекс Эстонской Республики 2002 г. (по сост. на 04.03.2021 г.). URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/penitenciarnyy-kodeks>.

40 Уголовный закон Латвии 1998 г. (по сост. на 21 апреля 2016 г.). URL: <http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf>.

41 Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 г. (по сост. на 18.12.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353.

42 Уголовный кодекс Германии (Strafgesetzbuch (StGB)). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

43 Уголовный кодекс Грузии 1999 г. (по сост. на 18.09.2020 г.). URL: <https://matsne.gov.ge/>.

44 Уголовный кодекс Китая (中华人民共和国刑法). URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000–12/17/content_5004680.htm.

45 Уголовный кодекс Кыргызской республики 2016 г. (по сост. на 31.12.2020 г.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527>.

46 Уголовный кодекс Литовской республики 2000 г. (по сост. на 20.01.2021 г.). URL: https://www.infolex.lt/portal/start_ta.asp?act=doc&fr=pop&doc=66150#.

47 Уголовный кодекс Республики Армения 2003 г.

(по сост. на 29.12.2020 г.). URL:
<http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>.

48 Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (по сост. на 06.01.2021 г.). URL: <http://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275>.

49 Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. (по сост. на 30.12.2020 г.). URL:
https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&doc_.

50 Уголовный кодекс Республики Молдова 2002 г. (по сост. на 16.12.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30394923.

51 Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. (по сост. на 17.12.2020 г.). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324.

52 Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. (по сост. на 18.02.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110.

53 Уголовный кодекс Туркменистана 1997 г. (по сост. на 22.08.2020 г.). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483.

54 Уголовный кодекс Украины 2001 г. (по сост. на 18.02.2021 г.). URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/>.

55 Уголовный кодекс Франции (Code pénal). URL:
<https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719>.

56 Уголовный кодекс Японии (日本刑法典). URL:
<https://baike.baidu.com/item/%E6%97%A5%E6%9C%AC%E5%88%91%E6%B3%95%E5%85%B8>.

2 Судебная практика и статистические материалы

2.1 Судебная практика и статистические материалы

Российской Федерации

57 Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13–П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об испол-

нительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 6.

58 О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/.

59 О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

60 О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/.

61 О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307089/.

62 Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://vsrf.ru> по состоянию на 02.07.2019 г.

63 Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2007 г. № 299–П07 // ИПС «ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/1784694/>.

64 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.01.2018 г. № 11-АПУ18-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL:

<https://onlineovp1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=140511596011501255920685804&cacheid=EA0487067E8F11404C42600DA643C306&mode=splus&base=ARB&n=529464>.

65 Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19 июня 2014 г. № 22–5144/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/>.

66 Приговор Дюртюлинского районного суда Республики Башкортостан по делу № 1–103/2013 от 1 октября 2013 г. URL: <https://sudact.ru/>.

67 Приговор Костомукшского городского суда Республики Карелия от 13 июня 2019 года по делу № 1–71/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8Lm4DpS77i3/>.

68 Приговор Курганского областного суда от 2 сентября 2011 г. по делу № 2–52/2011. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uf9YS8E1biN1/>.

69 Приговор Новосибирского областного суда от 20 января 2020 г. по делу № 2–37/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m7uWhXqdG35x>.

70 Приговор Пушкинского городского суда Московской области по делу № 1–141/2015 от 14 мая 2015 г. URL: <https://sudact.ru/>.

71 Приговор Свердловского областного суда от 30 января 2018 г. по делу № 1–49/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CrZZAZX4nTdl/>.

72 Приговор судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 03 сентября 2015 г. по делу № 22–5110/2015. URL: <https://internet.garant.ru/>.

73 Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 31 октября 2014 г. по делу № 22–3569/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6Kkxbuq4vng/>.

74 Приговор Шалинского городского суда Чеченской Республики от 19 ноября 2019 г. по делу № 1–200/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rX1ZRKlrI1p/>.

2.2 Судебная практика зарубежных стран

75 BGH 1 StR 422/18 – Решение от 24 октября 2018 г. (LG Traunstein). URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/18/1-422-18.php>.

76 People v. Casassa, 49 NY 2d 668 – NY: Court of Appeals 1980. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=964669902184471272&q.

77 People v. Ross, 34 AD 3d 1124 – NY: Appellate Div., 3rd Dept. 2006. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=10874442328261362211&q.

78 People v. White, 79 NY 2d 900 – NY: Court of Appeals 1992. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=16456277744805983664&q.

79 The People &c., Respondent, v. Lydell Harris, Appellant. 2000 NY Int. 122. URL: https://www.law.cornell.edu/nyctap/I00_0122.htm.

80 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000001S_.

81 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 2 «О применении законодательства о необходимой обороне». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000002S_.

82 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 г. № 7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P09000007S_.

3 Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

83 Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации / под ред. Е.С. Ивашкиной, В.Г. Детковой. М., 2004.

84 Абрашкевич М.М. Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция, прочитанная 23-го марта 1903 года в актовом зале Императорского Новороссийского Университета в пользу Одесского Исправительного

приюта для малолетних преступников. Одесса, 1903.

85 Авдеев М.И. Курс судебной медицины. М., 1959.

86 Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. СПб., 2013.

87 Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.

88 Бабий Н.А. Квалификация убийств при отягчающих обстоятельствах: монография. М., 2014.

89 Бачинин В.А. Философия преступления: конспект лекций. СПб., 2000.

90 Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. Т. 1: Часть Общая. СПб., 1867.

91 Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994.

92 Булгаков С. Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. М., 1912.

93 Бунге Марио. Причинность: Место принципа причинности в современной науке. Пер. с англ. / общ. ред. и закл. Ст. Г. С. Васецкого. Изд. 2-е. М., 2010.

94 Бэкон Ф. Сочинения: в 2 томах / пер. с англ. Т. 1: О достоинствах и приумножении наук. М., 1971.

95 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907.

96 Волков А.М. Административное право в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2018.

97 Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань, 1982.

98 Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб., 2015.

99 Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.

100 Гладких В.И., Федотов П.В., Шутов Р.Н. Уголовное право. Общая и

Особенная части: курс лекций. М., 2010.

101 Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия = Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2015.

102 Громов А.Л. Курс лекций по судебной медицине. М., 1970.

103 Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.

104 Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценки в уголовном праве. М., 1975.

105 Еникеев М.И. Общая и социальная психология: учебник для вузов. М., 1999.

106 Еникеев М.И. Юридическая психология: с основами общей и социальной психологии. М., 2008.

107 Загородников Н.И. Преступления против жизни. М., 1961.

108 Зеленкова И.Л. Основы этики: учебное пособие. М., 2001.

109 Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980.

110 История государства и права России: учебник / В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев и др.; под ред. Ю.П. Титова. М., 2012.

111 История политических и правовых учений / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 2000.

112 История философии: учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М., 2005.

113 Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1866.

114 Канке В.А. Основы философии. М., Логос, 2008.

115 Касьянова Г.В. Квалификация преступлений: учебно-методическое пособие. Витебск, 2006.

116 Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2007.

117 Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 2001.

- 118 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2016.
- 119 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017.
- 120 Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999.
- 121 Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
- 122 Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968.
- 123 Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2003.
- 124 Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступления. М., 1958.
- 125 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969.
- 126 Леонтьев А.А. Деятельностный ум. М., 2001.
- 127 Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М., 2000.
- 128 Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
- 129 Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право древней Руси XI-XII вв. (по данным Русской Правды). Армавир, 2011.
- 130 Лопашенко Н.А. Убийства: монография. М., 2013.
- 131 Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2012.
- 132 Максименко С.Д. Общая психология М., 2001.
- 133 Маркин А.В. Философия права: электронное учебно-методическое пособие к практическим занятиям. Тольятти, 2018.
- 134 Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004.
- 135 Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001.
- 136 Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917-1918 гг. М., 1954.

- 137 Музюкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение. М., 2015.
- 138 Наумов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996.
- 139 Наумов А.В. Мотивы убийств: учебное пособие / под ред. Н.А. Огурцова. Волгоград, 1969.
- 140 Научные основы квалификации преступлений: учебник / С.Н. Шапилов и др. Тюмень, 2015.
- 141 Парнюк М.А. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972.
- 142 Печников Н.П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России. Тамбов, 2009.
- 143 Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии. Екатеринбург, 2003.
- 144 Практикум по квалификации отдельных видов преступлений: учебник / М.Н. Косарев, С.Н. Сабанин [и др.]. Екатеринбург, 2017.
- 145 Преступления против личности: учебник для вузов / И.А. Подройкина [и др.]; под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серегиной. М., 2021.
- 146 Психиатрия: учебник для студ. мед. вузов / М.В. Коркина, Н.Д. Лакосина, А.Е. Личко, И.И. Сергеев. М., 2006.
- 147 Психология: учебное пособие / отв. ред. Е.В. Казакова, М.В. Корехова, Э.В. Леус. Архангельск, 2018.
- 148 Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. М., 2013.
- 149 Райский М.И. Судебная медицина. М., 1953.
- 150 Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003.
- 151 Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2008.
- 152 Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М., 2015.
- 153 Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений.

М., 2001.

- 154 Рожков И. Очерки юридического быта по Русской Правде. М., 2011.
- 155 Романов В. В. Юридическая психология: краткий курс лекций. 2–е изд., перераб. и доп. М., 2014.
- 156 Российское гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011.
- 157 Российское законодательство / под ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М., 1984.
- 158 Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986.
- 159 Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015.
- 160 Российское уголовное право / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
- 161 Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014.
- 162 Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015.
- 163 Российское уголовное право. Общая часть / под ред. Э. Ф. Побегайло. М., 2008.
- 164 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.
- 165 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2011.
- 166 Рымарев Д.С. Вина как необходимое условие конституционно-правовой ответственности участников выборов: монография. Иркутск, 2017.
- 167 Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособ. Екатеринбург, 2010.
- 168 Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. М., 2002.
- 169 Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004.
- 170 Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение: учеб. пособие. М., 2011.

- 171 Сравнительное правоведение: учебное пособие / под ред. Е.Е. Амплеевой, И.Л. Честнова. СПб., 2017.
- 172 Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. СПб., 1902.
- 173 Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1912.
- 174 Теория государства и права в вопросах и ответах: учебное пособие. / А. Ф. Колотов, О. С. Вырлеева-Балаева, В. Н. Симонов, И. В. Скуратов, Ю. В. Ярыгина. Оренбург, 2013.
- 175 Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2001.
- 176 Тихомиров О.К. Психология мышления: учеб. пособие. М., 1984.
- 177 Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. Д. Козочкина. М., 2010.
- 178 Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017.
- 179 Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург, 2016.
- 180 Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
- 181 Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
- 182 Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. II. Субъективная сторона преступления / под. ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016.
- 183 Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М., 2008.

- 184 Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов. М., 2007.
- 185 Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 2001.
- 186 Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2014.
- 187 Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. М., 2005.
- 188 Философия: учебник для вузов / под ред. В.Н. Лавриненко. М., 2002.
- 189 Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990.
- 190 Чубинский М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве. Ярославль, 1900.
- 191 Шаргородский М.Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. М., 1945.
- 192 Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
- 193 Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

4 Научные статьи

- 194 Aktueller Begriff. Mord und Totschlag – aktuelle Reformdebatte // Deutscher Bundestag Nr. 17/15 (20. Juli 2015). URL: <https://www.bundestag.de/>.
- 195 Dr. Greco, Luis Ehrenmorde im deutschen Strafrecht. Zeitung für Internationale Strafrechtsdogmatik. Ausgabe 7-8/2014. URL: <https://www.zwangsheirat.de/informationen/materialien/186-fachliteratur>.
- 196 Erin Cassese. Emotion, attribution, and attitudes toward crime // Journal of Integrated Social Sciences www.jiss.org, 2011. 2(1).
- 197 Абрамова А.В. Проблема рациональности эмоций в истории фило-

софии: современная интерпретация // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2.

198 Авраменко Е.А. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности: сравнительно-правовой анализ // Постулат. 2017. № 11 (25).

199 Албогачиева М. Из истории борьбы с кровной местью в Ингушетии // Антропологический форум. 2011. № 14.

200 Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Lex russica (Русский закон). 2018. № 3 (136).

201 Ардашева Н.А. Эвтаназия как метод искусственного прерывания жизни и право // Актуальные проблемы юриспруденции. Вып. 1. Тюмень, 2010.

202 Арямов А.А. К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 1.

203 Бабичев А.Г. Уголовное законодательство об ответственности за убийство в состоянии «оправданного» аффекта: системная характеристика и критический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2.

204 Байдакова М.Ю. Феномен воли в русской философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 6 (43).

205 Басырова В.Ш. Понимание здоровья с точки зрения различных научных подходов // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2011. № 1 (44).

206 Батурина М.А. Проблемы квалификации простого убийства // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 16.

207 Батюкова В.Е., Гримальская С.А. Хулиганский и экстремистский мотив как конструктивный признак некоторых составов преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12.

208 Бердило Р. Отграничение убийства, совершенного в состоянии аффекта, от смежных составов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 1–1 (45).

209 Бондарь Е.О., Фадеева И.В. Проблемы определения вины юридиче-

ского лица по законодательству об административных правонарушениях // Современное право. 2016. № 2.

210 Буторов Д.И. К вопросу о квалификации убийств, совершенных по мотиву кровной мести // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2017. № 2 (8).

211 Бутырева Н.В. Психологические аспекты убийства по мотиву кровной мести // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3.

212 Варанкина Ю. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых из корыстной или иной личной заинтересованности (на примерах судебной следственной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 145¹ УК РФ) // Уголовное право. 2008. № 6.

213 Васильев В.В. Теоретические проблемы субъективной стороны состава правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1 (4).

214 Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. М., 2007. № 4.

215 Виноградов В.В. Препрудосудок // История слов. М., 1999.

216 Владимиров А.А. Этнос – нация – народ – человечество // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно–практической конференции. Арзамас, 2017.

217 Волков Ю.К. Социальное и национальное: марксистский и неомарксистский взгляд на проблему соотношения наций, этносов и классов // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 2017.

218 Галюкова М.И. Современное зарубежное уголовное законодательство об ответственности за причинение вреда здоровью человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 28 (128).

219 Гасанова Я.О. Убийство в состоянии аффекта: актуальные проблемы и особенности нормы // Адвокатская практика. 2006. № 3.

220 Гнездилова Д.С. Проблемы квалификации убийств, совершаемых в

состоянии аффекта // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 2 (18).

221 Горчакова Е.Б. Взаимосвязь мотива и деятельности // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2003. № 135.

222 Гостькова Д.Ж. Хулиганские побуждения в преступлениях против жизни и здоровья // Уголовное право. 2018. № 2.

223 Гродина К.Е. История развития уголовного законодательства об ответственности за убийство, совершенное с отягчающими обстоятельствами // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А.Г. Чириков. М., 2017.

224 Грубова Е.И. Ретроспективный анализ дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // История государства и права. 2008. № 13.

225 Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. 1969. № 1.

226 Даурбеков А.А., Ужахов А.С. Дискуссионные вопросы понятия и квалификации убийств по мотиву кровной мести // Российский следователь. 2013. № 15.

227 Дворянсков И.И. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с заключенными // Уголовное право. 2013. № 4.

228 Доронин А.М. Уголовная политика Российского государства (история и современность) // История государства и права. 2007. № 16.

229 Дружинин Р.А. К вопросу о понятии субъективных признаков состава преступления: историко-правовой и философский аспекты // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2.

230 Дядюн К.В. Особенности конструирования санкции статьи о незаконном производстве аборта: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации, КНР и Японии // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 33.

231 Епифанов Б.В. Субъективная сторона преступления. Лекция //

Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2.

232 Есаков Г.А. Привходящие действия третьих лиц и причинная связь // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26-27 января 2012 г.). М., 2012.

233 Жерасова А.Р. Убийство, совершенное в состоянии аффекта // Аллея науки. 2017. Т. 5. № 16.

234 Жуманиязов М.А. Проблемы квалификации убийств по законодательству Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2009. № 1 (13).

235 Иваницкий Г.Р. XXI век: что такое жизнь с точки зрения физики // Успехи физических наук. 2010. № 4.

236 Иванов С.Ю. Всеобщее, особенное и единичное как категории диалектической логики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 10 (104).

237 Иванчин А.В. Альтернативные, интегрированные и иные сложные составы преступлений (проблемы трактовки) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7).

238 Иванчин А.В. Еще раз к вопросу о понятии законодательной техники (на примере уголовного права) // Юридическая гносеология. 2016. № 2.

239 Иванчин А.В. О взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права (на примере конструирования состава преступления) // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18 (18).

240 Иванчин А.В. О необходимости совершенствования законодательной регламентации принципов отечественного уголовного права // Вопросы факта и права в юридической деятельности: сборник научных статей (посвящается 110-летию со дня рождения проф. Якова Овсеевича Мотовиловкера). Сер. «Ярославская юридическая школа XXI века». Ярославль, 2020.

241 Кабурнеев Э.В. Проблемы квалификации по объективным признакам преступлений против жизни, предусмотренных специальными нормами

УК РФ // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 1.

242 Кабурнеев Э.В. Развитие законодательства об ответственности за убийство // Журнал российского права. 2007. № 8 (128).

243 Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за пытки в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 9.

244 Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А., Напханенко И.П., Попандопуло Д.В. Понятие и виды аффектов // Философия права. 2017. № 4 (83).

245 Кияткина И.А. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1.

246 Коваль Ю.Б. Эмоции как предмет психологического изучения. URL: http://www.edit.muh.ru/content/mag/205rudy/09_2010/09.pdf.

247 Колокольцева К.А. Уголовно-правовая характеристика простого убийства // Молодой ученый. 2015. № 21.

248 Кондрашова Т.В. Наказание или пытка: парадокс уголовного закона // Уголовное право. 2015. № 1.

249 Коробеев А.И., Чучаев А.И. Уголовный кодекс Китая: общая характеристика (к 20-летию со дня принятия) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87).

250 Котова А.С. О необходимости повышения роли эмоций в уголовном праве // Academy Journal. 2018. № 1 (3).

251 Краев Д. Квалификация убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение при юридической ошибке // Уголовное право. 2014. № 3.

252 Краев Д.Ю. О субъективной стороне убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего // Криминалистика. 2015. № 2 (17).

253 Краев Д.Ю. Отграничение убийства по мотиву кровной мести от иных преступлений // Уголовная политика и правоприменительная практика: материалы V Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 03 ноября 2017 г.) / отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб., 2018.

254 Кривошеин П. Пытка: понятие и признаки // Уголовное право. 2005.

№5.

255 Круть О.В. Мотивация, мотив и цель преступления: соотношение понятий // Вестник Института экономических исследований. 2017. № 3 (7).

256 Крылова Н.Е. Уголовно-правовая защита прав человека от общественно опасных нарушений биоэтики // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности. М., 2003.

257 Кузнецова М.Н. Позитивные и негативные моменты религиозного фанатизма // Омский научный вестник. 2001. Вып. 17 (дек.).

258 Кузнецова О.А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2 (20).

259 Кузьмина Н.В. Уголовно-правовая статистика в криминологических исследованиях этнической преступности // Вопросы управления. 2014. № 2 (27).

260 Кузьмина Н.В. Этническая преступность как предмет криминологического и уголовно-правового изучения: вопросы становления теории // Российский следователь. 2010. № 5.

261 Курочкин В.П. Уголовно-правовая характеристика истязания // Современные научные исследования: теория, методология, практика. 2013. Т. 1. № 3 (3).

262 Курсеев В.В. Особенности квалификации убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 2 (21).

263 Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие // Вопросы философии. 1996. № 4.

264 Липер Р.У. Мотивационная теория эмоций // Психология эмоций. СПб., 2007.

265 Логунова О.С. Вопросы квалификации истязания с применением пытки // Бизнес в законе. 2008. № 1.

266 Лукомская А.С. Понятие психотравмирующей ситуации в ст. 106 УК РФ // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122).

- 267 Лысков Б.Д. Проблема психических состояний в практике судебно-психологической экспертизы // Психические состояния: межвузовский сборник. Л., 1981.
- 268 Максименко Н.А. Мнимые архаизмы уголовного права «Русской Правды» // Вестник Европы. 1905. Март-апрель.
- 269 Мамытов Т.Б. Понятие «нация» и национальность, национальные интересы и цели // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2015. № 10.
- 270 Маркарян С.А. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1.
- 271 Маслова Е. В. Преимущество субъективного вменения в российском уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2011. № 5.
- 272 Маслова Е.В. Философско-логический аспект факультативных признаков субъективной стороны состава преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20).
- 273 Маслова Е.В. Эмоции как факультативный признак субъективной стороны состава преступления // Актуальные проблемы юридической науки: итоги научных исследований аспирантов и соискателей: сборник научных трудов. Н. Новгород, 2011.
- 274 Меджидова К.О. Мотивация как предмет научных исследований // Психология и психотехника. 2012. № 4 (43).
- 275 Монастырский Ю.Э. Роль вины кредитора в установлении объема ответственности и непредвидимости убытков // Закон. 2018. № 6.
- 276 Моор И.В. Развитие чувства сострадания в процессе духовно-нравственного воспитания // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: сборник материалов Международной научно-практической конференции / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2018.
- 277 Мулюков Ф.Б. Вопросы установления объективных и субъективных признаков преступлений против жизни и здоровья // Казанская наука. 2014. № 7.
- 278 Мусаев А.А. Понятие пытки в уголовном праве // Юридический факт. 2019. № 71.

279 Мустафаев Ф.М. Некоторые философские проблемы уголовного права // Системные технологии. 2014. № 1 (10).

280 Мухтабаева Р.К. Сравнительно-правовой анализ статьи «пытки» по уголовному законодательству зарубежных стран // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. С.К. Бурякова. Барнаул, 2017.

281 Наумов А.В. Новый УК Украины // Государство и право. 2002. № 3.

282 Неустроева А.В., Веснина С.Н. Значение объективных данных произошедшего в получении информации о субъективной стороне преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Дальневосточном федеральном округе: материалы Всероссийской научно-практической конференции / ред. Е.П. Ким. Хабаровск, 2008.

283 Нуркаева Т.Н. Законодательство древней Руси и царской России об ответственности за преступления против жизни и здоровья // Вестник ВЭГУ. 2014. № 2 (70).

284 Огородникова Е.Г. Причинение вреда здоровью в российском уголовном законодательстве: история становления и развития // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4. № 11.

285 Огородникова Н.В. Об уголовно-правовом статусе психического расстройства // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского. СПб., 2005.

286 Огородникова Н.В. Уголовно-правовой запрет как инструмент предупреждения преступлений: отечественный и зарубежный опыт учета привилегированных признаков убийства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 2.

287 Оксамытный В.В. Становление сравнительного правоведения как юридической науки: исторические рамки оформления // Право: история, теория, практика: сборник статей и материалов. Брянск, 2018.

288 Олышанникова А.Е. Проблема эмоций в трудах С.Л. Рубинштейна. URL: <https://www.studentlibrary.ru/doc/ISBN9785927002177-SCN0002/060.html>.

- 289 Первомайский В. Б., Илейко В. Р., Простаков И. Я. Сильное душевное волнение: объём и содержание понятия в законодательстве // Архів психіатрії. 2005. Т. 11, № 4.
- 290 Петров Ю.В. Философия и жизнь: от философии жизни к философии культуры // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277.
- 291 Плаксина Т.А. Регламентация ответственности за квалифицированные виды убийств в уголовном законодательстве России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии: сравнительно-правовое исследование // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17).
- 292 Плаксина Т.А. Регламентация ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в уголовном законодательстве России, Казахстана и Кыргызстана // Алтайский юридический вестник. 2015. № 3 (11).
- 293 Платон. Теэтет 185c // Theaetetus, ed. J. Burnet, Platonis opera. Vol. 1. Oxford, 1900 (repr. 1967): St. I.142a–210d.
- 294 Подольный Н.А. Понятие «аффект» в уголовном праве // Государство и право. 2003. № 4.
- 295 Предложения по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (часть 1) // Российский психиатрический журн. 2014 . № 4.
- 296 Пырьев Е.А. Оценка мотивационных возможностей эмоций // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2-4.
- 297 Пырьев Е.А. Эмоциональная мотивация: психофизиологический аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 2 (163).
- 298 Розенко С.В., Рожин А.А. Убийство, совершенное в состоянии аффекта // Міжнародний науковий журнал Інтернаука. 2017. Т. 2. № 3.
- 299 Романова В.В. Корыстная заинтересованность как мотив совершения злоупотребления должностными полномочиями // Криминалисть. 2012. № 1 (10).
- 300 Серебренникова А.В. Виды убийств по Уголовному кодексу Федеративной Республики Германии // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 1.

301 Симоненко О.О. Мотивация и характер насилия групповых корыстно-насильственных преступлений против собственности граждан // Российский следователь. 2009. № 22.

302 Скворцова О.В., Степанюк А.Н. Генезис уголовно-правовой регламентации преступлений, совершенных в состоянии аффекта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 1.

303 Смирнов В.А. Цель как признак субъективной стороны преступления // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1 (64).

304 Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности. Вып. 1. М., 2001.

305 Стрекалов А.Е. Значение мотива преступления в современной уголовной доктрине // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2015. № 32.

306 Суденко В.Е. Теория причинности в уголовном праве // Сервис plus. 2010. № 4.

307 Суслин Э.В., Малинин В.Б. Философские основы причинной связи в уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4 (21).

308 Тараканов И.А., Пичугин С.А. Хулиганские побуждения как признак субъективной стороны состава преступления // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 1 (15).

309 Тищенко Е.В. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны // Юридическая мысль. 2017. № 4 (102).

310 Ткаченко В.Н. Квалификация убийства и причинение тяжких последствий, совершенных в состоянии сильного душевного волнения // Вопросы криминалистики. 1967. № 12.

311 Улитин И.Н. Дискуссионные вопросы квалификации убийства по мотиву кровной мести // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы: сборник научных статей по материалам V Международного научно-практического форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых (г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 20 марта

2020 г.). Саратов, 2020.

312 Улитин И.Н. К вопросу о «персональной» криминализации пыток и содержании их субъективной стороны // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5 (82).

313 Улитин И.Н. Мотивы и цели убийств, совершенных без квалифицирующих и привилегирующих обстоятельств // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы: сборник научных статей по материалам IV Международного научно-практического форума магистров, аспирантов и молодых ученых (г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 22 марта 2019 г.). Саратов, 2019.

314 Улитин И.Н. Некоторые вопросы субъективной стороны убийства матерью новорожденного ребенка // Znanstvena Misel. Прага, 2019. № 29.

315 Улитин И.Н. Убийство из сострадания и особенности его субъективной стороны // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 15 (1).

316 Улитин И.Н. Уголовно–правовое значение факультативных признаков субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья личности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147).

317 Улитин И.Н. Эволюция факультативных признаков субъективной стороны состава преступления в уголовном праве России // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, КСЭИ, 18 апреля 2019 г.) / отв. ред. М.Л. Прохорова. Краснодар, 2019.

318 Улитин И.Н. Эмоции и их уголовно-правовое значение: дискуссионные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2019. № 5.

319 Файтуллаев А.А. Принятие мотива личностью // Психологический журнал. 1985. Т. 6, № 4.

320 Федотова О.Ю. К вопросу об определении видов аффекта в теории уголовного права // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Могилев, 27 февраля 2014 г.). Могилев, 2014.

321 Филиппова Е.О. Особенности уголовной ответственности за убийство в состоянии аффекта в законодательстве России и зарубежных стран // Вопросы российского и международного права. 2015. № 10.

322 Хатова Ж.М. Понятие состава административного правонарушения нуждается в законодательном закреплении // Административное право и процесс. 2007. № 1.

323 Черлюнчакевич А.И. Влияние эмоций на структуру личности педагога в процессе служебной деятельности // Человеческий капитал. 2016. № 4 (88).

324 Чернова Н.А. Соотношение мотива совершения преступления и эмоций в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70).

325 Чернова Н.А. Эмоции в структуре субъективной стороны преступления // Современный юрист. 2016. № 2.

326 Числов А.И., Шарапов Р.Д. Понятие и виды насилия в уголовном праве // Борьба с преступным насилием. Материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Ю.М. Антоняна. М., 2008.

327 Шарапов Р.Д. Преступления против жизни: уголовно-правовые традиции и законодательные новации // Криминалисть. 2019. № 4 (29).

328 Шахбанова Х.М., Ахмедханова Х.М. Развитие института вины в отечественном уголовном законодательстве // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. научных статей по материалам VI Международной заочной научно-практической конференции. Курск, 2015.

329 Шванская А.Д., Чеснокова О.А. Проблемные аспекты убийства в целях использования органов и тканей потерпевшего // Научные открытия 2018: материалы XXXVIII Международной научно-практической конференции, 25-28 мая 2018 г. М., 2018.

330 Шишков С. Установление «внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» // Законность. 2002. № 11.

331 Щеглов А.П. Философские аспекты понятия «здоровье» // Развитие личности. 2017. № 2.

332 Яворский М.А., Логинова Э.С. К вопросу о кровной мести: история и современность // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2018.

5 Диссертации, авторефераты диссертаций

333 Антоненко М.М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018.

334 Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

335 Борисенкова Н.В. Уголовно-правовая оценка жестокости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

336 Борисов С.В. Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

337 Думанская Е.И. Мотив преступления как итог мотивационного процесса: его значение при квалификации убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

338 Есина Л.А. Квалификация хулиганства и иных преступлений, совершенных из хулиганских побуждений (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

339 Канадина Н.Е. Уголовная ответственность за убийство в странах Балтии и СНГ: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

340 Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

341 Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка: теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ: дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003.

342 Кейдунова Е.Р. Уголовная ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах (п. п. «а», «д», «е» части 2 ст. 105 УК РФ): дис. ... канд.

юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

343 Колчина Н.А. Организационно-правовой механизм борьбы с убийствами, совершенными в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

344 Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

345 Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

346 Манойлова С.А. Эмоции в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005.

347 Маслова Е.В. Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

348 Махмудова М.А. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: по материалам Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006.

349 Минекаева А.Ф. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

350 Нафиев С.Х. Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 1999.

351 Павлуцкая С.В. Убийства, совершаемые при отягчающих обстоятельствах, характеризующих особенности субъективной стороны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009.

352 Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

353 Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России (история и современность): дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996.

354 Попрядухина И.В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2012.

355 Пуляева Е.В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007.

356 Рудяк В.В. Уголовная ответственность за убийство, совершенное по мотиву кровной мести: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

357 Смирнов В.А. Уголовно-правовая характеристика целей убийства, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012.

358 Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

359 Фабрика Т.А. Проблемы уголовной ответственности за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.

360 Федоров Р.В. Юридические гарантии в системе мер конституционно-правового обеспечения депутатской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

361 Цельникер Г.Ф. Вина в российском уголовном праве: общетеоретический и исторический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

362 Черепенников Р.В. Цели преступного деяния и их уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

363 Чернова Н.А. Эмоции, связанные с преступлением: понятие, виды и проблемы учета по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017.

364 Чугунов А.А. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

6 Энциклопедии, словари и справочники

365 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1998. Т.2. С. 583; Т. 3.

366 Джекенс Э. Свод английского гражданского права. М., 1941.

367 Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред.

А.Г. Маньков. 1986. Т. 4. М., 1984.

368 Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. М., 2005.

369 Новая философская энциклопедия. В 4 томах / научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., 2010.

370 Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. Ред. А.А. Грицанов. М., 2003.

371 Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1999.

372 Пивовар А.Г., Осипов В.И. Англо-русский юридический словарь. М., 2003.

373 Психологический словарь / под ред. М.И. Зарницкого. М., 2005.

374 Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/126230>.

375 Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991.

7. Интернет-ресурсы

376 Der Mord gemäß § 211 StGB: Wann wird aus einem Totschläger ein Mörder? . URL: <https://www.anwalt.org/mord/>.

377 Länder mit Regelung zur Suizidhilfe oder der Aktiven Sterbehilfe. URL: http://www.dignitas.ch/index.php?option=com_content&view=article&id=54&Itemid=88&lang=de.

378 Voluntary Manslaughter Overview. URL: <https://criminal.findlaw.com/criminal-charges/voluntary-manslaughteroverview.html>.

379 Заключительные замечания по шестому периодическому докладу Российской Федерации. URL: <http://docstore.ohchr.org/>.

380 Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

381 Статистика и аналитика МВД России. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/Deljatelnost/statistics>.

382 Судебная статистика. Судебный департамент. URL: <http://www.cdep.ru/>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Анкета для опроса респондентов по теме исследования

Уважаемый респондент!

Мною осуществляется диссертационное исследование по теме «Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: теоретико-прикладное исследование». Обращаюсь к Вам с просьбой ответить на возникшие в ходе ее изучения вопросы. Ваши ответы помогут в разработке выводов и предложений, связанных с теоретическими, законодательными и правоприменительными аспектами названной проблемы.

Прежде всего прошу ответить на ряд общих вопросов

№	Вопрос	Результат
1	а) федеральный судья; б) следователь (МВД, следственный комитет)	а) 42 % б) 58 %
2	Связана ли ваша работа с расследованием, рассмотрением и разрешением уголовных дел о преступлениях против жизни и здоровья? а) да; б) нет	а) 100 % б) 0 %
4	Ваш трудовой стаж: а) до 3 лет; б) до 10 лет; в) свыше 10 лет	а) 25 % б) 56 % в) 19 %

Вопросы по теме исследования

№	Вопрос	Результат
1	Согласны ли Вы с утверждением, что осознанная потребность выступает основной зарождения мотивов, целей и эмоций при совершении преступного деяния? а) да; б) нет; в) затрудняюсь ответить	а) 65 % б) 29 % в) 6 %
2	Влияет ли эмоциональное состояние лица во время совершения преступления на дифференциацию и индивидуализацию наказания? а) да; б) нет; в) да, но только применительно к преступлениям, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 106, 107, 113 УК РФ	а) 61 % б) 4 % в) 35 %
3	Являются ли, по Вашему мнению, синонимами такие словосочетания, как «состояние сильного душевного волнения» и «со-	а) 41 % б) 51 %

	стояние аффекта»? а) да; б) нет; в) затрудняюсь ответить	в) 8 %
4	Требуется ли замена терминов ««аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» в УК РФ на термин «аффектированное состояние», под которым предлагается понимать состояние, оказывающее определяющее влияние на сознание и волю лица, совершившего преступное деяние, не исключающее вменяемости, вызванное насилием, издевательствами или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо его иными противоправными или аморальными действиями, а равно обусловленной ими длительной психотравмирующей ситуацией? а) да; б) нет; в) иное; г) затрудняюсь ответить	а) 47 % б) 40 % в) – г) 13 %
5	Необходимо ли дифференцировать уголовную ответственность в ст. 113 УК РФ по тяжести причиняемого вреда здоровью? а) да; б) нет	а) 91 % б) 9 %
6	Согласны ли Вы, что под термином «иные противоправные или аморальные действия», используемым в ст. 107 и 113 УК РФ, понимаются действия (бездействие), как предусмотренные статьями УК РФ, но не подпадающие под признаки насилия, издевательства или оскорбления, так и не предусмотренные уголовным законом, но связанные с нарушением требований норм иных отраслей права или морали? а) да; б) нет; в) иное (предложите, пожалуйста, свою дефиницию); г) затрудняюсь ответить	а) 87 % б) – в) – г) 13 %
7	В связи с наличием вопросов в толковании термина «психотравмирующая ситуация», указанного в ст. 106 УК РФ, считаете ли Вы, что его легальное закрепление устраним проблемы квалификации преступного деяния? а) да, легальное закрепление термина поможет устранить правоприменительные проблемы; б) нет, данный термин не нуждается в легальном закреплении; в) затрудняюсь ответить	а) 69 % б) 29 % в) 2 %
8	Считаете ли Вы приемлемым следующее определение психотравмирующей ситуации применительно к ст. 106 УК РФ: «Под психотравмирующей ситуацией предлагается понимать совокупность объективных и субъективных обстоятельств, связанных с беременностью, родами, состоянием матери и ребёнка, отрицательно воздействующих на психику женщины, вызыва-	а) 72 % б) 24 % в) – г) 4 %

	ющих отрицательные эмоции у матери, что снижает ее возможность адекватно оценивать свои действия, ограничивает способность контролировать свои поступки и прогнозировать их возможные последствия»? а) да; б) нет; в) иное (предложите, пожалуйста, свою дефиницию); г) затрудняюсь ответить	
9	Являются ли, по Вашему мнению, синонимами «мотив» и «побуждение»? а) да; б) нет; в) иное; г) затрудняюсь ответить	а) 74 % б) 26 % в) – г) –
10	Видится ли Вам обоснованным введение в УК РФ такого привилегированного состава убийства, как совершение его из сострадания? а) да; б) нет; в) затрудняюсь ответить	а) 91 % б) 9 % в) –
11	Требуется ли, на Ваш взгляд, введение в УК РФ обособленной нормы, предусматривавшей ответственность за пытки (например, ст. 117¹)? а) да; б) нет, так как ответственность за пытки предусмотрена п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ; в) затрудняюсь ответить	а) 68 % б) 32 % в) –

ГРАФИЧЕСКОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА

